

ИСКАНИЕ ПРАВДЫ

А. Н. РАДИЩЕВ

А. С. ГРИБОЕДОВ

А. С. ПУШКИН

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

В. В. СТАСОВ

Л. Н. ТОЛСТОЙ

П. И. ЧАЙКОВСКИЙ

В. Д. ПОЛЕНОВ

Л. Н. АНДРЕЕВ

И. Э. ГРАБАРЬ

Л. В. СОБИНОВ

Н. К. РЕРИХ

ИСКАНИЕ ПРАВДЫ

МОСКВА
„ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"
1980

67.3
А47

Алексеев А. И.

А 47 Искание правды.— М.: Юрид. лит., 1980.—

Книга посвящена выдающимся деятелям русской культуры — юристам по образованию: Л. Н. Толстому, П. И. Чайковскому, А. Н. Радищеву, А. С. Грибоедову и другим. Читатель узнает много нового о хорошо известных ему людях, об их практической деятельности на юридическом поприще в качестве защитников по уголовным делам, мировых посредников, заступников несправедливо осужденных. Показана также деятельность различных юридических учреждений соответствующего периода: Сената, Коммерц-коллегии, таможни и др.

Для широкого круга читателей.

А $\frac{11001\text{-}139}{012(01)\text{-}80}$ 83-81 1203150000 67.3

АНАТОЛИЙ ИВАНОВИЧ АЛЕКСЕЕВ

«ИСКАНИЕ ПРАВДЫ»

Редактор Е. П. Черкашина
Художники Е. П. Суматохин, И. И. Суслов
Художественный редактор Э. П. Батаева
Технический редактор В. А. Серякова
Корректор В. Д. Рыбакова

ИБ № 1058

Сдано в набор 10.06.80. Подписано в печать 4.11.80.
А-07308. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 2. Гарнитура академическая.
Печать высокая. Объем: усл. печ. л. 7,14; учет.-изд. л. 7,4.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 700. Цена 25 коп.

Издательство «Юридическая литература»
121069, Москва, Г-69, ул. Качалова, д. 14

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект 29.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Право и искусство... Между ними существует связь более тесная, чем это может показаться на первый взгляд. Вспомним, к примеру, как часто обращаются художники, писатели, драматурги, работники кино, театра к тому, что называется правовой действительностью. Закон и практика его применения, деятельность органов следствия и суда, мотивы и «механизм» противоправного поведения — эти и другие юридические проблемы не раз служили основой, исходным материалом для значительных художественных обобщений. Тому пример — многие страницы творчества Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Чехова, А. М. Горького.

Влияние искусства на правовое осознание действительности, связь закона и юридической практики с художественным творчеством через моральные категории и оценки, юридическая защита прав авторов произведений искусства, международно-правовые соглашения об охране культурных ценностей — вот еще точки соприкосновения права и искусства.

Можно было бы привести немало примеров тесного и плодотворного сотрудничества юристов и работников искусства в нашей повседневной жизни, в конкретных практических делах: криминалист исследует документ почти столетней давности и ставит точки над i в затянувшемся споре литературоведов об авторе грязного пасквиля, который сыграл роковую роль в судьбе великого поэта; доктор искусствоведения проводит искусствоведческую экспертизу, помогающую судьям разрешить запутанное дело...

Некоторые видные юристы сказали свое слово в искусстве и литературе. Например, широко известны заслуги выдающегося русского юриста А. Ф. Кони на литературном поприще, в области культуры. В число многих званий, которых он был удостоен, входило и звание почетного академика изящной словесности.

Д. А. Ровинский вошел в историю как видный судебный деятель и выдающийся искусствовед, создатель капитальных трудов по истории русской и западноевропейской гравюры и народного лубка.

К. Арсеньев, В. Спасович, С. Андриевский, А. Урусов были не только видными судебными деятелями, но и известными для своего времени литераторами.

Небезынтересен и тот факт, что многие служители муз, прежде чем прийти в искусство, изучали право, получили юридическое образование, некоторые из них занимались юридической практикой, иные совмещали ее с художественным творчеством.

Закончили юридические учебные заведения А. Н. Радищев, А. С. Грибоедов, поэты А. Н. Майков, Я. П. Полонский, А. Н. Апухтин, писатель Л. Н. Андреев, художники В. Д. Поленов, М. А. Врубель, Н. К. Рерих, И. Э. Грабарь, А. Н. Бенуа, М. В. Добужинский, И. Я. Билибин, В. В. Кандинский, композиторы П. И. Чайковский, А. Н. Серов, И. Ф. Стравинский, певец Л. В. Собинов, художественный критик В. В. Стасов.

Собирались стать правоведами, но по разным причинам не завершили своего юридического образования Л. Н. Толстой, А. А. Блок, К. Д. Бальмонт, А. А. Ахматова, М. А. Во́лошин...

Впрочем, мало ли примеров того, как люди, выбрав в юности один жизненный путь, в зрелом возрасте переходили на другой, порой весьма далекий от прежнего? Случалось, скажем, и такое: Александр Блок, по его собственным словам, оказался на юридическом факультете «довольно бессознательно», и вскоре — уже вполне сознательно — будущий поэт перешел на историко-филологический.

М. А. Врубель родился в семье военного юриста. Его отец, человек глубоко и разносторонне образованный, поощрял рано пробудившиеся художественные наклонности сына. Но когда пришло время выбирать жизненный путь, будущий художник поступил, по примеру отца, на юридический факультет и закончил его. Однако и в этом случае последнее слово осталось, как известно, за музами, и было бы напрасно проводить какие бы то ни было параллели между Врубелем-художником и Врубелем-правоведом.

Но наши очерки не о превратностях судьбы людей, чьи имена заняли достойное место в истории духовной культуры.

Повлияло ли полученное в юности образование на мировоззрение, жизненные взгляды, гражданскую позицию, а возможно, и творческий путь того, кто известен нам как художник или литератор, композитор или певец? Существовали ли связи — прямые или косвенные — между его знаниями, приобретенными на юридическом факультете, и художественной практикой, а также общественной деятельностью? Вот что особенно интересует нас в данном случае.

Просматривая каталог публичной библиотеки, автор обратил внимание на то, что в нем значатся такие работы о Л. Н. Толстом: «Толстой-психолог» и «Толстой-педагог», «Толстой-воин» и «Толстой — обличитель войны», «Толстой-спортсмен» и «Толстой-вегетарианец», «Толстой о медицине и врачах», «Толстой и шахматы», «Любовь в жизни Толстого» и т. д. А вот работы «Толстой и право» в этом каталоге не оказалось. Была в нем лишь небольшая брошюра на близкую тему, не претендующая на сколько-нибудь полное изложение вопроса. Между тем известно, что право заняло немалое место в жизни и творчестве гениального писателя, который, по словам А. М. Горького, «был самым сложным человеком среди всех крупнейших людей XIX столетия».

Жизнь выдающихся людей многогранна, а следовательно, интересна и поучительна во многих отношениях. К. Г. Паустовский говорил: «Всегда удивительна, но порой неожиданна власть гения над человеческими сердцами. Она выражается не только в непосредственном и неотразимом воздействии на нас со стороны всего им созданного, но и во всем, что так или иначе связано с ним самим, с его жизнью. Мы хотим знать о нем все. Мы хотим видеть все, что он видел, все, на чем останавливался его взгляд. Мы хотим по самой обстановке его жизни восстановить ход его сокровенных мыслей и порывы его воображения».

Руководствуясь этими глубоко справедливыми словами, перелистаем страницы биографий некоторых выдающихся деятелей отечественной культуры, людей, которые известны прежде всего своим служением музам, а не Фемиде.

ЖИТЬ — ЗНАЧИТ БОРОТЬСЯ

А. Н. Радищев (1749—1802) — один из выдающихся деятелей освободительного движения в России, стоявший у самых его истоков. Он вошел в историю литературы и общественно-политической мысли прежде всего как активный борец против самодержавия, автор «бунтарской» книги «Путешествие из Петербурга в Москву» и других литературных произведений. Менее известны его работы в области правоведения, так же как и его юридическая деятельность. А между тем есть все основания считать, что А. Н. Радищев был выдающимся юристом своего времени.

А. Н. Радищев родился в дворянской семье. В 1767 году после окончания привилегированного заведения для выходцев из аристократических семей — Пажеского корпуса он в числе других лучших учеников был направлен в Лейпцигский университет изучать юриспруденцию. Акция эта по тем временам имела общегосударственный характер. Екатерина II не только лично повелела отправить группу выпускников Пажеского корпуса в Лейпциг «для наук», но собственноручно составила по этому случаю подробную инструкцию, включающую в себя двадцать три пункта. Молодым людям предписывалось, в частности, обучаться «моральной философии, логике, истории, а наипаче праву,

естественному и всенародному и несколько и Римской империи правам».

В течение первых двух лет пребывания в Лейпцигском университете русские студенты изучали логику, «натуральное» (естественное) право, «народное» (публичное) право, «универсальную» (всеобщую) историю, «генеральное политическое» (государственное) право, «историю всех государств и о состояниях оных» (историю государства и права). Усиленно занимались языками (латынью, немецким, французским), а также музыкой и рисованием.

К группе русских студентов был приставлен гофмейстер (инспектор) Бокум, впоследствии разоблаченный как проходимец и казнокрад. С этим соглядатаем у молодых людей еще по дороге в Германию начались конфликты, которые затем переросли в открытое неповиновение, настоящий бунт.

Лейпцигский университет того времени официально имел репутацию солидного учебного заведения А по словам В. Гете, который тоже обучался в нем, на всех четырех факультетах (философском, богословском, медицинском и юридическом) царил «тупой педантизм».

У Радищева и его товарищей довольно скоро определилось резко отрицательное отношение к официальной науке — нескончаемым потокам схоластики и казуистики, которые обрушили на них университетские профессора. Молодые люди интенсивно занимаются самообразованием, штудируют трактат Гельвеция «Об уме», изучают «Европейское публичное право» Мабли, «Общественный договор» Руссо, знакомятся с трудами Дидро, Монтескье, других французских просветителей. С позиций передовых философских воззрений того времени Радищев и его товарищи много размышляют и горячо спорят о различных вопросах их будущей профессии: на чем основано право наказания преступника, кому оно должно принадлежать, что является источником государственной власти, каким должно быть соотношение кары и воспитания в наказании и т. п. Дух атеизма и вольнодумства становится постоянным спутником русских студентов, все больше и больше овладевает их умами. Вот что писал Бокум о своих «подопечных» в одном из донесений санктпетербургскому начальству: «Они полностью пренебрегают своими занятиями по закону божьему, не посещают церковной

службы или же, если посещают, нарушают благопристойность службы смехом и фиглярством».

Несмотря на косность и рутину казенной университетской науки, более того, вопреки ей Радищев за годы своего студенчества не только обстоятельно знакомится с прогрессивными социально-политическими доктринами, передовыми взглядами и идеями современности, но и прочно усваивает их, делает основой, фундаментом своего мировоззрения. Видимо, это не осталось незамеченным в Петербурге. Иначе не объяснить тот факт, что дворянский сын, неизменно преуспевающий в науках, после окончания «наимоднейшего» для того времени университета по возвращении в 1771 году на родину получил более чем скромную должность протоколиста в Первом департаменте Сената. Этот департамент ведал вопросами административного управления, контролировал исполнение законов местными властями, заслушивал отчеты Иностранной и других коллегий, руководил торговыми и таможенными делами, рассматривал челобитные, поступавшие от частных лиц, разбирал спорные дела губернских управлений. Радищев и его товарищи вели протоколы, а также готовили материалы к заседаниям сенаторов: изучали дела и составляли их краткое изложение — «экстракты», писали проекты решений со ссылками на соответствующие указы и постановления.

Мечты просвещенных молодых юристов служить интересам справедливости и законности разлетелись в прах, как только они столкнулись с прозой жизни, с бюрократическим административным и судебным аппаратом царской России, который неизменно держал сторону власть имущих, бесстрастно взирая на царящее повсюду беззаконие, бесправие народа. Наступило разочарование. Радищев, а также два его товарища по университету уходят из Сената и поступают в армию. В мае 1773 года Радищев назначается обер-аудитором в штаб Финляндской дивизии, а вскоре выходит в отставку «по домашним обстоятельствам». В 1777 году он возвращается на службу и поступает в Коммерц-коллегию, которая занималась внутренней и внешней торговлей, вопросами развития промышленности и ремесл, а затем переходит в столичную таможню и через некоторое время назначается ее управляющим.

Служба здесь у Радищева была хлопотная, но главным для него в это время стала, конечно, не она, а работа над книгой «Путешествие из Петербурга в Москву». Приняв рукопись за невинные путевые заметки, петербургский оберполицмейстер проштамповал на ней «печатать дозволено». Книгу негде было печатать, и А. Н. Радищев решил устроить полукустарную типографию у себя дома. К работе в ней он привлек надежных людей из числа служащих таможни. Напечатано было шестьсот пятьдесят экземпляров «Путешествия», в продажу поступило всего тридцать два — тридцать три (по другой версии — около восьмидесяти) экземпляров. Но и этого было достаточно для того, чтобы через неделю-другую о книге заговорила вся читающая публика столицы. Передовые, прогрессивно мыслящие люди горячо восприняли свободолюбивые, революционные идеи автора «Путешествия». А у тех, кто стоял у трона, книга А. Н. Радищева вызвала жгучую ненависть, яростную злобу. «Власть предержащие» сразу увидели, какую опасность для них, для основ существующего общественного и государственного строя представляет «Путешествие из Петербурга в Москву».

Автор книги поначалу оставался неизвестным. И пока царские ищейки разыскивали его в Петербурге, А. Н. Радищев, предупрежденный друзьями, успел подготовиться к аресту: уничтожил компрометирующие документы, нераспроданные экземпляры книги, передал на хранение некоторые бумаги, среди них трактат «Опыт о законодавстве», сохранившийся в частном архиве до наших дней.

30 июня 1790 г. А. Н. Радищев был взят под стражу и заключен в Петропавловскую крепость. Предписывалось содержать его как «секретного арестанта» и в «обыкновенном месте», т. е. без упоминания в деловых бумагах оснований ареста и без послаблений в режиме, обычно предоставлявшихся лицам дворянского сословия.

Следствием по делу Радищева руководил чиновник Тайной экспедиции Шешковский, ранее проявивший большое усердие на допросах Емельяна Пугачева и заслуживший у современников кличку «кнутобойца». А. С. Пушкин называл его «домашним палачом» императрицы. Допрашивался Радищев по изощренной системе тайного розыскного процесса, одно из главных правил которого гласило: «Когда кто признает, чем он

винен есть, тогда дального доказу не требует, понеже собственное признание есть лучшее свидетельство всего света». Вначале обвиняемый давал устные показания, потом писал черновые ответы на так называемые «вопросные пункты», наконец, протокол переписывался набело, при этом вносить какие-нибудь исправления в черновик не разрешалось. Уже само содержание «вопросных пунктов» свидетельствовало о том, что расследование даже внешне не претендовало на объективность, велось с явным обвинительным уклоном. Например, пункт четырнадцатый вопросов был сформулирован так: «Почему он (т. е. Радищев А. Н.— *А. А.*) охуждал состояние помещичьих крестьян, зная, что лучшей судьбы российских крестьян у хорошева помещика нигде нет?» И такие «вопросы» задавались в то время, когда газеты империи были заполнены деловитыми объявлениями вроде следующих: «Продается ткач тридцати пяти лет с женой и дочерью и вятский жеребец шести лет...»; «Продается дворовый человек, кучер с женой, коему цена четыреста рублей».

На следствии к А. Н. Радищеву применялось так называемое священническое увещевание, но и эта «процессуальная мера» не дала результатов, к которым стремились следователи. Несмотря на старания многоопытного «кнутобойца» и других чиновников Тайной экспедиции, обвиняемый не торопился представлять в распоряжение обвинительной власти «лучшее свидетельство всего света». Он довольно искусно строил свою защиту, уклоняясь от прямых ответов на главные вопросы, признавая лишь очевидные факты, сознательно искажая в некоторых случаях смысл того, о чем говорилось в книге. Например, в «Путешествии» есть строки, где сказано, что освобождение крестьян зависит от них самих, а не от помещиков. Екатерина II не без основания в этом месте сделала пометку: «То есть надежду полагает на бунт от мужиков». Радищев же в показаниях «разъяснил» смысл соответствующего текста так: «Писав сие, я то разумел: естьли б случилось, что дворяне будут своих крестьян отягощать чрезмерно, и тогда высшая императорская власть их от онаго отягощения избавит».

Неоднократно задавался А. Н. Радищеву вопрос о том, какими побуждениями он руководствовался при написании книги. Следователи и судьи получили такой ответ: «Главное ево намерение в сочинении сей книги

состояло в том, чтоб прослыть писателем и заслужить в публике гораздо лучшую репутацию, нежели как об нем думали до того».

Следствие следствием, но судьба обвиняемого уже была предрешена самой императрицей, которая внимательно, с карандашом в руках прочитала «Путешествие» и нашла, что книга эта «наполнена самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтобы произвесть в народе негодование противу начальников и начальства, и наконец оскорбительными и неистовыми изражениями противу сана и власти царской». Об авторе Екатерина II высказалась так: «Бунтовщик хуже Пугачева».

Это был уже приговор, и очень суровый. Комедия следствия должна была неотвратимо завершиться комедией суда. Так оно и случилось. Дело А. Н. Радищева поступило в Палату уголовного суда, где оно рассматривалось при закрытых дверях. «Кнутобойцы», восседавшие теперь за судейским столом, использовали для юридического оформления расправы над писателем множество постановлений и узаконений, изданных царской властью более чем за сто лет: от Уложения царя Алексея Михайловича до самых последних уставов. Для квалификации действий подсудимого было сделано пятьдесят выписок из законов. Одна из формул обвинения гласила: «Будет кто каким умышлене и учнет мыслити на государское здоровье злое дело... такова про сыску казнить смертию». В другом законе, по которому обвинялся А. Н. Радищев, значилось: «А которые воры чинят в людях смуту и затевают на многих людей своим воровским умышлением затейные дела, и таких воров за такое их воровство казнить смертию».

Вынесенный Радищеву смертный приговор был утвержден в соответствующих инстанциях. Но 4 сентября 1790 г. неожиданно последовало решение императрицы о замене ему смертной казни десятилетней ссылкой в Сибирь, в Илимский острог на «безысходное пребывание». Такой самодержавно-милостивый жест был в духе Екатерины II, с ее нескончаемым двуличием и позерством. Возможно, сыграло роль и заступничество бывшего начальника А. Н. Радищева по Коммерц-коллегии графа А. Р. Воронцова, который неизменно принимал живейшее участие в его судьбе.

Освобожден от отбывания наказания А. Н. Радищев был только в 1801 году. Но травля писателя продолжалась и после этого. 11 ноября 1802 г. в состоянии сильной душевной депрессии А. Н. Радищев покончил жизнь самоубийством.

В творческом наследии А. Н. Радищева юридические труды занимают немалое место. Сохранились также свидетельства о некоторых сторонах деятельности Радищева как юриста-практика.

В должности обер-аудитора Финляндской дивизии А. Н. Радищев был фактически юридическим советником ее командира. В его обязанности входил прежде всего надзор за действиями полковых судов, в которых не было профессиональных юристов. Командир дивизии выносил окончательное решение по приговорам этих судов только после получения соответствующего заключения от обер-аудитора. Вскоре после вступления в должность Радищев давал заключение по приговору полкового суда, осудившего к смертной казни трех солдат за убийство в пьяной драке хозяина избы, у которого они остановились на постой. В заключении был обстоятельно аргументирован вывод о непредумышленном характере преступления, подчеркивалось, что оно совершено в состоянии запальчивости. В соответствии с доводами обер-аудитора смертная казнь была заменена другим наказанием.

Работая в Коммерц-коллегии и таможне, А. Н. Радищев много внимания уделял юридической стороне деятельности этих учреждений, проявил себя как крупный специалист в области торгового законодательства, непосредственно участвовал в разрешении сложных, запутанных дел, связанных с его применением. Сын А. Н. Радищева — Николай Александрович — писал об отце: «Вникнув наконец в дела Коммерц-коллегии, он начал показывать непреклонную твердость характера в защите правовых дел». А. Н. Радищев часто выполнял ответственные поручения начальника Коллегии, в частности представлял ее интересы в других ведомствах, проводил проверки подчиненных ей учреждений.

Во время службы в таможне А. Н. Радищев вел переговоры с иностранными коммерсантами, посещал консульства и принимал их представителей, проверял таможенные операции, их соответствие законодательству, разрешал споры между капитанами судов, владельцами

импортных товаров и таможенными досмотрщиками. Вот один из эпизодов таможенной практики А. Н. Радищева.

В Кронштадт прибыли шесть военных кораблей Франции для загрузки товарами. Командир эскадры считал, что в данном случае таможенные правила неприменимы, поскольку корабли военные. Кронштадтские таможенные власти не соглашались с ним. Для разрешения конфликта в Кронштадт выехал Радищев. Он доказал, что, хотя корабли и военные, они должны быть приравнены к обычным торговым судам, так как прибыли с коммерческой целью, и в случае неподчинения таможенным правилам придется произвести «чрезвычайный досмотр». Командир эскадры вынужден был согласиться с доводами А. Н. Радищева и предъявил необходимые для обычного таможенного досмотра документы.

Часто молодому правоведу приходилось заниматься и вопросами борьбы с контрабандой. В одном из писем к А. Р. Воронцову А. Н. Радищев сообщал: «Из многих опытов и примеров можно видеть, что купцы, почитающиеся здесь лучшими в рассуждении платежа пошлин, не токмо не всегда поступают по правилам добродетели, но если где то возможно, то не соблюдают оной и наружности». По поручению Комиссии о коммерции А. Н. Радищев подготовил проекты нового таможенного тарифа и указа о запрещении провоза через пограничные таможни иностранных товаров, с тем чтобы приостановить резкое падение курса российских денег, вызванное состоянием войны России со Швецией и Турцией. После принятия указа во всех городах страны были произведены ревизии с целью выявления у купцов контрабандных товаров.

До прихода А. Н. Радищева в таможню взяточники и казнокрады чувствовали себя привольно. Он многое сделал для наведения там порядка и избавился от нечистых на руку служащих, заменив их честными людьми. На плечи А. Н. Радищева легло также множество хозяйственных забот, таких, например, как строительство нового помещения для таможни, более просторных пакгаузов, борьба с пожарами. Интересен такой факт, характеризующий отношение А. Н. Радищева к делу, к исполнению своих обязанностей. После окончания университета он владел французским, немецким,

а также латинским языками. Основным торговым партнером России в то время была Англия. А. Н. Радищев стал усиленно заниматься английским и уже через год свободно говорил на этом языке.

Работа А. Н. Радищева в таможне способствовала более глубокому изучению им важных сторон социальной жизни тогдашней России, давала ему много пищи для размышлений о нравах и порядках того времени. Накапливались впечатления, наблюдения, рождались мысли, которые впоследствии легли на страницы «Путешествия». Более того, имеются свидетельства, что А. Н. Радищев использовал в книге некоторые факты, взятые непосредственно из его таможенной практики. Например, в главе «Спасская Полесть» путешественник встречает бывшего купца, потом дворянина, который пострадал от того, что поручился за компаньона, оказавшегося мошенником. В данном случае материалом для художественного обобщения и философских размышлений послужила судьба одного из подчиненных Радищева по таможне — Степана Андреева, который стал жертвой не только нечестного компаньона, но и неправого суда. Его делом А. Н. Радищев занимался в различных инстанциях.

Довелось А. Н. Радищеву применить свои юридические познания на практике и после возвращения из ссылки. Теперь уже в области законотворческой. Стараниями своего покровителя А. Р. Воронцова он был привлечен к работе Комиссии по составлению законов (чтобы понять этот шаг правительства, надо учесть, что на престоле в то время находился Александр I, любивший «поиграть» в либерализм).

Будучи всесторонне образованным правоведом, А. Н. Радищев вновь штудирует многочисленные юридические трактаты, глубоко изучает труды по истории, теории и практике законотворчества, тексты законов различных стран, собирает большую библиотеку юридической литературы. В Комиссии А. Н. Радищев высказывал, насколько это позволяли условия, прогрессивные взгляды, в частности не скрывал своего резко отрицательного отношения к крепостному праву, отстаивал идеи равенства всех граждан перед законом, требовал введения публичного судопроизводства, отмены телесных наказаний и пыток.

Работая в Комиссии, А. Н. Радищев часто подавал «особые мнения». Их названия говорят сами за себя, например: «О праве подсудимых отводить судей и выбирать себе защитника». Сослуживец А. Н. Радищева по Комиссии Н. С. Ильинский писал о нем: «Он, как я приметил, мыслей вольных и на все взирал с критикою... основываясь единственно на философском свободомыслии». В связи с работой в Комиссии А. Н. Радищев подготовил ряд юридических трудов: «Проект для разделения Уложения Российского», «Проект гражданского Уложения» и другие. Особый интерес представляет написанная им в то время записка «О законоположении». Здесь, отмечал профессор С. С. Остроумов в своей книге «Советская судебная статистика», «мы находим поразительные по глубине высказывания о статистическом изучении уголовно-правовых явлений, которые дают полное право считать его (А. Н. Радищева.— *А. А.*) основоположником судебной статистики».

Задолго до Кетле и Герри, с именами которых принято обычно связывать зарождение моральной и судебной статистики, А. Н. Радищев разработал подробную программу статистического наблюдения преступности, дал развернутую систему показателей, которые должны использоваться при ее изучении, анализе структуры и динамики.

Для того, чтобы не вслепую, а со знанием дела работать над усовершенствованием уголовного законодательства, необходимо прежде всего, считал А. Н. Радищев, собрать из всех губерний точные статистические сведения о преступлениях и сопутствующих им явлениях, о работе судебных органов. «Ведомости о преступлениях уголовных должны заключать в себе: 1) происшествие или описание, как совершалось преступное дело; 2) какое было побуждение или какая причина к совершению деяния; 3) какие употреблены были средства к обнаружению истины; 4) какие были доказательства, что преступление было совершено; 5) каким законом руководствовались судьи в решении дела... 6) какое положено было преступнику наказание».

А вот как представлял себе А. Н. Радищев структуру преступности, которую необходимо оценивать, разумеется с учетом уголовного законодательства того времени. «Ведомости о делах уголовных,— писал он,—

разделяя по годам, разделить также должно по родам преступлений на многие статьи, а именно — на столько, сколько закон почитает быть деяний преступных, например: об убийствах, о разбоях, о воровствах разного рода и других преступлениях против имений, о преступлениях против благочиния или полиции, против торговли, о насилиях, о предательствах, о оскорблении величества, о преступлениях против вещей священных, богохуление, делание монеты, похищение казенного».

Радищев указывал на важность сбора статистических сведений, характеризующих практику назначения и исполнения уголовных наказаний. «Для пополнения ведомостей уголовных,— писал он,— нужно ведомость: 1-е, сколько в год бывает где людей под стражею, 2-е, сколько, где осуждено, 3-е, сколько назначено в ссылку, 4-е, какое где в тюрьмах содержание, 5-е, осужденные с судящимися в одном ли месте содержатся или в разных».

Изложив программу статистического наблюдения преступности и связанных с нею явлений, А. Н. Радищев делает весьма примечательный вывод: «...из соображения сих разных ведомостей обнаружится, может быть, причина, для чего одинакового рода дело имело разное решение: глупость ли судей бывает тому виною, неясность ли законов, или какая превратность».

Здесь же находим поразительные по глубине и не потерявшие значение для наших дней мысли о влиянии на законы условий социальной жизни, о путях изучения и повышения эффективности законодательства, о механизме правового регулирования. Особого внимания заслуживает тот факт, что А. Н. Радищев высказанные им положения о совершенствовании законодательства на основе всестороннего и глубокого изучения практики его применения связывал с прогрессивной идеей предупреждения правонарушений, с необходимостью найти «преграду» тяжбам и преступлениям. Он подчеркивал, что «правило всякого законоположения — правило, долженствующее почитаться всегда аксиомою, есть: что лучше предупреждать преступления, нежели оные наказывать. Верховная власть многие имеет средства направлять деяния граждан в стезю закона, и все они могут быть предметом общего законоположения. Средства сии суть: 1-е, воспретительные, 2-е, побуждающие, 3-е, предупреждающие». Этими суждениями выдающий-

ся русский революционер-демократ намного опережал свое время.

Представляют значительный интерес и более ранние, написанные ещё до осуждения и ссылки, юридические труды А. Н. Радищева «Опыт о законодавстве», «О добродетелях и награждениях». Особое внимание в них автор уделяет обоснованию тесной связи морали и права. В «Опыте о законодавстве» А. Н. Радищев обращается к вопросу о несистематизированности законов, коих число несчетно», и подробно рассматривает связанные с этим «неудобства». По мнению А. Н. Радищева, для того чтобы упорядочить пользование законодательным материалом, целесообразно делать «выписки» из источников права, «извлекая оных единый смысл, дабы всем упражняющимся в законоучении подать способ единообразное иметь понятие о том, что право, и о том, что закону преступно». В подтверждение своей мысли А. Н Радищев ссылался на «Пандекты», которые были составлены по повелению римского императора Юстиниана и содержали извлечения из законов и трудов правоведов, комментировавших их.

Нисколько не умаляя специальных юридических трудов А. Н. Радищева, следует все же подчеркнуть, что наиболее полно и ярко его государственно-правовые взгляды отразились в «Путешествии из Петербурга в Москву». Взгляды эти уже были предметом обстоятельного рассмотрения в советской юридической литературе, поэтому ограничимся лишь отдельными замечаниями о них.

Многие страницы книги посвящены государственно-правовым проблемам. Свободы и права личности, ее взаимоотношения с государством, происхождение и предназначение государственной власти, право и справедливость, право и гуманизм, правосудие и наказание, преступность и ее причины — эти и подобные им вопросы рассматриваются в различных местах книги. Но, пожалуй, особый интерес для читателя-юриста представляет глава «Зайцово». На почтовом дворе деревни Зайцово «путешественник» встречает своего давнишнего приятели Крестьянкина. Это один из немногих положительных героев книги. И служит он, как это ни странно может показаться на первый взгляд (если учесть суть позиции писателя, содержание и направленность всей книги), председателем Палаты уголовного

суда. Впрочем, ничего странного в должностном положении этого героя, своих симпатий к которому автор не скрывает с самого начала, нет. Судебная должность для Крестьянкина — дело уже прошлое. «Душу он имел чувствительную и сердце человеколюбивое» и, приступая к исполнению судейских обязанностей, думал: «Какое обширное поле отверзается мне на удовлетворение любезнейшей склонности моея души! Какое упражнение для мягкосердия! Сокрушим скипетр жестокости, который столь часто тягчит рамена (плечи.— *А. А.*) невинности; да опустеют темницы и да не узрит их оплошливая слабость, нерадивая неопытность, и случай во злодеяние да не вменится николи». Очень скоро, однако, Крестьянкин убеждается в несбыточности своих надежд вершить правый суд. «Видел я решения мои осмеянными в том самом, что их изящными делало; видел их оставляемыми без действия... и нередко я видел благие мои расположения исчезавшими, яко дым в пространстве воздуха». (Как тут не вспомнить службу молодого юриста Радищева в Сенате! Не там ли еще, не на осколках ли его собственных иллюзий родилась эта метафора?)

Нет, не нашел Крестьянкин в суде торжества справедливости и законности! Жестокость вместо человеколюбия, освобождение от кары действительных злодеев, наказание мнимых преступников, несоразмерность наказания преступлению — вот с чем каждодневно сталкивался он здесь. И, «не в силах будучи делать добро, оставил место истинному хищному зверю». Чашу терпения переполнило дело, по которому от судьи требовали осудить на смерть крестьян, обвинявшихся в убийстве помещика. Этот помещик изощренно измывался над крепостными крестьянами многие годы. Он кормил их один раз в день, сек розгами и плетью. Секли крестьян и молодых крестьянок также его сыновья. По щекам били или за волосы таскали «баб и девок» дочери... Но все это было, так сказать, в норме, во всяком случае не выходило за пределы того своеобразного понимания «лучшей судьбы российских крестьян», из которого исходили царские следователи, допрашивая Радищева.

И крестьяне, пока их «просто» секли, морили голодом, терпели. Никому в голову не пришло бы усмотреть в сложившейся ситуации повод для вмешательст-

ва властей, правосудия тем более. События приняли новый оборот в тот день, когда должна была состояться одна крестьянская свадьба. Отец жениха пошел с сыном на господский двор и понес «повенечные» два пуда меду своему господину. А сыновья помещика в это время изнасиловали невесту. Доведенные до отчаяния крестьяне сами расправились с преступниками...

Такова фабула дела, столкнувшись с которым Крестьянкин окончательно убеждается в тщетности, даже наивности своих попыток быть справедливым судьей. Вложив повествование об этой довольно типичной для времен крепостничества истории в уста профессионального юриста, писатель мощными мазками, с использованием высокой степени художественного обобщения и выразительности, обличает рабство, угнетение, которые он наблюдал на всем пути своего путешествия из Петербурга в Москву. Профессионально точные суждения А. Н. Радищева по таким юридическим проблемам, как вина, соразмерность наказания преступлению, право необходимой обороны, сделанные на широком социальном фоне и с подлинно философскими обобщениями, позволяют отнести рассматриваемую главу к одной из самых впечатляющих в книге. Остановка на почтовом дворе Зайцово оказалась чрезвычайно плодотворной для автора «Путешествия из Петербурга в Москву»,— этого воистину бессмертного произведения, которое пригвоздило самодержавие и крепостничество к позорному столбу истории и зазвучало набатом, зовущим угнетенный народ на революционную борьбу за счастливую жизнь. И когда народ сбросил цепи угнетения, выдающийся писатель-революционер А. Н. Радищев стал первым, кому государство рабочих и крестьян поставило памятник.

ВСЕ В НЕМ БЫЛО НЕОБЫКНОВЕННО ПРИВЛЕКАТЕЛЬНО

А. С. Грибоедов (1795—1829) прожил немногим более тридцати лет. Он ушел из жизни в расцвете сил, полный творческих замыслов и благородных начинаний, не сумев совершить и малой доли того, что мог и должен был совершить. И тем не менее А. С. Грибоедов оставил глубочайший след в истории отечественной культуры. Говоря словами В. Г. Белинского, он «принадлежал к самым могучим проявлениям русского духа».

Со школьных лет мы знаем А. С. Грибоедова как автора гениальной комедии «Горе от ума». И знаем о нем, пожалуй, меньше, чем о Чацком. А жаль! Когда из глубины полутора веков внимательно всматриваешься в облик А. С. Грибоедова — человека и гражданина, трудно сказать, что в нем привлекает более всего, не знаешь, каким великолепным качествам и достоинствам этой яркой, исключительно даровитой натуры отдать предпочтение. «Все в нем было,— говорил А. С. Пушкин,— необыкновенно привлекательно».

Поскольку наш разговор в основном о праве, то с этой точки зрения особый интерес представляют те свойства многогранной, щедрой на разнообразные таланты личности А. С. Грибоедова, в которых прояви-

лась в большей степени «ума холодного игра», нежели то, что в старину называлось половодьем чувств или еще сильнее — кипением страстей. И здесь в первую очередь надо сказать, что А. С. Грибоедов был одним из самых образованных людей своего времени. Его знания воистину энциклопедичны, а неустанное стремление к их пополнению, постоянная неудовлетворенность своим интеллектуальным багажом достойны самого глубокого восхищения. После окончания трех (!) факультетов университета и интенсивного самообразования этот человек без всякой рисовки мог сказать о себе: «В душе моей горит пламя, в голове рождаются мысли, а между тем я не могу приняться за дело, ибо науки идут вперед, а я не успеваю даже учиться...»

А. С. Грибоедов родился в 1795 году в старинной дворянской семье. Он получил хорошее домашнее образование, которое продолжил в Благородном пансионе при Московском университете. Еще мальчиком он поступает на словесное отделение философского факультета, которое успешно заканчивает, и в 1808 году переходит на этико-политическое (юридическое) отделение. Через два года Грибоедов уже не только кандидат словесных наук, но и кандидат прав. Однако и после этого учеба продолжается — теперь уже на естественно-математическом факультете, который тоже был успешно закончен.

А. С. Грибоедов свободно владел четырьмя европейскими языками: французским, английским, немецким и итальянским, знал древние языки, изучал восточные (арабский, персидский). Глубокими и всесторонними были его познания в искусстве. Грибоедов проявил блестящие музыкальные способности: он великолепно играл на фортепьяно, сам сочинял музыку (сохранились два вальса Грибоедова).

Для нас особенно важно отметить, что в стремительном умственном развитии Грибоедова А. С., лавинообразном росте его познаний особое место заняло юридическое образование и самообразование. Следует упомянуть, что Александр Сергеевич был не первым представителем старинного рода Грибоедовых, сказавшим свое слово на юридическом поприще. Сохранилось, например, свидетельство о том, что дальний предок А. С. Грибоедова («муж искусный в правоведении»)

был одним из авторов такого известного юридического памятника, как Уложение царя Алексея Михайловича.

При подготовке в университет и во время учебы там А. С. Грибоедов брал уроки у лучших профессоров и преподавателей Москвы. Среди них выделялся знаменитый в то время И. Ф. Буле — профессор естественного права и теории изящных искусств. В числе воспитателей и учителей юного Грибоедова был также Б. И. Ион, впоследствии доктор прав.

Совершенствуясь после окончания университета во многих науках, А. С. Грибоедов все же отдает предпочтение гуманитарным, в особенности политическим и юридическим, которые в то время, по сути дела, представляли единое целое. В 1812 году он собирался сдавать экзамены на получение ученой степени доктора прав. Однако этому помешала война, на которую А. С. Грибоедов ушел добровольцем, вступив в ополчение.

Разумеется, не могут рассматриваться вне связи с образованием и самообразованием А. С. Грибоедова, и прежде всего юридическим, его мировоззрение, общественно-политические, государственно-правовые взгляды. Ряд фактов указывает на то, что он был не только идейно, но и организационно связан с движением декабристов. А. С. Грибоедов был знаком практически со всеми руководителями тайных обществ. Достоверно установлена причастность к движению декабристов многих близких друзей А. С. Грибоедова, например С. Н. Бегичева, В. К. Кюхельбекера, А. И. Одоевского. После декабрьского восстания А. С. Грибоедов, служивший на Кавказе, «по высочайшему повелению» был арестован, доставлен в столицу и четыре месяца находился под стражей на гауптвахте Главного Штаба. По этому поводу он сам сочинил такой экспромт:

По духу времени и вкусу
Он ненавидел слово «раб»...
За то попался в Главный Штаб
И был притянут к Иисусу!

Непосредственное участие А. С. Грибоедова в декабрьском движении доказано не было, и поэтому он был освобожден из-под ареста.

Сближение А. С. Грибоедова с будущими декабристами относится к его ранней юности, годам учебы. В частности, в университетском пансионе и в универси-

тете вместе с Грибоедовым учились П. Т. Каховский, А. З. Муравьев, С. П. Трубецкой, П. Я. Чаадаев, И. Д. Якушкин и другие декабристы. Молодые люди горячо обсуждали пути развития России, судьбу ее народа, политические, культурные и другие жгучие проблемы современности. Их взгляды формировались под влиянием освободительных идей того времени, передовых воззрений Радищева, Новикова, Фонвизина, французских просветителей. По воспоминаниям близких друзей, Грибоедов уже в юношеские годы слыл атеистом и вольнодумцем, был знаком с «Путешествием из Петербурга в Москву».

В творчестве А. С. Грибоедова интересующая нас тема не получила прямого и всестороннего отражения. Однако многое из того, о чем говорится в комедии «Горе от ума», является выражением государственно-правовых взглядов автора, тесно связано с его обширными политико-юридическими познаниями. В уста Чацкого А. С. Грибоедов вложил свое отношение к господствовавшим в эпоху крепостничества общественным порядкам и официальным нормам жизни, к современной ему системе образования и воспитания, к казенно-бюрократическим, реакционным, с одной стороны, и прогрессивным, «бунтарским» — с другой, представлениям о честности и гражданском долге. Н. В. Гоголь называл «Недоросль» и «Горе от ума» истинно общественными комедиями. Фонвизин и Грибоедов, писал он, «восстали не против одного лица, но против множества злоупотреблений, против уклонения всего общества от прямой дороги». А. М. Горький рассматривал творчество А. С. Грибоедова как одно из важных звеньев «великолепнейшей и, может быть, наиболее социально-плодотворной линии русской литературы — линии обличительно-реалистической». Характерно, что изображенные в «Горе от ума» события, реальные исторические процессы той эпохи, как говорила академик М. В. Нечкина, «были схвачены глазом художника почти с научной точностью».

Соединение в таланте А. С. Грибоедова зоркого взгляда художника с проницательным умом ученого позволило ему создать яркие, жизненные образы, глубоко волнующие нас и поныне.

Высоко ценил творчество Грибоедова и неоднократно пользовался его меткими словами В. И. Ленин. Для

заголовка одной из своих статей он избрал слова Чацкого «А судьи кто?». В. И. Ленин писал о кадетском духе аккуратных и умеренных молчалиных — мещан и чиновников, о новейших меньшевистских репетиловых, использовал в своих работах образы Фамусова и Скалозуба.

Наконец, говоря о Грибоедове-юристе, нельзя не сказать о Грибоедове-дипломате. В 1816 году А. С. Грибоедов выходит в отставку из армии и вскоре поступает в Коллегию иностранных дел, где его сослуживцами были А. С. Пушкин и В. К. Кюхельбекер. Еще через год он назначается секретарем русской дипломатической миссии в Персии. В отношениях России и Персии было много нерешенных вопросов, оставшихся от недавних военных столкновений. И молодому дипломату сразу же пришлось заниматься довольно сложными и ответственными делами. В частности, А. С. Грибоедов участвует в переговорах о возвращении на Родину русских военнопленных. Несмотря на сопротивление персидских сановников, переговоры были завершены успешно, и в сентябре 1819 года А. С. Грибоедов отправляется в Грузию с колонной возвращающихся на Родину солдат (сто пятьдесят пять человек).

В 1822 году А. С. Грибоедов назначается «секретарем по иностранной части» при штабе командующего Отдельным Кавказским корпусом, потом берет длительный отпуск, уезжает в Москву, где и заканчивает работу над «Горем от ума».

Летом 1826 года снова вспыхнула русско-персидская война, и Грибоедов возвращается на Кавказ. При непосредственном участии А. С. Грибоедова между Россией и Персией было заключено перемирие, а вскоре (1828 г.) в местечке Туркманчай подписан почетный и выгодный для России мирный договор. По официальным отзывам начальства, Грибоедов «оказал в дипломатических сношениях особенное искусство... был... по политическим делам весьма полезен». Имеются доказательства того, что Грибоедов лично сформулировал ряд статей, составил и отредактировал окончательный текст проекта договора. Он был также редактором протоколов мирной конференции.

А. С. Грибоедов выполняет почетную миссию — доставляет договор в Петербург и вскоре снова отправляется в Персию, но со значительным повышением —

в ранге полномочного министра (посланника). В этот раз перед Грибоедовым-дипломатом встают еще более сложные задачи, среди которых особое место занимает реализация положений Туркманчайского договора. Иранский шах, его сановники чинили в этом русскому посланнику всяческие препятствия. С проволочками и только после настойчивых усилий русской дипломатической миссии решался вопрос о выплате Персией России двадцатимиллионной контрибуции, предусмотренной договором. Много внимания уделяет Грибоедов в этот период и размежеванию государственных границ.

Значительные трудности возникают при исполнении положений мирного договора о возврате русских пленных. «Пленные здесь меня с ума свели»,— сообщает Грибоедов в одном из своих писем. Особые сложности возникали при возврате на родину пленных женщин. За некоторых из них мужья-персы заплатили крупные деньги и не хотели терять столь дорогостоящий «товар». Женщинам, обращенным в мусульманство, угрожали и смертью.

Русский посланник занимается также делами проживающих в Персии армян, пожелавших вернуться на родину. Это был нелегкий вопрос, в частности потому, что численность армян, хотевших перейти в русское подданство, достигла сорока тысяч, а персидские власти решали его неохотно. В соответствии с договором армяне, переселявшиеся в Россию, получили право продать свое недвижимое имущество в Персии. Персидское правительство всячески препятствовало переселению. В одном из писем в Министерство иностранных дел А. С. Грибоедов, касаясь проблемы армян-переселенцев, сообщает: «Я теперь их общий стряпчий, и должен иметь хождение по их делам, за их домы, сады, мельницы! Многое мне уже удалось сделать и привести в исполнение. Но правительство здешнее всегда имеет способы воспретить под рукою покупку оставленных имений...» По мнению исследователей, специально изучавших эту сторону дипломатической работы А. С. Грибоедова, он решал все вопросы, связанные с судьбой переселенцев, справедливо и строго по закону.

Помимо названных, в дипломатической деятельности А. С. Грибоедова возникали трудности и иного свойства. Как отмечается в одной из работ о его жизни и творчестве, Министерство иностранных дел отправило Гри-

боедова в Персию, фактически лишив его необходимой дипломатической и военной поддержки. По некоторым вопросам позиции Грибоедова и его начальства расходились. Так, например, А. С. Грибоедов видел одну из своих задач в том, чтобы препятствовать антирусским проискам английской дипломатии и агентуры в Персии. Чиновники же из МИДа, опасаясь осложнений во взаимоотношениях с Англией, не хотели и слышать об этом.

В штате миссии фактически отсутствовали опытные сотрудники, и посланнику не на кого было опереться. Например, в одном из писем к своему, как говорил Грибоедов, «азиатскому начальству» — директору Азиатского департамента Родофиникину — посланник спрашивал, что ему делать с направленными для работы в миссии «юными ориентальными дипломатами, которые цветут здесь, как сонные воды в бездействии?»

В целом служба в качестве посланника, весьма похожая на почетную ссылку (здесь уместно напомнить о связях создателя «Горя от ума» с декабристами), тяготила А. С. Грибоедова. С другой стороны, она предоставляла ему возможность быть полезным отечеству. И А. С. Грибоедов с достоинством «нес свой крест». Он с бо́льшим чувством ответственности относился к возложенным на него обязанностям и употреблял все свои блестящие способности для того, чтобы наилучшим образом исполнять эти обязанности. Один из современников А. С. Грибоедова имел все основания сказать: «...Я остаюсь уверенным, что Грибоедов в Персии... заменял... единым своим лицом двадцатитысячную армию и что не найдется, может быть, в России человека, столь способного к занятию сего места».

Неутомимая деятельность русского посланника, его активность и настойчивость в исполнении тягостных для Персии условий Туркманчайского договора вызвали у шахских сановников озлобление. Враждебное отношение к А. С. Грибоедову искусно подогревалось и английскими дипломатами, которые видели в нем опасного соперника. Религиозные фанатики открыто призывали к расправе над русским посланником. В результате было спровоцировано нападение на миссию. 11 февраля 1829 г. разъяренная толпа ворвалась в посольство. Мужественно защищавшийся посланник был зверски убит. Погибли почти все его сотрудники и охрана — всего три-

дцать семь человек. Обезображенный труп А. С. Грибоедова убийцы в течение трех дней таскали по улицам и базарам Тегерана.

Персидские власти, объясняя это трагическое событие, представили его как стихийное возмущение «черни». Царю были принесены извинения и богатые подарки от шаха, в их числе знаменитый алмаз «Шах» (хранящийся ныне в Алмазном фонде). Николай I удовольствовался этой платой и изрек: «Я предаю вечному забвению злополучное тегеранское происшествие».

Тело А. С. Грибоедова было доставлено из Тегерана в Тифлис и здесь же захоронено. Судьбе угодно было распорядиться так, что на последнем пути А. С. Грибоедова с его прахом повстречался не кто иной, как А. С. Пушкин, путешествовавший по Кавказу. Вот как это произошло. «Я переехал через реку,— писал А. С. Пушкин.— Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» — спросил я их.— «Из Тегерана».— «Что вы везете?» — *«Грибоеда»*. Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис».

Вслед за этим горестным воспоминанием Пушкин произнес следующие исполненные глубочайшего смысла, хотя не совсем сбывшиеся, слова о Грибоедове и его жизни: «Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго он был опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении... Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...»

Не будем корить Пушкина за то, что он был не совсем прав в оценке будущего и не смог предсказать отношение потомков к Грибоедову. Будущее показало, что «Горе от ума» воистину бессмертно и его автор не был предан забвению, он «оставил по себе» глубокий след.

СВЯТОМУ БРАТСТВУ ВЕРЕН Я

Читая и перечитывая А. С. Пушкина, мы вновь и вновь восхищаемся неисчерпаемой глубиной и многогранностью его творческого гения. Так же, как почти сто лет назад восхищались Ф. М. Достоевский и И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой и А. П. Чехов или их не столь именитые современники. Так же, как будут восхищаться грядущие поколения людей. Мир А. С. Пушкина, его творческое наследие относятся не только к ведомству Евтерпы — одной из муз, покровительствовавшей лирической поэзии. Мы знаем Пушкина-мыслителя, и не просто салонного эрудита, но человека, имевшего цельное философское мировоззрение, свои оригинальные взгляды на первоосновы бытия. Пушкин неотделим и от музыки — так органично слились с нею многие его стихи. Специалисты утверждают, что, даже если бы Пушкин не писал ни стихов, ни прозы, он все равно занял бы почетное место в истории искусства — как художник-график.

А Пушкин и историческая наука?! Для историков особенно ценными являются его литературные произведения, в которых он с исключительной силой художественного обобщения отобразил не только свое время, но и прошлое, например «Борис Годунов», «Капитанская дочка». Кроме того, существуют еще исторические

изыскания Пушкина, например о Петре I, о Пугачеве, в которых поэт выступает в роли пытливого исследователя, имеющего самостоятельный взгляд на «дела давно минувших дней».

Пушкин и право... Слова эти, поставленные рядом, могут, пожалуй, насторожить и вызвать недоумение. В самом деле, как сочетать пушкинское кипение страстей с сухим рационализмом закона и законников, как соединить лирический образ поэта с прозой жизни, со всякого рода присутствиями и канцеляриями, где суетятся вокруг бумаг проворные коллежские секретари, чинно восседают надворные и тайные советники? Как связать пленительные узоры, тонкое кружево языка, которым говорил и писал А. С. Пушкин, с такими тяжеловесными словообразованиями, как судоговорение, наказуемость, волеизъявление и т. п.?

Но факты остаются фактами. Они свидетельствуют о том, что право, юридическая наука и практика, история законоведения нашли в жизни А. С. Пушкина, в его творчестве определенное место.

Начнем с образования поэта. А. С. Пушкин (1799—1837) окончил шестилетний курс Царскосельского лицея — закрытого учебного заведения, предназначенного в основном для подготовки высокообразованных государственных чиновников. Преподавание в Лицее было многопредметным, но с четко выраженной философской и юридической направленностью.

В свидетельстве об окончании Пушкиным Лицея значится, что Пушкин в течение шестилетнего курса обучался в этом заведении и «оказал успехи... в праве естественном, частном и публичном, в гражданском и уголовном — хорошие... в государственной экономии и финансах — весьма хорошие...»

Правовая направленность системы обучения в Лицее не была случайной. Царскосельский лицей был открыт по проекту М. М. Сперанского — одного из крупнейших русских юристов XIX века, виднейшего государственного деятеля «либерального» периода царствования Александра I. В истории права М. М. Сперанский занимает видное место благодаря своему непосредственному участию в законодательной жизни России. Именно под его руководством было составлено Полное собрание законов Российской империи в 45 томах и Свод законов в 15 томах. Им написаны и теоретические

работы по проблемам законотворчества: «Обозрение исторических сведений о Своде законов», «План государственного преобразования. Введение к Уложению Государственных законов» и др. Сперанский хорошо понимал роль юридических знаний в деле формирования и подготовки будущих государственных служащих.

В числе лицейских педагогов Пушкина был профессор «нравственно-политических наук» А. П. Куницын — автор многих трудов по государственному и международному праву, по истории права. Это был человек прогрессивных взглядов, убежденный противник крепостничества. Он оказал большое влияние на формирование мировоззрения Пушкина и декабристов. Несомненно, что это влияние с особой силой отразилось в первых вольнолюбивых стихах поэта, направленных против самодержавия («Вольность», «К Чаадаеву») и крепостничества («Деревня»).

Большинство выпускников Лицея поступили на государственную службу, многие посвятили себя сугубо юридической деятельности. Из 28 соучеников Пушкина 19 стали чиновниками различных ведомств: финансов, просвещения, юстиции и др. Как известно, А. С. Пушкин был неизменно предан «лицейскому братству», часто встречался с бывшими лицеистами, обращался к ним со стихотворными посланиями, с некоторыми был дружен. И поэтому есть смысл, хотя бы кратко, сказать здесь о тех соучениках поэта, чей жизненный путь в той или иной мере был связан с ним и имеет непосредственное отношение к интересующей нас теме.

«Товарищ милый, друг прямой» — Иван Пущин, отказавшись от престижной по тем временам карьеры гвардейского офицера, поступает на службу в Петербургскую уголовную палату, а впоследствии занимает должность судьи уголовного департамента Надворного суда в Москве. На малопочетную для выходца из знатной дворянской семьи «низовую» судебную работу Пущин перешел, движимый гражданскими чувствами, по соображениям, связанным с планами Тайного общества, в которое он вступил вскоре после окончания Лицея. Пушкин высоко оценил поступок товарища, увидел в нем проявление благородства его души, всегда стремившейся к справедливости. В то время поэт, обращаясь к «бесценному» другу, писал, что тот «победил предрассуждения» и «возвеличил темный сан».

Ты, освятив собой избранный сан,
Ему в очах общественного мненья,
Завоевал почтение граждан.

«Первый честный человек, который сидел когда-либо в русской казенной палате» — так отозвался о судье Пущине один из его знакомых.

Михаил Яковлев, к которому Пушкин обращался в Лицее со словами «люблю тебя душою...», смолоду блистал разными талантами. Он хорошо рисовал, пел, был неплохим музыкантом и написал много романсов, среди них три на слова А. С. Пушкина. В Лицее Михаил Яковлев особенно славился своими артистическими способностями, умением перевоплощаться. Он великолепно изображал преподавателей, директора, посетителей Лицея и даже юную прелестную девушку, волновавшую сердца многих воспитанников. После окончания Лицея Яковлев поступил в министерство юстиции, а затем — во 2-е отделение Собственной его императорского величества канцелярии по составлению законов, где трудился под руководством М. М. Сперанского. М. Л. Яковлев дослужился до должности сенатора и генеральского чина. Дружеские отношения между Пушкиным и Яковлевым продолжались и после Лицея. Они часто встречались у Дельвига. Пушкин бывал у Яковлева дома. Михаил Лукьянович принимал участие в литературных делах поэта. Он был ревностным хранителем лицейских традиций, свято чтил память о поэте после его гибели. О степени их душевной близости свидетельствует такой факт. Незадолго до рокового события на Черной речке Пушкин показал Яковлеву гнусный пасквиль — анонимный «диплом ордена рогоносцев». Яковлев, по долгу службы знакомый с типографским делом, хорошо разбирался в сортах бумаги. Он определил, что «диплом» исполнен на бумаге, изготовленной за границей. Такой бумагой пользовались в России только иностранные посольства. Этот штрих дал Пушкину нить для поиска анонимщика. Конечно, Яковлев не предвидел (и не мог предвидеть) того, как будут развиваться события в дальнейшем. Им руководило лишь горячее стремление помочь другу, душа которого была истерзана злословием и интригами.

...Шесть выпускников Лицея, окончивших его в 1817 году, и среди них Пушкин, поступили на дипломатическую службу, которая, по тогдашним представ-

лениям, требовала прежде всего юридической подготовки. Пушкина не влекла дипломатическая карьера, он открыто тяготился службой. Но среди друзей Пушкина был человек, который многого достиг в области дипломатии. Это Александр Горчаков.

По окончании Лицея Пушкин написал стихотворение «Князю А. М. Горчакову». Обращаясь ко всеобщему любимцу, к одной из самых ярких фигур выпуска, к юноше, чья жажда активной государственной деятельности соответствовала его рано пробудившимся дарованиям, поэт писал:

Тебе рукой Фортуны своенравной
Указан путь и счастливый и славный.

Это предсказание сбылось. А. М. Горчаков проявил себя как государственный деятель крупного масштаба. Его имя узнала «вся Европа», оно заняло достойное место в истории русской дипломатии XIX века. В дипломатических сражениях с Меттерником, Бисмарком, другими явными и скрытыми недругами России министр иностранных дел А. М. Горчаков умело отстаивал интересы Отечества, которому он верно и плодотворно служил всю свою долгую жизнь. Его блестящая образованность, незаурядный литературный талант, удивительное трудолюбие, «быстрый ум», замеченный Пушкиным еще в Лицее, горячий патриотизм — все это дало сплав, из которого выковался настоящий государственный муж, внушавший уважение не только друзьям, но и противникам. Будучи приближен ко двору, щедро осыпан официальными наградами и почестями, Горчаков никогда не ловчил, ни перед кем не заискивал, неизменно проявлял глубочайшую честность и порядочность, подлинное благородство, был независим в своих взглядах и суждениях.

После того как Пушкин оставил службу в министерстве иностранных дел, их встречи стали редкими, но не менее сердечными. Одна из них, неожиданно и к обоюдной радости состоявшаяся осенью 1825 года недалеко от нынешних Пушкинских гор, побудила поэта обратиться к Горчакову, «счастливцу первых дней», с такими словами:

Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись.
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Коротко рассказав о некоторых «однокашниках» поэта, мы руководствовались той простой мыслью, что Пушкин, при всем величии, монументальности его личности, не может быть понят вне своего времени, вне той социальной среды, в которой он жил, вне людей, которые его окружали. Воистину А. С. Пушкин был «такой же, как и все, только — гений». И даже если мысленно ограничить круг его общения только лицеистами выпуска 1817 года, то нельзя не увидеть, что поэту — проникновенному лирику, который всегда оставался Гражданином,— конечно же, было с кем обменяться мнениями, поговорить о судьбах Отечества, его прошлом и будущем государственном и общественном устройстве, о народном бесправии и узурпированной власти, о правах человека и духе законов. А эти вопросы всегда волновали Пушкина. Свидетельство тому — многие страницы его творческого наследия.

Профессиональное юридическое образование Пушкина, постоянный интерес поэта к вопросам права отчетливо прослеживаются в его многих художественных произведениях. Особое место в этом отношении занимает роман «Дубровский», в основу которого положены сведения о подлинных событиях, в том числе о судебном процессе небогатого белорусского дворянина по фамилии Островский с соседом — крупным помещиком. По решению суда Островский был изгнан из принадлежащего ему имения и в отместку со своими крестьянами занялся грабежом (эти сведения были сообщены поэту одним из его ближайших друзей П. В. Нащекиным). Тяжба Дубровского и Троекурова изображена А. С. Пушкиным настолько юридически точно, профессионально, что по роману можно изучать особенности русского судоустройства начала XIX века. С большой художественной силой вскрыты в нем классовый характер дворянского правосудия, лицемерие, продажность судейских чиновников. Приведенный А. С. Пушкиным полный текст определения уездного суда по делу «о неправильном владении гвардии поручиком Андреем Гавриловым сыном Дубровским, имением, принадлежащим генерал-аншефу Кириллу Петровичу, сыну Троекурову», представляет собой впечатляющий образец судебного крючкотворства и казуистики того времени.

Названия некоторых глав «Капитанской дочки» напоминают наименования соответствующих разделов

уголовно-процессуального кодекса — «Арест», «Суд». И в этом произведении Пушкин предельно точен в изображении юридической стороны событий, которые легли в основу сюжета романа.

Государственно-правовые вопросы занимают видное место в публицистике Пушкина, в его исторических изысканиях. Весьма характерна в этом отношении «История Петра». В «Очерке введения» поэт дает лаконичную и вместе с тем емкую, глубокую оценку допетровского законодательства, суда, юридической практики: «Правосудие отдаленное, в руках дьяков. Подати многосложные и неопределенные. Беспорядок в сборе оных... Законы, более обычаи, нежели законы — неопределенны, судьи безграмотные. Дьяки плуты. Нравы дикие, свирепые».

Далее Пушкин год за годом прослеживает историю законодательной деятельности Петра I на протяжении всего его царствования, «единовластного и самодержавного». Пушкин высоко ценил те преобразования великого реформатора, которые были действительно прогрессивными, такие его законы, которые позволяют говорить о настоящей государственной мудрости их творца. Например, то, как «Петр обнародовал, чтоб никто не надеялся на свою породу, а доставал бы чины службою и собственным достоинством». Или «разделил власть духовную от светской». Или приказал недоучившихся за границей лоботрясов отдавать в распоряжение своего шута, который определял их в конюхи и истопники, несмотря на их породу.

Поразительна широта и глубина интересов Пушкина, исследовавшего законодательную деятельность Петра I, ее далеко не всегда полноценные плоды. Внимание Пушкина привлекают и учреждение при Сенате должности генерал-рекет-мейстера «для порядку подавания прошений», и распоряжение «полуименем не писаться», и указы «о невписывании посторонних слов в дела», «о писании вместо *послухов* свидетелей», об ответственности «за стреляние из ружей и пускание ракет», «о неторговании на Красной площади», о запрещении под страхом смертной казни «писать *запершись*» и т. п.

Историк Пушкин отчетливо понимает, что исследование сложной, многогранной, во многом противоречивой законодательной деятельности Петра I нельзя огра-

ничить изучением имеющейся по этому вопросу художественной, научной, мемуарной литературы, а также других общедоступных материалов, а чтобы вникнуть в суть дела, надо обратиться непосредственно к соответствующим юридическим памятникам. Записи Пушкина буквально пестрят такими, например, пометками: «24 января 1722 издана *табель о рангах (оную изучить)*»; «27 (или 29) января Петр создал должность генерал-прокурора (*изучить*)»; «См. инструкцию Иностранной коллегии» и т. д.

Часто у Пушкина упоминания законодательных акций Петра I сопровождаются кратким, но очень содержательным комментарием. Например, отмечено, что 5 февраля 1722 года «Петр издал манифест и указ о праве наследства, т. е. уничтожил всякую законность в порядке наследства и отдал престол на произволение самодержца».

А вот как глубоко оценивает Пушкин петровский указ «О возвращении родителям деревень и проч., принадлежащих им и невинным их детям, также и о платеже заимодавцам»: «Сей закон справедлив и милостив, но факт, из коего он проистекает, сам по себе несправедливость и жестокость. От гнилого корня отпрыск живой». По поводу указа Петра I «о небитии челом» самому государю и учреждении надворных судов, а также апелляционной процедуры Пушкин высказался следующим образом: «Поистине сей указ трогателен, хотя и с примесью обыкновенной жестокости .»

Надо сказать, что Пушкин, с его могучим, проницательным умом и особым чувством исторической правды, меньше всего разделял иллюзии о непогрешимости Петра I в законотворчестве. Поэт прекрасно видел изнанку законодательной деятельности Петра I, сказавшиеся в ней тиранические наклонности, своенравие, а порой и откровенное самодурство. «Варварский указ», «тиранский закон», «указ, превосходящий варварством все прежние» — эти и подобные им эпитеты отнюдь не редки в отзывах Пушкина о правотворчестве петровского времени.

Обобщенная же оценка Пушкиным законодательной деятельности Петра I, несомненно, сохранила научное значение и до наших дней. Пушкин писал: «Достойна удивления разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Пер-

вые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые *нередко жестоки, своенравны* и, *кажется, писаны кнутом.* Первые были для вечности, или, по крайней мере для будущего,— вторые вырвались у *нетерпеливого* самовластного помещика».

Столь же глубоко проник поэт в подлинную суть законотворческой (равно как и иной) деятельности Екатерины II. «Современная история,— писал Пушкин,— оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиною кротости и терпимости, народ, угнетенный помещиками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношении с философами ее столетия — и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России». Читая эти слова, стоит подивиться не только проницательному уму, мудрости Пушкина, но и его поразительному гражданскому мужеству. Ведь они, эти слова, были произнесены в то время, когда помпезные портреты Екатерины в облике «мудрой законодательницы» продолжали висеть на стенах официальных присутствий и еще доживали свой век некоторые из екатерининских вельмож.

Поразительно, но факт: проживая в феодально-крепостнической стране, являясь в соответствии с официальным статусом даже не гражданином, а подданным монарха, Пушкин сумел по достоинству оценить «прелести» буржуазной демократии. Уже в 1836 году в статье «Джон Теннер», опубликованной в «Современнике», он разоблачает хваленую американскую демократию, ее жестокость и лицемерие. «С изумлением,— писал поэт,— увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству... большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не

оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами». Это публицистическое высказывание сохранило силу до наших дней. И сейчас, полтора века спустя, вряд ли в чем можно оспорить Пушкина. Можно лишь подивиться тому, как он не только глубоко понимал прошлое и настоящее, но прозорливо предвидел будущее!

Особенно резко выступал Пушкин против самодержавия и крепостничества, против политической реакции и мракобесия в своих стихах. В сатирических песнях («ноэлях»), политических эпиграммах он беспощадно бичевал и всероссийского самодержца Александра I, и его временщика Аракчеева, и архимандрита Фотия, и других деятелей царской и церковной реакции.

Интересно, что в своих публицистических заметках поэт предвосхитил развитие буржуазной литературы и прессы, смакующей на потребу обывателю подробности убийств, изощренных зверств и другие криминальные ужасы. Особенно ярко это проявилось в статьях «О записках Самсона» (парижского палача) и «О записках Видока» (полицейского сыщика). Пушкин даже ставил вопрос о законодательном запрещении подобной литературы как безнравственной.

Внимание Пушкина привлекали также вопросы авторского права. В мае 1835 года был сделан черновой набросок «Плана статьи о правах писателя». В нем Пушкин поставил вопросы о литературной собственности, о правах писателя, издателя, наследника, о пределах цензуры. Последний вопрос был поднят Пушкиным под впечатлением изучения им текста цензурного устава 1827 года, а также на основе опыта его собственной писательской деятельности. Правовые аспекты писательского труда получили определенное развитие в представленной поэтом Бенкендорфу в мае 1832 года записке «Об издании газеты».

Конечно, то, о чем говорилось в этом очерке, не было определяющим, главным в жизни и творчестве Пушкина. Но и эти штрихи биографии великого поэта не оставляют нас равнодушными. Они дороги нам, как все, что связано с бессмертным Пушкиным, несет на себе печать его гения [1].

[1] В очерке использованы материалы профессора А. В. Наумова.

ПРИГОВОР НЕПРАВОМУ СУДУ

Профессия правоведа была в большом почете в семье великого русского драматурга А. Н. Островского (1823—1886). Его отец потратил много сил для того, чтобы из низшего слоя духовенства выбиться в чиновники и заняться юридической практикой. Бывший семинарист служил секретарем в прокуратуре, потом в палате гражданского суда, наконец приобрел частную юридическую практику и стал присяжным стряпчим Московского коммерческого суда.

Больших чиновных высот достиг брат драматурга Михаил Николаевич, который окончил юридический факультет. Помощник губернатора в Симбирске, сенатор, статс-секретарь, член Государственного совета, министр государственных имуществ — таков послужной список действительного тайного советника М. Н. Островского.

Юридическая карьера была уготована и Александру Островскому. Правда, сам он после окончания гимназии собирался поступать на историко-филологический факультет. Однако отец не хотел даже слушать об этом. И вот летом 1840 года семнадцатилетний А. Островский сочиняет одну из первых в своей жизни деловых бумаг. «Окончивши полный курс гимназического учения,— пишет он в заявлении,— желаю для усовершен-

ствования себя в науках, поступить в Императорский Московский университет на юридическое отделение».

Московский университет той поры славился блестящими лекторами. В основном это были молодые профессора «новой поросли» — либералы и вольнодумцы, люди прогрессивных воззрений. Многие из них критически относились к крепостному праву и к существующим порядкам в целом. Не имея возможности из-за жестокой цензуры высказывать свои взгляды в печати, они широко использовали для этих целей кафедру, устное слово.

Из профессоров-юристов особый успех имел П. Г. Редкин, читавший энциклопедию законоведения. «Жрецам правды», как называл профессор будущих правоведов, он часто повторял свою любимую поговорку: «Все минётся, одна правда остается». До отмены крепостного права было еще два десятилетия, но П. Г. Редкин уже тогда возмущался тем, что в крепостнической России «людей продают, как дрова».

Учился А. Островский, судя по сохранившимся отрывочным сведениям, неплохо. Во всяком случае трудный экзамен, который называли студенты «чистилищем», он сдал весьма успешно — на «хорошо». Хорошие знания показал А. Островский и по другому сложному предмету — истории русских законов.

Однако на втором курсе в учебе произошла серьезная заминка, которая в конце концов привела к уходу А. Островского из университета. Связанные с этим обстоятельства не вполне ясны. Вначале А. Островский не явился на весеннюю сессию, потом «срезался» на римском праве. Существует версия, что экзаменовавший его профессор, отказавшись аттестовать студента, таким путем вымогал у него взятку. Во всяком случае этот ученый знаток jus Romanum, не раз вещавший с университетской кафедры о том, что jus est ars boni et aequi (право есть искусство добра и справедливости), позже был изобличен во мздоимстве. Впрочем, возможно, что если не сама по себе «единица» по римскому праву, то вытекающие из нее последствия вполне соответствовали личным жизненным планам молодого А. Островского, его устремлениям. Но Островский-старший оставался верен своей мечте увидеть сына преуспевающим стряпчим по юридическим делам. И недоучившийся студент стараниями отца определяется в

сентябре 1843 года в Московский совестной суд на должность канцелярского служителя.

Совестной суд уже в те времена выглядел анахронизмом в системе юстиции. Учредила его Екатерина II. «Мудрая законодательница» и здесь проявила свою неистребимую склонность к фразе, к политическому позерству. В стране, где «граждане» даже формально не считались таковыми, где людей секли розгами в меру хотения их владельцев, где крепостных покупали и продавали, обменивали на породистых жеребцов и гончих псов, императрица, конечно же не без влияния ее политико-философского флирта с французскими просветителями, предписывала Совестному суду руководствоваться... «человеколюбием, почтением к особе ближнего и отвращением от угнетения».

Совестной суд состоял из председателя и двух заседателей: из дворян — по дворянским делам, из горожан — по делам горожан и из крестьян — по крестьянским делам. В нем рассматривались в примирительном порядке иски родителей к детям и детей к родителям, споры о разделе имущества, торговые тяжбы. Ведению Совестного суда подлежали также уголовные дела малолетних, умалишенных, дела о колдовстве и некоторые другие. Вершил «правосудие» Совестной суд, как следовало из его названия, «по совести», а не по закону. На практике этот очередной державный фокус императрицы, щедрой на юридические новшества, открывал безграничный простор для произвола и коррупции, которыми насквозь была пронизана дореформенная юстиция. И, конечно, будущему драматургу, в творчестве которого позже заметное место заняла тема неправового суда, было на что посмотреть в этом ветхозаветном «присутствии».

Еще больше материалов для художественных обобщений принесла А. Н. Островскому служба в Московском коммерческом суде, куда он поступил в конце 1845 года. Коммерческий суд рассматривал имущественные споры, связанные с торговыми сделками. Настоящим поветрием в коммерческой жизни того времени стали ложные банкротства, когда, например, жулик-купец, не желая возвращать долгов, прибегал к подлогам, различным махинациям с имуществом и деньгами и прикидывался несостоятельным должником. Дела о злонамеренных банкротствах буквально заполонили

Коммерческий суд. Судейский чин хорошо знал, с кем он имеет дело, и «драл» безбожно. С кого брать — истца или ответчика, в принципе было все равно. Решающее значение имело не процессуальное положение сторон (они легко могли поменяться местами), а сумма — кто даст больше! Взятка в Коммерческом суде была, в сущности, узаконена. Мелкие чиновники получали мизерную, чисто символическую, причем не фиксированную, а по усмотрению начальства, плату за свою работу, и в основном должны были «кормиться» сами. Начальство же, которому перепадали самые жирные куски с купеческого стола, старалось лишь как-то упорядочить процесс поборов с просителей. Под его недреманным оком велся, например, дележ между чиновной мелюзгой сумм, полученных от тяжущихся купцов и их ходатаев. Вот характерная сцена из «Пучины», несомненно основанная на впечатлениях драматурга от службы в Коммерческом суде. Судейский чиновник, бывший студент Кисельников рассказывает: «У нас ведь не из жалованья служат. У нас штату нет, по трудам и заслугам получаем; в прошлом году получал я четыре рубля в месяц, а нынче три с полтиной положили... Кабы не дележка, нечем бы жить». На вопрос собеседника: «Какая дележка?» — Кисельников деловито разъясняет: «По субботам столоначальник делит доходы с просителей, да я посмирнее, так обделяет».

Служба в Коммерческом суде, несомненно, сыграла заметную роль в становлении А. Н. Островского как литератора, как драматурга. Здесь наблюдал он типические характеры в типических обстоятельствах и запечатлел в памяти множество острых жизненных ситуаций, которые впоследствии легли в основу сюжетов его пьес, реалистически отразивших глубокие общественные противоречия эпохи. В судьбе драматурга, отмечает В. Я. Лакшин в своей книге «А. Н. Островский», суд оказался «важной жизненной школой. Островский обрел здесь возможность зачерпнуть из самой гущи жизни, познакомиться с ее скрытыми пружинами. Жизнь сама являлась ему со всеми своими нелепостями и болью — не только в лице просителей, входивших с улицы в двери суда. Не меньше ярких впечатлений выносил он из общения с товарищами по приемной — канцеляристами, чиновниками, судьями...».

Первые литературные произведения А. Н. Островского тесно связаны с тем, что он видел на службе. Среди них две пьесы, оставшиеся неоконченными, но впоследствии использованные в творческой работе. Их названия говорят уже сами по себе: «Исковое прошение», «Несостоятельный должник».

Одна из первых известных комедий А. Н. Островского, «Свои люди — сочтемся!», была написана им тогда, когда он еще продолжал работать в Коммерческом суде. Сюжет ее взят «из самой гущи жизни», из хорошо знакомых драматургу юридической практики и купеческого быта. Купец Самсон Силыч Большов объявил о том, что он стал банкротом. В действительности это один из ходов в коммерческой «игре», с помощью которого он намерен «закрыть» расчеты с кредиторами, уклониться от уплаты долгов. Все свое состояние Большов переводит на имя «верного человека» — приказчика Подхалюзина. Этот оборотистый слуга под стать хозяину: руководствуясь отнюдь не одними только романтическими чувствами, он женится на дочери Самсона Силыча Липочке, а затем присваивает имущество тестя. Большов отправляется в долговую тюрьму. Его можно было бы спасти. Для этого достаточно вернуть кредиторам хотя бы небольшую часть долгов. Но Подхалюзин и Липочка еще во время помолвки решили, что старики «почудили на своем веку, теперь нам пора». И долги Самсона Силыча остаются неоплаченными...

Есть среди персонажей пьесы и представители чиновного люда, которые «вершат правосудие» по делам жуликов-купцов и плутов-приказчиков. Эти «служители Фемиды» в нравственном отношении недалеко ушли от своих клиентов и просителей. Стряпчий Рисположенный, например, попался на том, что утащил из канцелярии суда целое дело да потерял его в трактире.

Комедия «Свои люди — сочтемся!» сразу же была замечена читающей публикой, она принесла заслуженную славу автору. Острая сатира на самодурство и его истоки, коренившиеся в социальных условиях того времени, обличение самодержавно-крепостнических порядков, общественных отношений, основанных на фактическом и юридическом неравенстве людей, жажде наживы и всеобщем обмане,— все это привлекло внимание к пьесе и со стороны властей. Опубликованная комедия не была допущена к постановке на сцене. Николай I

свое отношение к купеческим «Мертвым душам» (так стали называть пьесу «Свои люди — сочтемся!» среди читателей и литераторов) выразил с присущей ему солдафонской прямотой в следующей резолюции: «...напрасно печатано, играть же запретить». И сразу же имя начинающего драматурга попало в списки неблагонадежных, за ним устанавливается негласный надзор полиции. Судебное начальство незамедлительно предложило губернскому секретарю А. Н. Островскому подать прошение об увольнении от службы, что им и было сделано, по-видимому, не без внутреннего удовлетворения. Он целиком отдает себя служению литературе, театру.

По своим взглядам и убеждениям А. Н. Островский был близок к революционным демократам. Во второй половине 50-х годов он начинает активно сотрудничать в «Современнике». После того как этот журнал был закрыт, Н. А. Некрасов и его единомышленники добились права на издание «Отечественных записок». А. Н. Островский стал одним из активных авторов этого журнала, продолжавшего традиции «Современника» тех лет, когда его идейным руководителем был В. Г. Белинский. Темы, с художественного освоения которых А. Н. Островский начал свой путь в искусстве, продолжают занимать видное место в его творчестве. Так, в пьесе «Доходное место» (1856 г.) драматург мастерски изображает хорошо ему известный чиновничий мир с его коррупцией, бюрократизмом, интригами, карьеризмом. Но здесь чиновникам-самодурам уже противостоит нетипичная фигура их сослуживца интеллигента Жадова, разночинца, окончившего университетский курс. Он честен, совестлив, озабочен общественными нуждами, любит порассуждать о добре, других нравственных ценностях и не хочет жить так, как живет большинство его коллег, то есть «согнув руку крючком», угодничая и подхалимничая. Благородные помыслы и стремления Жадов намерен совместить с добросовестной чиновничьей службой, что, конечно, в то время было утопией. Но все же его дела и слова — это уже протест против существующих порядков.

А. Ф. Кони в «Отрывочных воспоминаниях» об А. Н. Островском писал: «Не могу забыть впечатления, произведенного на меня и на многих из тогдашней студенческой молодежи «Доходным местом». Перед нами,

будущими юристами, в заманчивых чертах рисовалась грядущая судебная реформа, но большинство из нас не имело случая и возможности узреть воочию душевный склад и повадку деятелей еще существовавшего суда с его приказным строем... Нравственные мучения и колебания Жадова... не могли не вызывать желания стать работником в том новом суде, который искоренит черную неправду».

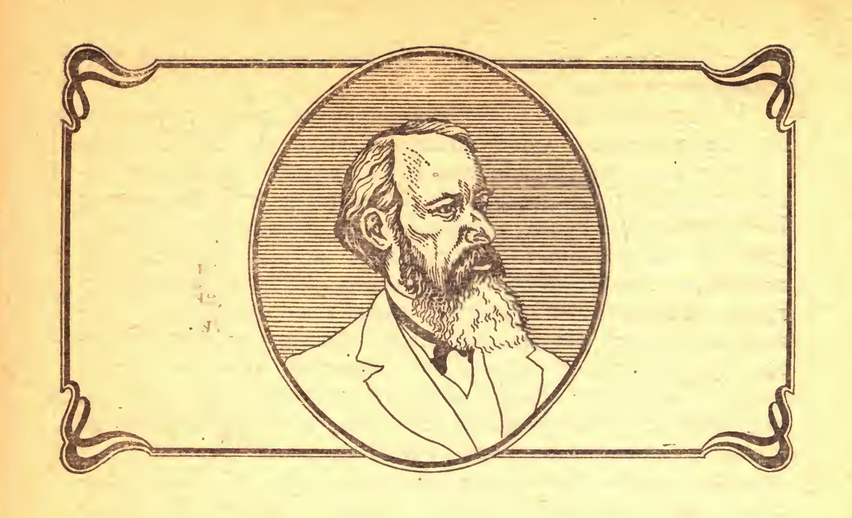
Мы знаем, что маститый правовед не был чужд некоторых иллюзий, связанных с возможностями «нового суда» служить правде, и только правде, переоценивал значение судебной реформы 1864 года. Но здесь речь не об этом. Важно, что в другом месте тех же воспоминаний многоопытный судебный деятель А. Ф. Кони заметил: «...мне не раз, слушая и видя многое, что совершалось и говорилось в суде, приходилось спрашивать себя: «Да не отрывок ли это из какой-нибудь неизвестной мне комедии Островского, разыгрываемый опытными любителями?» Можно только согласиться с этой взятой в несколько неожиданном ракурсе, но профессионально и литературно точной оценкой творчества А. Н. Островского, драматурга, которым, по словам Н. А. Добролюбова, всегда руководило «чувство художественной правды».

Шли годы. А. Н. Островский получил широкое признание не только как драматург, но и как теоретик театрального дела, режиссер, руководитель новаторского Малого театра. Обремененный множеством забот в искусстве и не только в нем, А. Н. Островский в известном смысле продолжает числиться и «по юридическому ведомству». Во всяком случае он сам себя и в зрелые годы считал «судейским». Для этого было много веских оснований. Доброй славой пользовалась неутомимая деятельность А. Н. Островского по защите прав и интересов драматургов, артистов. В ней, несомненно, нашли применение его юридические познания и опыт. Драматург поддерживал отношения со многими видными юристами того времени: А. Ф. Кони, Ф. Н. Плевако и другими. В Москве А. Н. Островский был избран в состав присяжных заседателей Окружного суда и охотно, с неизменным интересом к судебным делам участвовал в его заседаниях. В 70-е годы А. Н. Остров-

скому довелось потрудиться также в мировом суде Кинешемского уезда.

И, конечно, не одно только чувство долга и тем более не праздное любопытство влекло А. Н. Островского в суд, побуждало его внимательно следить за ходом судебных процессов. Как и прежде в Совестном и Коммерческом судах, зоркий глаз художника, теперь уже не начинающего литератора, а зрелого мастера, наблюдал столкновения характеров, колоритнейшие фигуры, «взрывчатую энергию житейских страстей», множество картин социальной действительности того времени, получавших отражение в судебных речах и протоколах. Пытливая мысль мудрого исследователя нравов, человека с громадным житейским и художественным опытом, «препарировала», анализировала факты, ставшие предметом судоговорения, проникала в глубь событий, явлений, проходивших перед судьями, и позже давала читателю возможность убедительно судить по частному об общем, делать широкие социальные обобщения, касающиеся правды и неправды, добра и зла.

Талант драматурга превращал увиденное и услышанное в суде в яркие художественные образы, в напряженные драматургические конфликты, которые до сих пор волнуют тысячи и тысячи людей, доставляют им глубокое эстетическое наслаждение. И не назовешь иначе, как счастливым (для русского искусства, для многих поколений читателей и зрителей), то стечение обстоятельств, то пересечение житейских перекрестков, которое дало возможность А. Н. Островскому познакомиться, например, с процессом о проходимцах, именовавшихся «червонными валетами», со скандалом, разразившимся в связи с тем, что один миллионер оставил без средств к существованию своих «незаконнорожденных» детей, с делом об убийстве из ревности, разбиравшемся в Кинешме... Эти и подобные им события уголовной хроники, воспринятые проницательным умом и чутким сердцем великого драматурга, были использованы для построения сюжетных линий в «Последней жертве», в «Без вины виноватые» и других пьесах А. Н. Островского, которые заняли прочное место в золотом фонде отечественной драматургии.

СЛУЖЕНИЕ ИСТИНЕ И КРАСОТЕ

Владимир Васильевич Стасов (1824—1906) внес выдающийся вклад в историю русской культуры. Яркий публицистический талант В. В. Стасова — художественного и музыкального критика, видного историка искусств — на протяжении многих лет служил благородному делу утверждения передовых, революционно-демократических эстетических идей. Он выступал как страстный пропагандист реалистического искусства, поднимавшего острейшие вопросы современности, защищавшего интересы народа.

Достаточно назвать славные имена лишь некоторых современников выдающегося критика, с кем он поддерживал тесные отношения в своей кипучей деятельности, и станет ясно, что «богатырская фигура Стасова» (А. В. Луначарский) в течение более чем полувека стояла в самом центре культурной жизни страны. Среди друзей и знакомых Владимира Васильевича, людей, с которыми он находился в творческом общении, часто встречался, беседовал, переписывался, были: Л. Н. Толстой, А. И. Герцен, И. А. Гончаров, Т. Г. Шевченко, И. С. Тургенев, Н. Г. Чернышевский, А. М. Горький, Э. Золя, М. И. Глинка, М. П. Мусоргский, А. Н. Серов, А. С. Даргомыжский, М. А. Балакирев, Ц. А. Кюи, А. К. Глазунов, Н. А. Римский-Корсаков, П. И. Чай-

ковский, А. Н. Скрябин, А. Г. Рубинштейн, Ф. Лист, Г. Берлиоз, Д. Россини, К. П. Брюллов, А. В. Иванов, В. Г. Перов, И. Н. Крамской, И. Е. Репин, В. И. Суриков, В. В. Верещагин, Д. И. Менделеев, С. П. Боткин, М. Г. Савина, Ф. И. Шаляпин, А. Ф. Кони, П. М. Третьяков.

Имя В. В. Стасова неразрывно связано с триумфальными успехами Товарищества передвижных художественных выставок, композиторов «Могучей кучки». Он принял деятельное участие в создании этих творческих объединений, был их признанным идейным руководителем.

Владимир Васильевич Стасов прожил долгую жизнь. На склоне лет он стал свидетелем революции 1905 года, а родился еще до восстания декабристов. Стихотворение М. Ю. Лермонтова «На смерть поэта» он прочитал по горячим следам трагического события, случившегося в январе 1837 года, еще в рукописи и тайком от начальства, вместе с другими воспитанниками младших классов Петербургского училища правоведения. В это учебное заведение определил Владимира Стасова весной 1836 года его отец — известный русский архитектор В. П. Стасов. Такое решение было несколько неожиданным. Мальчика влекло искусство, и он собирался стать архитектором. Сам В. В. Стасов рассказывал, что на решение отца мог повлиять совет, данный ему одним из приятелей. Сыграло, по-видимому, роль и то, что училище с первых же дней существования было явно «в моде», считалось «престижным» заведением. Многое значило в глазах тогдашней публики и внимание к училищу со стороны царской фамилии и даже самого императора. Связывались с этим учебным заведением и серьезные, продиктованные заботой об общественном благе (хотя и несбыточные) надежды. Вроде тех, о которых писал впоследствии сам В. В. Стасов: постепенно отстранить от дел погрязших во взяточничестве и крючкотворстве судейских чинов старого образца, заменить «приказное племя полувизантийских сутяг и подъячих на манер Европы — образованными, честными, хорошими молодыми юристами и чиновниками...»

В. В. Стасов провел в училище семь лет, закончил его в 1843 году и получил диплом правоведа. О его юридической практике известно мало. Некоторое представление о ней дает знакомство с функциями и компе-

тенцией тех «присутствий», в которых ему довелось служить. Вначале молодой юрист был зачислен в Межевой департамент Правительствующего сената. Межевание представляло собой совокупность технических и юридических действий, имеющих целью определить и утвердить посредством особых знаков и актов границы земельных владений. Этот юридический институт, который, по современным представлениям, следует отнести к земельному праву, играл видную роль в условиях частной собственности на землю. В то время действовала целая система государственных и неправительственных учреждений, занятых вопросами межевания.

Межевой департамент Сената, где служил Стасов, занимался управлением всеми видами государственного межевания. Здесь разрешались многочисленные споры и недоразумения, связанные с межеванием, отводом казенных земель; рассматривались жалобы на межевые канцелярии, губернские правления и другие учреждения по делам о судебно-межевом разбирательстве.

Другим местом, где В. В. Стасов смог применить на практике свои юридические знания, был Сенатский департамент герольдий. Ведению этого учреждения подлежали дела о принадлежности к дворянскому состоянию и почетному гражданству, надзор за правильностью чинопроизводства, вопросы, связанные с переменой фамилий, разъяснение соответствующих законов. «Герольдия», учрежденная еще Петром I для «заведывания служилым сословием», отнюдь не была «тихой» канцелярией, как это может показаться на первый взгляд, судя по ее функциям. В ней разрешались вопросы, имевшие по тем временам для многих людей жизненно важное значение. Достаточно вспомнить, например, сколько мук и терзаний довелось испытать известному поэту А. А. Фету, пока не были установлены истинные обстоятельства его рождения и принадлежность его к дворянскому роду Шеншиных.

После Департамента герольдий молодой правовед некоторое время работал в Министерстве юстиции помощником юрисконсульта. Несмотря на то что основные интересы и устремления В. Стасова не были связаны с юриспруденцией, его служебная карьера складывалась в целом удачно: он получал награды и поощрения, продвигался по служебной лестнице, рос в чинах. Сказы-

вались его большая образованность, а также исключительная добросовестность.

С 1847 года В. В. Стасов начинает сотрудничать в журнале «Отечественные записки», а в мае 1851 года в чине надворного советника уходит в отставку. Несомненно, что юридическая практика, несмотря на ее непродолжительность, не прошла для него бесследно. Она обогатила его жизненный опыт, пополнила знания, дала ему возможность наблюдать многие стороны общественно-политической жизни своего времени. Для гражданина и трибуна, каким был зрелый Стасов, это имело немаловажное значение.

Особый интерес для нас представляют воспоминания В. В. Стасова под названием «Училище правоведения сорок лет тому назад». Написанные талантливым публицистом, они в яркой, образной форме воссоздают картину жизни этого учебного заведения, без которой наши представления об истории юридического образования в России были бы неполными. Велико значение мемуаров и для понимания процесса становления общественно-политических, эстетических и иных взглядов В. В. Стасова, формирования его гражданской позиции.

Училище правоведения, основанное в 1835 году, представляло собой привилегированное учебное заведение закрытого типа, находившееся под покровительством одного из членов императорской фамилии. Поступающие в училище после сдачи вступительных экзаменов (русский, немецкий, французский и латинский языки, математика, история, география) зачислялись, в зависимости от возраста и уровня знаний, в тот или иной класс. В год поступления Стасова высшим классом был четвертый.

Училище давало не только специальное, но и общее образование: в младших классах преподавались грамматика, математика, физика, география, литература и другие общеобразовательные предметы. Много внимания уделялось занятию спортом, «светскому» воспитанию. В училище, несмотря на некоторое смягчение казарменных порядков и нравов, характерных для закрытых учебных заведений того времени, был установлен довольно строгий, полувоенный режим. Например, вставали воспитанники в шесть часов утра. Домой их отпускали только в воскресенье на несколько часов с «печатным билетом», в котором родители должны были

сделать отметки о времени прихода и ухода. Ежедневно было восемь часов учебных занятий. Существовала развернутая система наказаний: от лишения последнего блюда за обедом и выставления «к столбу» (к стене) до карцера и сечения розгами.

В училище преподавался полный для того времени курс юридических наук. Вспоминая о том, что в высших классах программа предусматривала до шестнадцати — семнадцати предметов, В. В. Стасов делает такой вывод: «Солидности у нас было мало в ученьи и слишком много фольги напоказ».

Его отзывы о преподавании отдельных правовых дисциплин весьма критичны и наполнены едкими саркастическими замечаниями. Вот некоторые из них. Профессор уголовного права Калмыков, вспоминал В. В. Стасов, выкрикивал с кафедры, что наказание требуется самой идеей божеской справедливости. «Неужели такую непроходимую чепуху читают и взаправду в немецких университетах (куда Калмыков ездил слушать лекции.— *А. А.*),— думали мы». «Другой профессор, некто Палибин, приводил нас в изумление, читая под заглавием «Государственное право», прямо статьи из Свода законов, которые мы должны были заучивать слово в слово...» Профессор Шнейдер, вспоминал В. В Стасов, «казался нам тяжелым немецким педантом, со всем своим «римским правом», которого мы никак не соглашались признать чудодейственной силой, долженствующею прочистить, осветить и направить все наши понятия о праве, о всем справедливом, несправедливом, законном и преступном. Нам казалось, что тут излагаются все такие ординарные вещи, которые мы очень хорошо знаем и без всякого классического римского права: например, что нельзя строить свой дом на чужой земле, нельзя продавать яблоки из чужого сада...»

Характерно, что логику и психологию читал будущим правоведам священник (!).

Одобрительно отзывался В. В. Стасов о курсе судебной медицины, которая тогда включала и ряд положений, относящихся ныне к криминалистике. Интересная деталь: в Мариинскую больницу для присутствия на вскрытии трупов училищное начальство посылало не всех, а только лучших учеников. Перед этим давали им

по рюмке мадеры — «для храбрости», но все равно дело не обходилось без обмороков.

Такова, по воспоминаниям В. В. Стасова, внешняя, официальная сторона жизни училища. Но, пожалуй, больший интерес представляет для нас та ее сторона, которую можно назвать неофициальной. В этой связи хотелось бы прежде всего отметить, что среди учеников (конечно, не всех, но многих) был силен дух вольнодумства, критическое отношение ко всему официальному, казенному. Весьма характерен такой эпизод. В 1841 году на экзамене выпускник Калайдович — способный, эрудированный юноша — докладывал публично, «как адвокат и судья», гремевшее тогда по всей Европе дело французской отравительницы Лафарж. Его речь длилась несколько часов. Он защищал подсудимую «со всем жаром новичка и со всей ненавистью к казенному суду». И когда Калайдович произнес речь, «вся зала загремела аплодисментами». Среди почетных гостей на экзамене был обер-прокурор Уголовного департамента Сената Карниолин-Пинский, одно из юридических светил того времени. Прокурор подошел к Калайдовичу и стал нудно доказывать, что Лафарж в действительности отравительница и ее не следовало оправдывать. В. В. Стасов вспоминал, что, слушая прокурора, воспитанники глядели на него, «как на врага». И как только этот «негодный мертвый сухарь» отошел, они опять стали хлопать Калайдовичу и кричать ему «браво».

С удовлетворением В. В. Стасов говорит в своих мемуарах о жарких дискуссиях, спорах со сверстниками, «страстных, пытливых, скептических ко всему и ко всем». Не довольствуясь казенной литературой, ученики на свои средства создали неплохую библиотеку. Зачитывались «Отечественными записками», в которых тогда печатались стихотворения М. Ю. Лермонтова, отрывки из «Героя нашего времени», статьи В. Г. Белинского. Как событие «необычайной важности» было встречено появление летом 1842 года «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. Прочитав в училище запрещенного тогда Г. Гейне, Стасов полюбил его «страстно, навеки».

В своих мемуарах В. В. Стасов отмечал наличие «того художественного элемента», который преобладал в училище правоведения. В особом почете была среди учеников музыка. Почти каждый из них играл на каком-нибудь инструменте. Систематически давались

концерты, устраивались музыкальные вечера. Именно здесь заблистал талант А. Н. Серова, впоследствии известного композитора[1]. С музыкальными занятиями воспитанников связан один забавный эпизод, ярко характеризующий нравы того времени. Вот как рассказывает о нем В. В. Стасов. Специальных помещений для занятий музыкой в училище не было, и для этого использовались дортуары (спальные комнаты). Вскоре после открытия училища его посетил Николай I Он вошел в один из дортуаров, где ученики усиленно упражнялись в музыке. Стоял невообразимый гам. Первым императору встретился толстый и рослый, с пухлыми красными щеками Бенкендорф, игравший свои гаммы на флейте. Он не так давно «приехал из Ревеля, но настолько уже понатерся в Петербурге, особенно у своего дяденьки (всесильного шефа III отделения.— *А. А.*) ... что мгновенно сообразил, что надо делать, когда увидал монументальную фигуру императора.. Он прикинулся, будто ничего не видит, и, бросив гаммы, принялся тщательно играть на флейте «Боже, царя храни», лишь незадолго перед тем сочиненное». Николай удостоил расторопного юнца короткой беседой и в хорошем расположении духа пошел дальше. Однако через две-три комнаты «самодержца всероссийского» ждало разочарование. Другой ученик, к которому он обратился, усердно игравший на скрипке, не только не узнал императора, но и назвал его всего лишь «вашим превосходительством».

Особое значение для В. Стасова имело общение с А. Серовым, который выделялся среди воспитанников незаурядными способностями, большой эрудицией. В. В. Стасов вспоминал, что, кроме споров и чтения, для него в училище было «нечто еще более новое, дорогое и необыкновенное. Это знакомство, дружба с Серовым. Это знакомство имело самое решительное влияние на всю мою жизнь».

Всесторонне рассмотрев в воспоминаниях «плюсы» и «минусы» своего пребывания в училище, то хорошее, светлое и горькое, неприятное, с чем пришлось там столкнуться, В. В. Стасов делает такой вывод: «Для меня было великим счастьем то, что я случайно

---

[1] После окончания училища А. Н. Серов работал товарищем председателя Уголовной палаты в г. Симферополе.

занесен был именно в это училище, а не в какое-нибудь другое».

В целом училище правоведения благотворно повлияло на В. В. Стасова. Знания, полученные им в классах училища, а также в процессе интенсивного самообразования, его впечатления от «неформального» общения со сверстниками упали на благодатную почву демократических убеждений, прививавшихся ему с детства в семье. В результате получился «сплав», в значительной мере предопределивший активную, прогрессивную и демократическую гражданскую позицию Стасова, его пытливый интерес к общественным делам и заботам, верное в своей основе понимание им многих острейших проблем современности. В этой связи нельзя не вспомнить добрым словом младшего брата Владимира Васильевича — Дмитрия Васильевича Стасова, человека незаурядного во многих отношениях. Между братьями существовала прочная идейная мировоззренческая связь, они вместе росли духовно, нравственно, были единомышленниками в полном смысле этого слова. Обладая каждый блестящими способностями, громадной эрудицией, развитым чувством долга и гражданской ответственности, Владимир Васильевич и Дмитрий Васильевич на протяжении многих лет оказывали друг на друга исключительно благотворное влияние.

Дмитрий Стасов также закончил училище правоведения. Поначалу он служил во втором гражданском департаменте Сената. В 1859 году в столице образовался кружок молодых юристов во главе с Д. В. Стасовым. Члены кружка обсуждали проекты переустройства судебного и административного аппарата, совершенствования законодательства, резко выступали против карьеризма чиновников, коррупции и казнокрадства, широко распространенных на государственной службе. Д. В. Стасов был хорошо знаком с А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским, содействовал их конспиративной встрече в Лондоне в 1859 году. Он материально помогал Н. Г. Чернышевскому в трудные для того времена. Власти неоднократно арестовывали Д. В. Стасова по подозрению в содействии освободительному движению, он находился на учете в третьем отделении как «политически неблагонадежный». Отстраненный от государственной службы, он стал частным ходатаем по делам,

а потом присяжным поверенным. В качестве адвоката Д. В. Стасов участвовал во многих громких политических процессах: Д. В. Каракозова, С. Г. Нечаева, М. Ф. Грачевского и др.

Дочь Дмитрия Васильевича — Елена Дмитриевна Стасова, член КПСС с 1898 года, в своей подпольной революционной работе неизменно пользовалась поддержкой отца. Он помогал ей и ее товарищам по борьбе материально, давал ценные юридические советы. Летом 1917 года на квартире Д. В. Стасова укрылся В. И. Ленин, который спасался от ищеек Временного правительства.

Человек широко и глубоко образованный, обладающий разносторонними интересами, Д. В. Стасов вместе со старшим братом активно участвовал в культурной жизни страны. И здесь пригодились его юридические познания, громадный опыт правовой работы. Он, например, защищал в суде авторские права А. С. Даргомыжского, П. И. Чайковского, наследственные права сестры М. И. Глинки — Л. И. Шестаковой.

Возвращаясь к В. В. Стасову, необходимо отметить, что прогрессивные общественно-политические взгляды как критика и общественного деятеля заметно сказались на его эстетическом «кредо» и на всей творческой работе. Для нас данное положение особенно интересно проследить на примере тех страниц творчества выдающегося критика и публициста, которые в той или иной степени затрагивают юридическую проблематику. Как известно, В. В. Стасов был тесно связан с художниками-передвижниками. Надо сказать, что кроме школы передвижников, а также художников, примыкающих к ним по духу и стилю, трудно, а пожалуй, и невозможно найти другую школу или течение в изобразительном искусстве (не только отечественном, но и мировом), чьи представители столь часто и успешно обращались бы к отражению современной им правовой действительности. Этот интерес к юридической тематике, конечно, не был случайным. Обращение к острым, как правило, драматическим по самой сути темам преступления, наказания, суда, следствия, тюрьмы и т. п. позволяло демократически настроенным художникам активно вторгаться в жизнь, страстно откликаться на волновавшие передовых людей того времени события, пропагандировать

свои прогрессивные взгляды и убеждения. «Привал арестантов» В. И. Якоби, «Утопленница» и «Приезд станового на следствие» В. Г. Перова, «Оправданная», «Осужденный», «Узник», «Крах банка» В. Е. Маковского, «Под конвоем», «Отказ от исповеди», «Арест пропагандиста», «Не ждали» И. Е. Репина, «В коридоре окружного суда» Н. А. Касаткина, «Заключенный», «Всюду жизнь», «В пересыльной тюрьме» Н. Я. Ярошенко, «У острога», «Из арестантской жизни» С. В. Иванова — вот далеко не полный перечень картин художников того времени на интересующую нас тему.

В. В. Стасов, активно пропагандируя реалистическое искусство, страстно отстаивая его демократические позиции, подверг тщательному искусствоведческому анализу многие из этих произведений, глубоко и всесторонне интерпретировал их. И важно отметить, что осмысление этих работ, глубокий анализ их сюжетной, фактической и идейно-художественной сторон осуществлялись критиком на широком социальном фоне. В. В. Стасов успешно применял разработанный Н. Г. Чернышевским метод «реальной критики»: сопоставлял произведения искусства с отображаемой действительностью, убедительно раскрывал их общественное звучание, насыщал свои работы острыми публицистическими высказываниями. Вот, например, как метко и образно, со многими общественно значимыми ассоциациями характеризует критик полицейского, изображенного на картине «Утопленница» В. Г. Перова: «Это тот бездушный истукан, который сидит возле вытащенного из воды тела «Утопленницы»... словно краденый тюк товара, снова им найденный, сторожит. Его... широкое лицо, все истыканное оспой, его равнодушные глаза, его казенная поза — все это говорит о том человеке, который уже вполне выдрессирован, который «готов» от головы до ног, и его ничем в мире не проймешь».

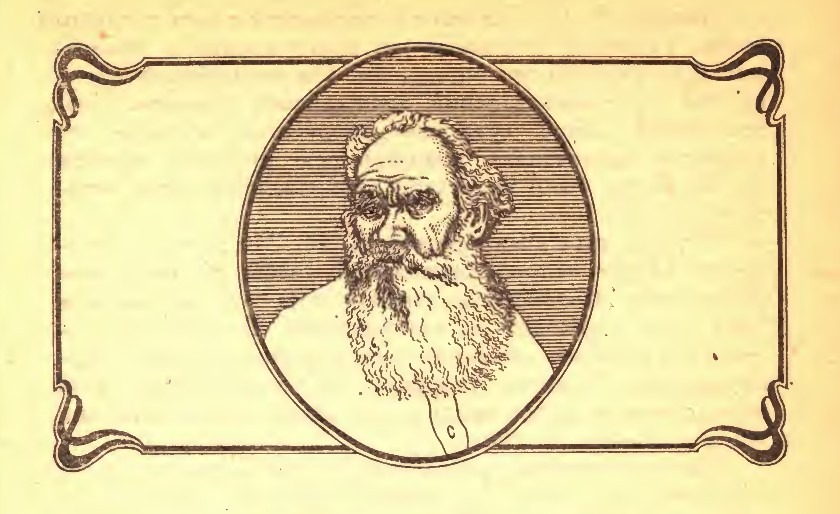
Чрезвычайно интересно, психологически точно охарактеризовал критик представителей власти, изображенных на другой картине В. Г. Перова — «Приезд станового на следствие». Анализируя эту работу, В. В. Стасов писал: «Хорош уж был в картине и волостной староста, робкий, но хитрый пьянчужка; хорош был писарь, сидящий у стола с зубной болью, подобо-

страстный перед становым, молодой, но уже пройдоха, судя по глазам; но выше всех являлся сам становой, старый выжига из военных, грубый и бездушный, возросший среди водки и побоев, безжалостный давитель и взяточник, смотрящий на крестьян, как на скот. Его поза, начальнический вид и жесты, его толстые брови веревками, его неуклюжая, медвежья фигура — какой это был глубокий и ужасный, по правде, тип из современной русской истории».

Своеобразно, публицистически остро и, несомненно, удачно разбирает В. В. Стасов картину В. Е. Маковского «Осужденный». На ней изображено, как жандармы выводят из зала суда арестанта. Убитые горем близкие прощаются с ним. Критик намеренно делает акцент на едва заметных фигурах второго плана и проводит при этом широкие социальные обобщения. «Вдали,— пишет В. В. Стасов,— спокойно калякают жиденький адвокат с плотным (разрядка моя.— *А. А.*) прокурором, жандармы тоже спокойно справляют свое дело порядка, и, действительно, все тут в порядке, все превосходно идет своим чередом, только несколько человеческих жизней и личностей порвано и разбито».

Высоко ценил В. В. Стасов картину И. Е. Репина «Отказ от исповеди», на которой изображен революционер в последнее утро своей жизни, перед казнью. Исстрадавшийся, но не сломленный духовно, он с нескрываемым презрением смотрит на священника, который с крестом в руке и молитвой на устах пришел «спасать» его душу. Судьба этой картины поначалу складывалась сложно. Цензура не разрешила ее экспонировать, и автор подарил эту работу частному лицу. По настойчивому совету В. В. Стасова П. М. Третьяков приобрел ее для своей галереи, где полотно находится до сих пор.

В творческом наследии В. В. Стасова не все бесспорно. В своих суждениях он иногда ошибался, в полемическом задоре порой впадал в крайности, допускал неоправданные резкости. Но В. В. Стасов делал свое большое дело, отстаивая прогрессивные художественные идеи и прокладывая новые пути для демократического искусства. Он по праву занимает видное место среди выдающихся представителей отечественной культуры.

ИСКАНИЕ ПРАВДЫ

Вряд ли можно найти сколько-нибудь значительную сферу социальной жизни, к постижению и художественному отражению которой не обращался бы Л. Н. Толстой (1828—1910). Его интересовало, глубоко волновало все, что касается бытия человека как социального существа, гражданина, представителя своего времени и народа, сына Отечества: государство и политика, мораль и религия, семья и брак, труд и быт, война и мир... Л. Н. Толстой создал неповторимые по глубине и художественной выразительности картины русской жизни на протяжении многих десятилетий. Он, как отмечал в 1910 году В. И. Ленин, «обрушился с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху донизу пропитывают всю современную жизнь» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 40).

Одной из стержневых тем в творчестве писателя были вопросы права, законности, причин преступности, справедливости наказания. Лев Толстой обращался к этим вопросам и как гениальный художник слова, и как мыслитель, и как публицист, и как общественный деятель.

Интерес Л. Н. Толстого к проблемам права и законности, судебной деятельности, преступления и наказания был глубоко закономерным. Он органически вытекал из его мировоззрения, гражданской позиции, соответствовал самой сути его творчества, которое, по удачному замечанию выдающегося русского юриста А. Ф. Кони, было не только изображением, но и исканием правды.

Интерес этот был присущ Л. Н. Толстому с молодости. После непродолжительной учебы на восточном факультете Казанского университета он в октябре 1845 года переходит на юридический. В одном из писем того времени, объясняя свое желание изучать юриспруденцию, Толстой сообщал, что «применение этой науки легче и более подходит к нашей частной жизни, чем какой-либо другой».

На юридическом факультете Л. Н. Толстой, по его собственным словам, «в первый раз стал серьезно заниматься». Внимание Толстого-студента прежде всего привлекают такие фундаментальные предметы, как энциклопедия права и уголовное право. Он активно участвовал в собеседованиях, которые устраивал на лекциях профессор уголовного права Фогель. Одно из них — о смертной казни особенно заинтересовало Л. Толстого.

Наряду с правовыми дисциплинами Л. Толстой изучает на юридическом факультете теорию красноречия, логику, психологию, теорию словесности. Он посещает юридическую «клинику» профессора гражданского права Мейера. Эта своеобразная форма учебы была призвана облегчить студентам резкий переход от университетских занятий к юридической практике. В «клинике» профессор, подобно юристам Древнего Рима, в присутствии своих учеников давал юридические консультации всем желающим, т. е. решал «казусы», взятые непосредственно из жизни.

Учился Толстой-студент неровно. И здесь, как это звучит ни парадоксально, сказывалась незаурядность, исключительная цельность его натуры, редкая по силе самостоятельность мысли, жгучий интерес к «вечным» проблемам. Эти качества проявились у Толстого очень рано, и не случайно с отроческих лет сверстники дали ему прозвище «философ». Характерно, что при поступлении в университет Толстой по большинству предме-

тов получил или «пятерки» или «единицы» и вынужден был экзаменоваться дважды. Уже в зрелом возрасте Лев Николаевич говорил, что по свойствам своего характера он мог заниматься только тем, что его интересовало, только этим одним. А вот как отзывался профессор Мейер о студенте Толстом: «Сегодня я его экзаменовал и заметил, что у него вовсе нет охоты серьезно заниматься; а это жаль; у него такие выразительные черты лица и такие умные глаза, что я убежден, что при доброй воле и самостоятельности он мог бы сделаться замечательным человеком». Нельзя не отдать должного проницательности ученого цивилиста. Можно лишь пожалеть о том, что относительно ума, доброй воли и самостоятельности своего ученика он, по-видимому, судил с «узковедомственных» позиций кафедры гражданского права. Впрочем, не без участия того же профессора Мейера студент Толстой провел интересную исследовательскую работу, в которой ярко проявилась его способность к самостоятельному критическому мышлению, умение схватывать суть сложных социально-правовых вопросов и делать правильные выводы. Эта студенческая работа Л. Толстого заслуживает более подробного рассмотрения, ибо в ней заложены многие элементы его будущего мировоззрения. Речь идет о выполнении студентом Толстым учебного задания профессора Мейера — дать сравнительный анализ сочинений французского социолога Монтескьё «О духе законов» и «Наказа» Екатерины II.

Выразитель политических взглядов французской буржуазии середины XVIII века Шарль Луи Монтескьё резко критиковал французский абсолютизм, был сторонником ограничения власти монарха конституцией. Монтескьё сформулировал известную либеральную теорию разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную. Он пытался объяснить происхождение государства и права, отстаивая при этом прогрессивную идею о закономерном развитии истории. Законы, по мнению Монтескьё, суть «необходимые отношения, вытекающие из природы вещей».

Екатерина II, проводя свою лицемерную, а в целом последовательно реакционную политику, использовала популярные идеи французских просветителей для приукрашивания самодержавия, для придания своей власти черт «просвещенного абсолютизма». «Тартюф в юбке

и короне», как называл Екатерину А. С. Пушкин, она довольно искусно прикрывала либеральной фразеологией свои истинные цели и дела: всемерное укрепление крепостнического государства, усиление власти помещиков, в первую очередь самого могущественного из них — того, кто носит корону, «самодержца всероссийского». Обоснованию этих задач прежде всего и служил «Наказ» Екатерины. Сей философско-юридический трактат императрица написала в качестве руководства для членов комиссии по составлению нового Уложения взамен устаревшего Соборного уложения 1649 года.

Толстой-студент, рассматривая «Наказ», верно уловил направленность и суть этого сочинения. В некоторых же вопросах он пошел намного дальше либеральных идей Монтескьё, использованных русской императрицей в ее политико-философском флирте с французскими мыслителями. Например, основываясь на учении Руссо об общественном договоре как источнике государственной власти, студент Толстой вообще отвергал правомерность, «естественность» монархической власти. «Так как в деспотии нет договора, посредством которого одно лицо имело бы право, а граждане обязанность и наоборот, а властью этой завладело одно лицо посредством силы, то я говорю: так как такого договора в деспотии не существовало, то и обязанности со стороны граждан существовать не может».

Уже тогда Л. Н. Толстой высказал мысль о том, что законы юридические должны строго соответствовать нормам нравственности. «Закон положительный,— писал он,— чтобы быть совершен, должен быть тождествен закону нравственному».

Безусловно, правы исследователи, отмечающие, что в студенческой работе Толстого перед нами уже отчетливо проступают элементы будущего мировоззрения писателя, который ко всему подходил с меркой «нравственного закона», оценивал различные явления современной ему общественной жизни, в том числе право, судебную деятельность, с точки зрения «вечных» начал нравственности. В студенческой работе Л. Н. Толстого впервые прозвучало его резко отрицательное отношение к крепостному праву.

Касаясь вопросов уголовного права, молодой Толстой признает наказание как средство предотвращения преступлений. Он утверждает, что оно должно быть со-

размерно преступлению. Уже тогда Толстой выступал против смертной казни. При этом он отмечал непоследовательность Екатерины, которая признавала ее необходимость и одновременно отвергала наказания, уродующие тело. Итоговый вывод Толстого о трактате российской императрицы был таков: «В этом произведении больше мелочности, чем основательности, более остроумия, чем разума, более тщеславия, чем любви к истине и, наконец, более себялюбия, чем любви к народу». По мнению Л. Н. Толстого, из двух начал, заключенных в «Наказе»: идей французских просветителей, с одной стороны, деспотизма и тщеславия самой Екатерины — с другой, преобладает второе, а в целом «Наказ» принес больше славы Екатерине, нежели пользы России.

Работа с «Наказом» и «Esprit des lois», писал Л. Н. Толстой, «открыла мне новую область умственного самостоятельного труда, а Университет со своими требованиями не только не содействовал такой работе, но мешал ей». Надо сказать, что юридический факультет Казанского университета в то время не отличался сильным составом профессуры и большими научными достижениями, а преподавание отдельных дисциплин велось из рук вон плохо. Многие из преподавателей были иностранцами, они плохо владели русским языком и кое-как изъяснялись со студентами. Вот несколько красноречивых эпизодов, о которых вспоминал «старый казанский студент» Е. Янишевский.

...Римское право читал некий Камбек. Он занимал свое место на кафедре, раскрывал тетрадку и начинал по ней диктовать: «Рымское право, с болчой буквы, точка. С новой строка. Скобка. Лекции профессора Камбека, точка. Запэрет скобка» и т. д. Профессор Винтер читал европейское государственное право, которое он называл «важны матеры». И, видимо, для того чтобы еще раз подчеркнуть важность предмета, самого себя профессор в начале лекций представлял студентам следующим образом: «Я штатский советник Гельман фон Винтер — одна штупень до женераль!» И при этом многозначительно поднимал вверх указательный палец правой руки.

Но дело, конечно, не только в непосредственных впечатлениях от подобных сцен, которые довелось наблюдать в студенческие годы Л. Н. Толстому. Главное состояло в том, что казенная наука не давала (и не могла

дать) пытливому юноше ответов на многие из мучивших его вопросов. В этом отношении характерно следующее признание Л. Н. Толстого, сделанное много лет спустя: «Я ведь сам был юристом и помню, как на втором курсе меня заинтересовала теория права, и я не для экзамена только начал изучать ее, думая, что я найду в ней объяснение того, что мне казалось странным и неясным в устройстве жизни людей. Но помню, что чем более я вникал тогда в смысл теории права, тем все более и более убеждался, что или есть что-то неладное в этой науке, или я не в силах понять ее. Проще говоря, я понемногу убеждался, что кто-то из нас двух должен быть очень глуп: или Неволин, автор «Энциклопедии права», которую я изучал, или я, лишенный способности понять всю мудрость этой науки».

В апреля 1847 года Л. Н. Толстой уходит с юридического факультета «по расстроенному здоровью и домашним обстоятельствам», как писал он в своем прошении. Правда, поначалу Л. Толстой еще надеялся завершить юридическое образование. Вскоре после ухода из университета он записывает в дневнике основные свои задачи на ближайшие два года. И там на первом месте значилось: «...изучить весь курс юридических наук, нужных для окончательного экзамена...» Затем следовал такой пункт плана: «написать диссертацию». Однако намерения эти не сбылись, и правоведение не стало для Л. Н. Толстого профессией. Но его интерес к вопросам права, законности, судебной деятельности, преступления и наказания не только не исчез, а со временем еще более усилился, приобрел новое качество и проявлялся в самых различных направлениях.

В апреле 1856 года в дневнике Л. Н. Толстого появляется запись о том, что он решил заняться серьезной работой на тему «О военных наказаниях». Это намерение удалось осуществить не полностью. Но черновые наброски, сохранившиеся в архиве писателя, все же дают некоторое представление о его взглядах на отдельные вопросы военно-уголовного права. Л. Н. Толстой указывал, что лейтмотивом данной отрасли российского законодательства того времени является признание солдат людьми, стоящими на «низшей ступени» общественной лестницы. Наказания, применяемые в армии, по мнению Л. Н. Толстого, являются ничем иным, как «средством к угнетению». Они не способствуют

укреплению воинской дисциплины. Для большинства воинских наказаний, отмечает Л. Н. Толстой, характерны бесчеловечность, непонятность, несправедливость, вредное влияние на наказуемых и наказывающих. Коснувшись одного из самых распространенных воинских наказаний того времени — прогона провинившихся солдат сквозь строй, Л Н. Толстой резонно спрашивал: «Кто решил, что мало простой смерти?» Он подчеркивал варварский характер, всеобщее развращающее действие этого наказания, при исполнении которого «палачи — все». Столь же резко отрицательно высказывался писатель и о сечении розгами.

В многогранной деятельности Л. Н. Толстого нашлось место и для юридической практики. В 1861 году он был назначен мировым посредником четвертого участка Крапивенского уезда Тульской губернии. В обязанности посредников входил разбор спорных дел между помещиками и «освобожденными» крестьянами. О большом значении, которое придавалось деятельности мировых посредников, говорит уже тот факт, что они персонально назначались непосредственно губернаторами, а их отзыв производился по решению Сената.

«Крестьянский вопрос» во всех его многочисленных аспектах, включая правовой, уже тогда глубоко волновал Л. Н. Толстого, и он с большой охотой, увлеченностью взялся за новое дело. В письме к А. А. Толстой он сообщает, что «посреднический хомут» наряду с хозяйственным, школьным, журнальным он «намерен тянуть, насколько хватит жизни и силы».

В целом институт посредников, при всех претензиях его учредителей на беспристрастность и объективность, при его показном стремлении к «социальной гармонии», преследовал вполне определенную классовую цель — всемерно содействовать защите имущественных и прочих интересов помещиков. Добиться этого было нетрудно, так как посредники подбирались из числа власть имущих, а большинство крестьян были неграмотны, забиты, не осведомлены в правовых вопросах, имели самое смутное представление о «благах», пожалованных им царским манифестом, отменявшим крепостничество.

Мировой посредник Толстой, несмотря на графский титул, повел дело так, что крапивенские помещики с первых же его шагов забеспокоились, усмотрев в них угрозу своим правам и преимуществам. В спорных

делах землевладельцев с крестьянами Л. Н. Толстой при малейших к тому юридических основаниях, а иногда и без них, просто по велению совести, неизменно вставал на сторону бывших крепостных. Об этом свидетельствует такой, например, эпизод из его посреднической практики. Помещик Михаловский направил несколько крестьян пахать его землю под пар. Крестьяне выпустили своих лошадей пастись на заливных лугах помещика, считая, что в этом нет ничего предосудительного, поскольку они работают не на себя, а на него. Михаловский обратился к Л. Н. Толстому с жалобой, требуя взыскать с работников восемьдесят рублей серебром за потраву четырех десятин лугов. Мировой посредник вначале попытался склонить управляющего имением к тому, чтобы тот простил крестьянам нарушение. К гда из этого ничего не получилось, Л. Н. Толстой уехал с места происшествия, не объявив никакого решения по существу спора. После поступления вторичной жалобы помещика Л. Н. Толстой снова выехал в имение Михаловского и в соответствии с установленной процедурой пригласил из соседнего села трех «добросовестных», т. е. не заинтересованных в исходе дела, лиц для определения размеров потравы и суммы убытков. По мнению «добросовестных», оказалось потравлено не четыре, а три десятины, общая же сумма ущерба составила всего тридцать рублей. Мировой посредник не согласился и с этой цифрой, полагая, что ущерб от потравы составляет не более пяти рублей с десятины. Таким образом, помещику вместо восьмидесяти рублей причиталось в порядке возмещения убытков всего лишь пятнадцать рублей.

В других случаях Л. Н. Толстой, исполняя обязанности мирового посредника, выносил решения о взыскании ущерба с помещиков в пользу крестьян, предписывал отпускать незаконно удерживаемых в услужении бывших дворовых и т. д.

Уже через месяц после того, как Л. Н. Толстой приступил к посредничеству между крестьянами и дворянами, он записывает в дневнике, что оно «поссорило меня со всеми помещиками окончательно».

Раздраженность помещиков действиями Л. Н. Толстого вскоре перешла в открытое возмущение. Они обжаловали решения мирового посредника, всячески угрожали ему, требовали его отставки. В письмах, кото-

рые посылались в губернское управление и другие инстанции, сообщалось, что Л. Н. Толстой «мерами своими производит волнения», «не признает никакой законности», «поселяет в крестьянах уверенность в поощрении всяких отступлений с их стороны от требований закона» и т. п.

Несмотря на это, Л. Н. Толстой в посреднической деятельности продолжал проводить прежнюю линию, отстаивая, насколько было возможно в тех условиях, интересы крестьян. И только после того, как сам он решил, что главное им сделано, в том числе открыто более двух десятков школ для крестьянских детей, он подал просьбу об отставке, которая была удовлетворена.

Интересно отметить, что власти долго еще помнили о деятельности Л. Н. Толстого в качестве мирового посредника. В полицейском досье на «строптивого графа», заведенном почти через сорок лет — в 1898 году, она оценивалась следующим образом: «При эмансипации 61 года граф Толстой был мировым посредником и... всегда держал сторону крестьян в ущерб помещикам, чем вызвал неудовольствие как владельцев, так и мирового института».

Сам же Л. Н. Толстой в 1901 году вспоминал: «Счастливые периоды моей жизни были только те, когда я всю жизнь отдавал на служение людям: школа (педагогическая деятельность писателя.— *А. А.*), посредничество...»

Довелось Л. Н. Толстому выступать при несколько необычных обстоятельствах в роли защитника по уголовному делу. О данном эпизоде есть смысл рассказать подробнее, ибо, как говорил о нем сам писатель, «случай этот имел на всю мою жизнь гораздо более влияния, чем все кажущиеся более важными события жизни: потеря или поправление состояния, успехи или неуспехи в литературе, даже потеря близких людей».

...В июне 1866 года писарь Московского пехотного полка, стоявшего неподалеку от Ясной Поляны, Василий Шабунин ударил по лицу своего ротного командира Яцевича... Произошло это после того, как Яцевич обнаружил писаря в канцелярии пьяным и распорядился посадить его в карцер, а также приготовить розги для наказания. При расследовании дела Шабунин ссылался на то, что командир был к нему несправедлив: заставлял переделывать хорошо исполненную

работу, часто вызывал к себе без всякой надобности и т. п.

Когда знакомый офицер рассказал Л. Н. Толстому об этом деле, он очень им заинтересовался и пожелал выступить на суде защитником. Его просьба была удовлетворена. После встречи и беседы с обвиняемым, изучения материалов дела Л. Н. Толстой дал глубокий психологический анализ поступка Шабунина, поведения Яцевича, их внешне простых, но по сути весьма запутанных взаимоотношений. С позиций защиты одна из самых существенных сложностей дела состояла в том, что со стороны Яцевича не было проявлено какой-либо особой жестокости в отношении солдата и, следовательно, отсутствовали видимые поводы для своеобразного психологического «взрыва», который просматривался в действиях Шабунина. Однако Л. Н. Толстой пришел к выводу, что Шабунин действовал в состоянии крайнего исступления, развившегося постепенно и незаметно под влиянием педантичных требований и мелких придирок начальника. По самым пустячным поводам, из-за всякого рода обыденных мелочей накапливалось у Шабунина и Яцевича взаимное раздражение, которое с течением времени, исподволь переросло в обоюдную устойчивую неприязнь и даже ненависть. Л. Н. Толстой считал, что подсудимый в момент совершения преступления был невменяем, и пытался доказать это суду в своей защитительной речи, построенной, как отмечают биографы писателя, «юридически очень искусно». Л. Н. Толстой оспаривал заключение полковых врачей о вменяемости подсудимого и высказал обоснованные сомнения относительно их компетентности в области судебной психиатрии. Обращаясь к судьям, защитник сказал: «Подумайте, обсудите этот вопрос — не судите ли вы вместо преступника, вместо злодея — просто душевнобольного человека, ответом на этот вопрос является жизнь человека».

Защитник ссылался, между прочим, на факт, косвенно свидетельствовавший о том, что Шабунин и в самом деле вряд ли полностью отдавал себе отчет в своих действиях и был способен руководить ими: накануне, всего за несколько дней до случившегося, писарь собственноручно переписал приказ о расстреле рядового, совершившего аналогичный поступок.

Л. Н. Толстой убедительно опровергал вывод про-

курора о предумышленном характере содеянного, доказывал отсутствие преднамеренности в действиях Шабунина. На тот случай, если судьи все же признают подсудимого виновным, защитник, ссылаясь на целый ряд норм уголовного права и уголовного процесса, обосновал предложение о смягчении наказания. Однако суд не согласился с доводами Л. Н. Толстого. Шабунин был приговорен к смертной казни и расстрелян. Возможно, на такой исход дела повлияло то, что оно предварительно докладывалось царю и последовало «высочайшее повеление» судить писаря по полевым военным законам.

Л. Н. Толстой постоянно интересовался специальной юридической литературой, хорошо знал современные ему правовые теории. Он, например, был очень хорошо знаком с «учением» Ломброзо о прирожденном преступнике и дал ему объективно верную оценку.

Л. Н. Толстому довелось встретиться с автором нашумевшей книги «Преступный человек, изученный на основе антропологии, судебной медицины и тюрьмоведения» и даже наблюдать при несколько необычных обстоятельствах «теорию» Ломброзо в действии. Вот как это произошло (по воспоминаниям сына писателя — М. Л. Толстого).

В 1907 году Ломброзо приезжал в Россию и посетил Ясную Поляну. Толстой и его гости: Ломброзо, а также молодой человек, юрист, которого семья Толстых знала с детства,— пошли купаться. После купания и последовавшего за ним завтрака Ломброзо сообщил хозяину, что он обнаружил пропажу из своего бумажника двухсот пятидесяти рублей. Профессор судебной медицины (а Ломброзо носил это звание) резонно рассудил, что сам он не мог украсть у себя деньги. Причастность хозяина к их исчезновению он, слава богу, исключал, и подозрение пало на молодого юриста. Его поспешный отъезд в Москву служил уликой. Но главное, по мнению Ломброзо, состояло в том, что у молодого человека были хорошо заметны «преступные знаки на голове». Выслушав эту чушь, Л. Н. Толстой возмутился. Он уверял гостя, что его подозрения совершенно беспочвенны, советовал еще раз поискать деньги. Но Ломброзо стоял на своем и использовал эту историю как еще один повод для изложения своего «учения» и подтверждения его правильности.

Вскоре из Москвы, куда уехал Ломброзо, в Ясную Поляну пришла телеграмма. Ломброзо извинялся за причиненное беспокойство и сообщал, что нашел деньги в другом бумажнике. Л. Н. Толстой очень обрадовался такому завершению «дела» и долго смеялся над незадачливым профессором судебной медицины и над его «теорией». А в дневнике писателя появилась лаконичная, но емкая по содержанию фраза: «...был Ломброзо, ограниченный, наивный старичок».

Много внимания уделял Л. Н. Толстой проблемам тюрьмоведения и пенитенциарии. Среди прочитанных им книг значатся, например, «Сибирь и ссылка» Д. Кеннана, «Русская община в тюрьме и ссылке» Н. М. Ядринцева, «В мире отверженных» Л. Мельшина и много других работ такого рода.

Отличительной чертой творчества и общественной позиции Л. Н. Толстого было стремление проникнуть в суть волновавших его вопросов. Так, не ограничиваясь беседами с юристами, ознакомлением с соответствующей литературой, он, уже будучи признанным писателем, непосредственно вникает в судебную жизнь, присутствует на судебных заседаниях, посещает тюрьмы, беседует с арестантами. В 1881 году его жена писала сестре: «Левочка вдался в свою работу, в посещение острогов, судов мировых, судов волостных, рекрутских приемов...» Во время заграничного путешествия в Берлин Л. Н. Толстой посетил и внимательно осмотрел одиночную тюрьму, построенную в районе Маобит. Подобные тюрьмы тогда только появлялись в Европе (по опыту Америки).

Известно, что сюжеты таких выдающихся произведений Л. Н. Толстого, как «Воскресение», «Живой труп», «Власть тьмы», почерпнуты непосредственно из судебной практики.

Писатель поддерживал дружеские отношения с некоторыми видными юристами своего времени, в частности с А. Ф. Кони, с председателем Московского окружного суда Н. В. Давыдовым. В 1887 году, впервые посетив Ясную Поляну, А. Ф. Кони рассказал Льву Николаевичу историю некой Розалии Они́. Суть истории состояла в следующем. К А. Ф. Кони, когда он был прокурором Петербургского окружного суда, обратился молодой человек с просьбой о передаче письма арестантке Розалии Они́. Как выяснилось, у посетителя

имелись к тому особые основания. Когда-то, не без его участия, в жизни сироты Розалии Они́, взятой на воспитание в богатый дом, произошли драматические события, которые в конце концов привели ее в публичный дом, а затем и на скамью подсудимых. Молодой человек тем временем стал чиновником, делал служебную карьеру, был назначен присяжным заседателем. Случайно он оказался в составе суда, рассматривавшего уголовное дело по обвинению Розалии Они́. И тут к нему пришло запоздалое раскаяние. Преуспевающий чиновник предложил арестантке стать его женой. Розалия ответила согласием. Но браку так и не суждено было состояться, так как вскоре она умерла от сыпного тифа. Жених пожертвовал приготовленное для невесты приданое в пользу приюта для арестантских детей.

Л. Н. Толстой расценил эту историю как «прекрасный сюжет» и советовал А. Ф. Кони написать на ее основе рассказ для издательства «Посредник». В одном из писем к Л. Н. Толстому А. Ф. Кони сообщает, что, занятый множеством дел, он «не исполнил своего обещания написать историю бедной Розалии Они́...» Последовала просьба Л. Н. Толстого разрешить ему воспользоваться этим сюжетом. А. Ф. Кони ответил: «Ваша мысль написать о Розалии Они́ и ее соблазнителе... чрезвычайно меня обрадовала,— и, взамен «разрешения», упоминаемого Вами, я обращаюсь к Вам с горячею просьбою не покидать этой мысли. Из-под Вашего пера эта история выльется в такой форме, что тронет самое зачерствелое сердце и заставит призадуматься самую бесшабашную голову». Такова предыстория, фактическая основа сюжета «Воскресения» — романа, вошедшего в сокровищницу мировой литературы, который одновременно с полным основанием расценивается как выдающееся юридическое исследование.

Перипетии редкого по фабуле уголовного дела супругов Гимер были использованы Л. Н. Толстым для сюжета пьесы «Живой труп».

...Дворянин Николай Гимер, порвав с семьей, стал пьянствовать, был уволен со службы и, несмотря на старания близких, постепенно совсем опустился, превратился в бездомного бродягу. Более чем через десять лет после фактического распада семьи его жена Екатерина Гимер собралась вступить в новый брак, для чего

надо было расторгнуть прежний. С большим трудом она разыскала бывшего супруга и уговорила его принять на себя вину в бракоразводном процессе, пообещав Николаю Гимеру платить за угол в одной из ночлежек и выдавать ему пять рублей ежемесячно. Но Московская консистория отказала в разводе. Вскоре около проруби на Москве-реке было обнаружено пальто со свидетельством об освобождении Николая Гимера от воинской повинности, письмами на его имя и запиской с просьбой никого не винить в его смерти. Кроме того, Екатерина Гимер получила от мужа письмо, в котором он сообщал о своем намерении утопиться. Через несколько дней полиция пригласила Екатерину Гимер осмотреть труп человека, вытащенного из воды живым и вскоре умершего. Она опознала в нем Николая Гимера. Похоронив того, кто считался ее мужем, Екатерина Гимер получила свидетельство о том, что она является вдовой, и вскоре беспрепятственно вступила во второй брак. А дальше события приняли неожиданный оборот. К властям обратился... Николай Гимер с просьбой выдать ему новый паспорт взамен утерянного. Запутавшись в объяснениях полицейскому приставу, Николай Гимер заявил, что в действительности паспорт находится в бумагах консистории или же в деле о самоубийстве, и подробно рассказал о том, как Екатерина Гимер юридически стала вдовой, подговорив его инсценировать самоубийство. Примечательно, что Н. Гимер дал такие показания, хотя его бывшая жена по-прежнему принимала участие в его несчастной судьбе. После того как он юридически исчез с лица земли, она за свой счет отправила его в Петербург, снабдив пятнадцатью рублями, а затем ежемесячно высылала ему деньги, подписываясь вымышленными именами.

Можно только удивляться тому, что сговор бывших супругов не был разоблачен раньше. Полицейские чины, расследовавшие дело о «самоубийстве» Гимера, не обратили внимания на такой, например, факт: прорубь, около которой нашли пальто с документами Николая Гимера, находилась на целых шесть верст ниже по течению от того места, где через три дня был вытащен живым неизвестный, вскоре скончавшийся и опознанный Екатериной Гимер.

Суд, признав Екатерину Гимер виновной в двоебрачии, а Николая Гимера — в пособничестве этому пре-

ступлению, приговорил их к лишению всех особых прав и преимуществ и ссылке в Енисейскую губернию. Новый муж Е. Гимер решил следовать за нею в Сибирь, хотя имелось в виду, что она должна проживать там вместе с первым супругом, с которым по-прежнему оставалась связанной церковно-юридическими узами.

В рассмотрении дела Гимер в кассационной инстанции довелось участвовать А. Ф. Кони. Выдающийся юрист писал: «Это был яркий случай противоречия между правдой житейской, человеческой — и правдой формальной и отвлеченной, и в то время, когда последняя с бесстрастной правильностью совершала свое дело,— первая громко... взывала к участию и милосердию».

Использованное Л. Н. Толстым для названия пьесы словосочетание «живой труп» в полной мере соответствовало правде жизни. Оно родилось еще в суде: именно в качестве «живого трупа», «бывшего человека» воспринял подсудимого Н. Гимера один из участников судебного заседания, рассказавший о своих впечатлениях.

Другая пьеса Л. Н. Толстого — «Власть тьмы» — основана на материалах уголовного дела тульского крестьянина Ефрема Колоскова, с которым писатель при содействии Н. В. Давыдова дважды беседовал в тюрьме. Колосков, женившись на пятидесятилетней вдове, принудил к сожительству ее шестнадцатилетнюю дочь от первого брака Елену. Когда у Елены родился ребенок, Колосков, чтобы скрыть «позор», придавил его в погребе доской и закопал труп у себя на дворе. Через некоторое время должна была состояться свадьба Елены, и Колоскову предстояло в качестве отца, хотя и неродного, благословить ее к венцу. Но он не нашел в себе сил для этого и публично покаялся в преступлениях.

Работая над этими и некоторыми другими произведениями, Л. Н. Толстой неоднократно обращался к А. Ф. Кони, Н. В. Давыдову за советами по различным юридическим вопросам, интересовался у них подробностями уголовного судопроизводства, процесса исполнения наказаний, различными деталями тюремной жизни и т. п. Например, в письме к Н. В. Давыдову он просит сообщить, «кем возбуждается дело, как ведется, кем утверждается, как, где, кем совершается, как

устраивается виселица, как одет палач, кто присутствует при этом... чем больше будет подробностей, тем мне это нужнее».

Стремясь к максимальной достоверности в изображении правовой действительности и судебной деятельности своего времени, Л. Н. Толстой попросил Н. В. Давыдова написать для романа «Воскресение» текст обвинительного акта по делу Масловой и сформулировать вопросы суда к присяжным заседателям.

Много внимания уделял Л. Н. Толстой юридическим делам и как общественный деятель. Он не раз выступал заступником несправедливо осужденных и, случалось, благодаря своему авторитету, добивался успеха. Вскоре после кончины писателя Н. В. Давыдов сообщил, что у него сохранилось более шестидесяти писем и записок Л. Н. Толстого, в которых он просил об оказании юридической помощи различным лицам. Толстой хлопотал за «первомартовцев», поднявших руку на царя; за крестьянку-вдову, которую притесняет сосед; за мещанина, не знающего, как ему доказать свои права на наследство; за писателя, обвинявшегося в написании слишком смелой статьи; за студентов, возмущавшихся полицейскими порядками в университете; за «отступников от веры», которых преследовало правительство, и многих, многих других людей.

Взгляды Л. Н. Толстого на современные ему государство и право, суд, юридическую науку и практику получили всестороннее отражение в его творчестве. Л. Н. Толстой великолепно знал юридические порядки царской России, глубоко понимал реакционную сущность самодержавно-полицейского государства и права. За фасадом современного ему «правосудия», разглагольствованиями о справедливости и беспристрастности судей и других «служителей закона» он отчетливо видел истинные интересы царской юстиции, ее классовую сущность, ее продажность; за пышными фразами о гуманизме и уважении прав человека — бесчеловечность судебной машины, тщательно отрепетированную «комедию суда».

...Судят Катюшу Маслову и других обвиняемых по делу об отравлении купца Смелькова. Внешне все идет чинно, в высшей степени благопристойно и даже «не без торжественности». Фигуры председателя и членов суда в расшитых золотом мундирах «очень внушитель-

ны». На присяжных «отпечаток некоторого удовольствия от сознания совершения важного общественного дела». Каждому, кто призван в суд или просто наблюдает за процессом со стороны, многократно подчеркнуто, что он в храме правосудия, где вершится благое дело, торжествует законность и справедливость, и, конечно, не зря в правом углу зала суда висит киот с изображением Христа в терновом венце, а на покрытом зеленым сукном столе возвышается «треугольный инструмент с орлом».

Но что происходит внутри этой внушительной судебной машины? Какими шестернями и приводами движима она к декларированной высокой цели? А судьи кто, наконец? И Лев Толстой с беспощадной правдивостью срывает маски со всех и вся, убедительно показывает, что происходящее юридическое действо не имеет, в сущности, никакого отношения к справедливости и законности и не здесь, на раззолоченной сцене, решаются судьбы людей, а где-то в стороне, за кулисами. И делается это отнюдь не по велению совести. Да и не интересуют никого по-настоящему эти самые судьбы. Они — лишь повод, тема для упражнений в красноречии, за которое платят неплохие деньги.

Председательствующий явно путается в деле, невпопад задает вопросы. Все его помыслы и стремления, его мысленный взор обращен к гостинице «Италия», где между тремя и шестью часами его ждет рыженькая Клара Васильевна — швейцарка-гувернантка, с которой у него прошлым летом на даче завязался роман.

Члену суда с нахмуренным лицом не дают покоя воспоминания об утренней сцене с женой. Да если бы одни только воспоминания! Жена заявила, что если он не даст ей денег, то может не приезжать обедать домой. «На этом он уехал, боясь, что она сдержит свою угрозу, так как от нее всего можно было ожидать».

Другой член суда, «который всегда опаздывал», не интересуется ничем, кроме собственного катара желудка и только что назначенного ему режима лечения. Перед тем как сесть за судейский стол и вершить правосудие, «он загадал, что если число шагов от кресла до двери кабинета будет делиться на три без остатка, то новый режим вылечит его от катара, если же не будет делиться, то нет. Шагов было двадцать шесть, но он

сделал маленький шажок и ровно на двадцать седьмом подошел к креслу».

Товарищ прокурора «был очень честолюбив и твердо решил сделать карьеру и потому считал необходимым добиваться обвинения по всем делам, по которым он будет обвинять». И сейчас он намерен неукоснительно следовать этому правилу, хотя не успел даже познакомиться с материалами дела, по которому должен выступать. «Он не спал всю ночь. Они провожали товарища, много пили и играли до двух часов, а потом поехали к женщинам в этот самый дом, в котором шесть месяцев назад еще была Маслова, так что именно дело об отравлении он не успел прочесть».

С обвинителем, как это положено по закону, скрещивают шпаги адвокаты. Один из них — присяжный поверенный, защищающий Картинкина и Бочкову, нанят ими за триста рублей. Это «средних лет человек во фраке, с широким полукругом белой крахмальной груди». Ни фамилии, ни имени, ни отчества его писатель не считает нужным сообщать. Второй адвокат, защищающий Маслову,— совсем уж бестелесное существо, одна только процессуальная тень, символ какой-то. Его гонорар, конечно, намного меньше. Он «робко, запинаясь, произнес свою защитительную речь. Когда он мямлил о жестокости мужчин и беспомощности женщин, то председатель, желая облегчить ему положение, попросил его держаться ближе сущности дела».

Выразительными штрихами рисует писатель образы присяжных заседателей, судебного пристава с «боковой походкой», других участников процесса. Каждый из них делает свое дело, а точнее, «изображает» его видимость. Председатель «гнал дело как мог скорее, чтобы поспеть к своей швейцарке». В резюме он объяснял присяжным, «с приятной домашней интонацией, то, что грабеж есть грабеж, а воровство есть воровство и что похищение из запертого места есть похищение из запертого места, а похищение из незапертого места есть похищение из незапертого места» и т. д. Но, любуясь собственным своим красноречием — его неотразимой логикой, многозначительной плавностью и профессиональными красотами, да к тому же еще занятый мыслями о предстоящих амурных делах, председатель забыл сказать самое главное, отчего зависела судьба троих людей.

Товарищ прокурора, пустив в ход изощренное крючкотворство и самую беспардонную демагогию, всеми правдами и неправдами выигрывает время для изучения материалов дела и хоть какой-нибудь подготовки к обвинительной речи. А в ней он понес такую околесицу, что на самом финише его словесной скачки, в тот момент, когда ложная патетика и низкопробная декламация достигли, пожалуй, апогея и распутный купец Смельков был представлен публике этаким «русским богатырем, добродушным, доверчивым Садко», за судейским столом состоялся следующий разговор:

« — Ну, уж это он, кажется, зарапортовался,— сказал, улыбаясь, председатель, склоняясь к строгому члену.

— Ужасный болван,— сказал строгий член».

А что же присяжные, этот глас народа, его совесть, как называли их тогда в правительственных газетах? Они, вдоволь посудачив и посплетничав в совещательной комнате, выносят решение, которое своей нелепостью поражает даже видавшего виды председателя. «Ведь это каторжные работы, а она не виновата»,— говорит он. «То, а не другое решение принято было не потому, что все согласились, а, во-первых, потому, что председательствующий, говоривший так долго свое резюме, в этот раз упустил сказать то, что он всегда говорил, а именно то, что, отвечая на вопрос, они могут сказать: да, виновна, но без намерения лишить жизни; во-вторых, потому, что полковник (один из заседателей.— *А. А.*) очень длинно и скучно рассказывал историю жены своего шурина; в-третьих, потому, что Нехлюдов был так взволнован, что не заметил упущения оговорки об отсутствии намерения лишить жизни..; в-четвертых, потому, что Петр Герасимович не был в комнате, он выходил в то время, как старшина перечел вопросы и ответы, и, главное, потому, что все устали и всем хотелось скорей освободиться и потому согласиться с тем решением, при котором все скорей кончается...»

Сцена суда — одна из сильнейших в романе «Воскресение». Во всей мировой литературе трудно найти подобную ей.

Интересно отметить, что юридическая тема, столь широко представленная в творчестве Л. Н. Толстого,

занимала видное место и в его неосуществленных творческих замыслах. В конце 70-х годов писатель начал работать над грандиозной эпопеей под названием «Сто лет». Собирая материал для этого произведения, Л. Н. Толстой много работал в архивах. Писатель изучил по материалам архива Сыскного приказа выписки более чем из полусотни уголовных дел о следующих преступлениях за 1723—1746 годы: о различных видах убийства (отцеубийства, детоубийства, женоубийства и др.), побегах колодников, «расколе», разбое, грабеже, «блуде», притоносодержательстве, «волшебстве», мужеложстве и т. д. Собираясь написать роман о декабристах, Л. Н. Толстой тщательно изучил процесс расследования, суда и наказания по их делу.

Гневный протест против узаконенного произвола, надругательства над личностью, полного равнодушия к судьбе человека, бессердечия и жестокости, присущих судебной машине и всей юридической системе царизма, прозвучал в публицистике Л. Н. Толстого. Он выступал за свободу образования, воспитания и вероисповедания; отрицал частную поземельную собственность; требовал уничтожения телесных наказаний, отмены всех особенных законов для крестьянского населения; клеймил позором царских палачей, превративших смертную казнь в обыденное явление; разоблачал буржуазную юридическую науку, многоопытных ученых казуистов, которые болтовней о гуманности и справедливости искусно маскировали антинародную сущность буржуазно-помещичьего государства и права.

В статьях и других публицистических выступлениях Л. Н. Толстой показал поразительное по глубине научного анализа понимание самой сути современного ему права, отдельных отраслей законодательства и юридических институтов, вскрыл подлинный интерес господствующих классов, стоящий за нормами законов, которые, по утверждениям буржуазных правоведов, служат общему благу. В «Письме студенту о праве» он говорил: «Правом в действительности называется для людей, имеющих власть, разрешение, даваемое ими самим себе, заставить людей, над которыми они имеют власть, делать то, что им, властвующим, выгодно». «Уголовное право есть право одних людей ссылать, заточать, вешать, для людей же ссылаемых, заточаемых, вешаемых

есть право не быть изгнанными, заключенными, повешенными до тех пор, пока это тем, кто имеет возможность это делать, не покажется нужным». «Право гражданское,— указывал Л. Н. Толстой,— есть право одних людей на собственность земли, на тысячи, десятки тысяч десятин и на владение орудиями труда, и право тех, у кого нет земли и нет орудий труда, продавать свои труды и свои жизни, умирая от нужды и голода, тем, которые владеют землей и капиталами».

Надо сказать, что публицистические выступления Л. Н. Толстого на правовые, равно как и на другие темы, меньше всего были плодами умозрительных рассуждений в кабинетной тиши. Эти выступления неизменно рождались как отклик на злобу дня, возникали в результате непосредственных впечатлений от тех или иных событий. Материал для них брался, что называется, из гущи жизни, а нередко и из личного опыта писателя. В этом отношении характерен следующий эпизод из жизни Л. Н. Толстого. Правда, возникший в этот раз замысел написать статью не был до конца реализован, но случай, о котором пойдет речь, представляет особый интерес, так как раскрывает некоторые важные детали «творческой лаборатории» Л. Н. Толстого.

...В 1872 году писатель должен был в качестве присяжного заседателя принять участие в работе выездной сессии Тульского окружного суда. Сам Л. Н. Толстой находился в это время под следствием по делу о гибели яснополянского пастуха, которого забодал бык. Во время происшествия Л. Н. Толстой был в отъезде, но следователь, считая, что в данном случае хозяину Ясной Поляны может быть предъявлено обвинение в неосторожном убийстве, взял у него подписку о невыезде. Л. Н. Толстой, сославшись на подписку, в суд не явился, за что был оштрафован на двадцать пять рублей. Эта нелепая история настолько возмутила писателя, что он всерьез стал подумывать об отъезде на жительство за границу. От этого намерения Л. Н. Толстой отказался только после того, как получил от председателя суда письмо, в котором действия следователя расценивались как ошибочные. В письме к А. А. Толстой Лев Николаевич дал такую оценку случившемуся: «Я устроил свою жизнь с наибольшей sécurité (без-

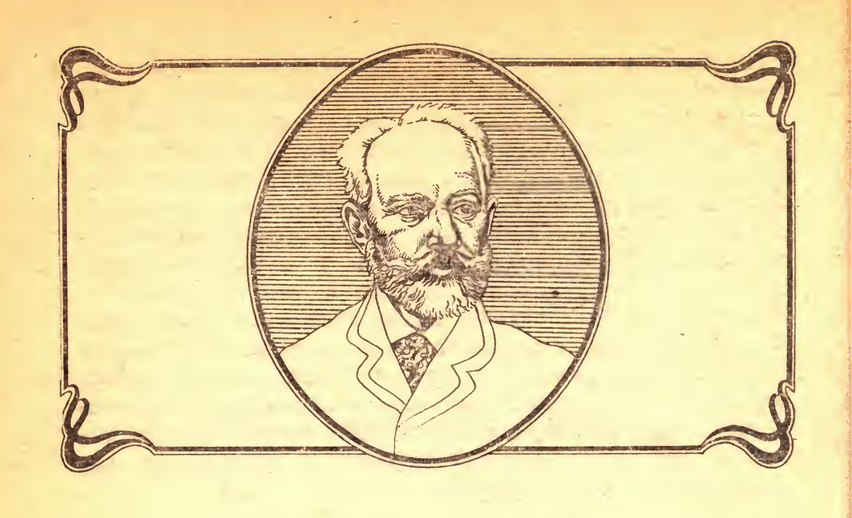
опасностью). Я довольствуюсь малым, ничего не ищу, не желаю, кроме спокойствия; я любим, уважаем народом, воры и те меня обходят; я имею полную sécurité, но только не от законов».

Под влиянием размышлений на тему, «заданную» бездушными истуканами из юридического ведомства, у писателя родился замысел написать статью, которую он собирался озаглавить «Новый суд в его приложении». Статья не была завершена, но сохранились наброски к ней. Поначалу Л. Н. Толстой делает следующее горькое признание: «Я убедился, что для России надо совершенно перевернуть то положение, которому нас учили в университете, именно, что цель закона и суда есть безопасность граждан». Здесь же писатель приводит два случая из судебной практики, поразившие его нелепостью приговоров, и показывает, что он меньше всего разделяет широко распространенные в то время иллюзии относительно возможностей суда присяжных вершить подлинное правосудие. Через много лет, писал Л. Н. Толстой, люди «будут удивляться, как могли не понимать глупость учреждения присяжных...».

Интересно высказывание писателя по такому сугубо специальному юридическому вопросу, как применение нормы закона, предусматривающей, что арестованному должно быть не позднее чем через семь дней предъявлено обвинение. «Уклонение, всеми принятое,— писал Л. Н. Толстой,— взошедшее в обычай, от семидневного срока есть не уклонение, а уничтожение закона. Вора следует, может быть, наказать одним годом тюрьмы, а он уже просидел три».

Наряду с беспощадной и очень убедительной критикой буржуазно-дворянской политической системы и юстиции того времени в государственно-правовых взглядах Л. Н. Толстого проявились и некоторые слабые стороны его мировоззрения, общественно-политической позиции. Он не смог найти верных путей решения волновавших его проблем, не видел тех реальных сил, которые были бы в состоянии коренным образом преобразовать социальную жизнь. Толстой — «горячий протестант, страстный обличитель, великий критик»,— писал В. И. Ленин,— обнаружил «непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 21). Взгляды Л. Н. Толстого на государство и пра-

во не были в этом отношении исключением. В данной области, как и в других, он видел панацею от всех бед в торжестве его утопического, объективно реакционного учения о непротивлении злу насилием. Толстовское отречение от политики, будь оно принято теми, к кому писатель обращался со своими проповедями, могло сослужить плохую службу народу. Но история распорядилась иначе. Трудящиеся массы в результате революционной политической борьбы с тем, против чего восставал Л. Н. Толстой, стали хозяевами своей судьбы. И само время показало несбыточность толстовских утопий, опровергло Толстого — «христианского проповедника». А наследие гениального художника осталось в веках, оно активно служит людям, неизменно доставляя им огромную радость общения с прекрасным, дарует истину, добро, красоту.

БУДЬ ВРАГОМ ТЫ ВСЯКОЙ ЛЖИ

Образ П. И. Чайковского, наши привычные представления о личности вдохновенного создателя «Лебединого озера» и «Евгения Онегина», «Щелкунчика» и «Пиковой дамы», «Спящей красавицы», Пятой, Шестой симфоний, пожалуй, менее всего ассоциируются с профессией правоведа, ролью стража законов. Но факты есть факты.

Сын директора горных заводов, П. И. Чайковский (1840—1893) в десятилетнем возрасте поступает в приготовительные классы Петербургского училища правоведения. В 1852 году он переходит в седьмой (младший) класс училища. Порядки в училище в это время стали гораздо строже, чем тогда, когда там учился В. Стасов. Прежде всего сказывалось общее ухудшение общественно-политического климата в стране, усиление реакции, которыми откликнулся царизм на французскую революцию 1848 года. Но имелись и особые причины ожесточения режима в учебном заведении, готовившем чиновников для различных юридических ведомств государства. Были замечены в вольнодумстве некоторые воспитанники училища, а один из них даже привлечен к судебной ответственности по делу кружка Петрашевского. Директором училища стал генерал-майор Языков, служивший до этого полицмейстером

Риги. Брат П. И. Чайковского — Модест Ильич — в книге «Жизнь Петра Ильича Чайковского» писал об этом «наставнике» правоведов, что «с юриспруденцией он ничего общего не имел... в его отношениях с вверенным ему юношеством кроме неумолимой строгости была еще одна черта: постоянное стремление тревожить воображение воспитанников своей особой, поэтому свирепость палача... сменялась совершенно неожиданно чувствительной слезливостью старой девы... Задачу свою он исполнил в своем роде «блистательно» введением строгостей солдатской выправки и другого значения в воспитании будущих судей и прокуроров не имел. Ближайшим помощником Языкова по вопросам воспитания назначили полковника артиллерии Рутенберга, специалиста по... верховой езде». Эти «педагоги» усердно насаждали в училище казарменный дух и солдатскую муштру. Воспитанников по утрам поднимали барабанным боем, строевые занятия занимали все больше учебного времени, свист розг и вопли провинившихся все чаще и чаще слышались в стенах училища. Но, как ни старались бывшие полицейские и кавалеристы превратить учебное заведение не то в казарму, не то в строевой плац, сделать это до конца им все же не удавалось. И прежде всего потому, что брали свое возраст воспитанников, энергия и жизнерадостность, непосредственность и оптимизм юности. В младших классах училища будущие правоведы скрашивали свою полуказарменную жизнь игрой в лапту, пятнашки и прочими чисто детскими забавами. Старшеклассники по-прежнему много читали, даже выпускали рукописный журнал «Училищный вестник». Вместе со своими друзьями А. Апухтиным (будущим поэтом), В. Герардом (будущим известным адвокатом) в нем сотрудничал и П. Чайковский. Так, он поместил в вестнике статью под заглавием «История литературы нашего класса». Находилось время и для занятий музыкой.

Учился П. Чайковский без особого интереса, но в целом успешно. «Выручали» хорошие способности, а также прирожденные добросовестность и старательность. В общении со сверстниками Петр Чайковский выделялся добротой, мягкостью, доверчивостью, отзывчивостью, какой-то особой, только ему свойственной деликатностью.

В училище, где было сильно развито чувство товарищества, эти качества ценились высоко, и «Чаинька» (так звали П. Чайковского его соученики) был всеобщим любимцем, пользовался неизменной симпатией сверстников. Многое значила и музыкальная одаренность П. Чайковского, которая проявилась уже в стенах училища. Правда, никто, за исключением разве что А. Апухтина, не прочил П. Чайковскому выдающихся успехов на музыкальном поприще.

В последних трех классах училища, соответствовавших университетскому курсу, П. Чайковский изучал энциклопедию права, римское, государственное, уголовное, гражданское, финансовое и церковное право, уголовный и гражданский процесс, судебную медицину, гражданскую и уголовную практику и другие правовые дисциплины.

В мае 1859 года он завершает свое юридическое образование «по первому разряду» и в чине титулярного советника назначается в Департамент министерства юстиции. Служил он в «столе прошений». В его обязанности входило составление докладов, проектов решений и резолюций по поступавшим в Департамент делам, жалобам. В архивах сохранились дела, в подготовке и разрешении которых непосредственно участвовал П. И. Чайковский. Одно из них называется «Дело крестьянина Никанора Галкина, отыскивающего свободу из владения помещицы Лебединской». Как видно из прошения, у крестьянина Галкина были веские основания жаловаться на свою судьбу. Он писал: «Нахожусь в полном повиновении у госпожи Лебединской и родных братьев Алексея и Андрея Росляковых, которые часто и совершенно напрасно бьют меня оплеухами и наказывают розгами, а более сама госпожа Лебединская неоднократно по голому телу по сто и более ударов и неизвестно за что именно и по какому уважению и документам поручила нас распоряжаться брату ее Рослякову, который сам собой призвал к себе меня в квартиру Золотовского и там приказал сечь меня розгами и дал таковых мне двести ударов, но за что именно сам не знаю».

Деловые бумаги, составленные правоведом П. И. Чайковским, обращают на себя внимание точностью, логической ясностью, обстоятельностью. Исследователи жизни и творчества П. И. Чайковского отме-

чают, что к исполнению служебных обязанностей в Департаменте он относился с большой серьезностью и чувством ответственности, не раз проявлял свою глубокую честность, сочувствие к людскому горю и нетерпимость к произволу.

Некоторые авторы высказывают мнение, что годы службы были для П. И. Чайковского чуть ли не потерянными, бесцельно прожитыми годами, мучительной фазой жизни. По-видимому, для такого вывода нет достаточных оснований.

Музыкальное творчество трудно подвергнуть строгому логическому анализу, выразить его в однозначных понятиях, и нелегко, в частности, проследить за тем, как отразились в музыкальных произведениях жизненные взгляды, убеждения композитора, его представление о сущем и должном. И тем не менее есть факты, которые указывают на то, что правовое образование Петра Ильича Чайковского, его юридическая практика оказали, если не прямо, то косвенно, определенное влияние на творческий путь композитора, особенно в его начале. Одним из первых крупных произведений П. И. Чайковского была симфоническая увертюра «Гроза». И можно с уверенностью сказать, что «темное царство» композитор знал не только по одноименной драме А. Н. Островского. Оно было ему хорошо знакомо и по делам министерства юстиции, где Петр Ильич работал более трех лет.

Сцены из жизни крепостного права, о которых повествовали министерские бумаги, одна за другой проходили перед взором молодого юриста. И, конечно, они не могли не оставить следа в его чутком, восприимчивом к человеческим страданиям сердце. П. И. Чайковский по натуре своей не мог равнодушно внимать добру и злу, быть сторонним наблюдателем там, где речь шла о судьбах людей, их горестях и несчастьях. Одно из самых грандиозных произведений П. И. Чайковского, вершину его симфонического творчества — Шестую симфонию Б. В. Асафьев назвал «трагическим документом эпохи». И можно предполагать, что в этом «документе» получили музыкальное выражение не только скорбные размышления зрелого композитора, но и весь его жизненный опыт, включая впечатления молодости, как бы спрессованные, но отнюдь не отброшенные ходом времени.

Сам П. И. Чайковский говорил: «Жизнь имеет только тогда прелесть, когда состоит из чередования радостей и горя, из борьбы добра со злом, из света и тени, словом, из разноообразия в единстве...»

Вполне обосновано мнение тех исследователей жизненного пути и творчества композитора, которые считают, что служба в юридическом ведомстве, необходимость изучения сотен разнообразных прошений крестьян, дворян, купцов, чиновников, людей различных классов из всех уголков России явились своеобразной жизненной школой для молодого Чайковского, помогли ему увидеть бесправную нищую страну, осознать всю глубину трагедии ее народа. Это в свою очередь способствовало гражданскому самовоспитанию композитора, в творчестве которого одной из ведущих тем стало утверждение права человека на счастье и свободу.

Вместе с тем остается несомненным то, что карьера правоведа не соответствовала творческим устремлениям П. И. Чайковского, настрою его души, жизненным планам. Его все больше и больше влекла музыка. Осенью 1862 года он поступает в только что открывшуюся Петербургскую консерваторию.

Смена профессий произошла не безболезненно. Брат композитора — Ипполит Ильич в своих воспоминаниях сообщает, что когда Петр Ильич объявил о своем решении оставить службу в министерстве юстиции и посвятить себя музыке, то «надо было видеть печаль отца. В то время на музыкальных артистов смотрели как на комедиантов, и... отец долго не мог с этим помириться».

Еще более непримиримой была позиция дяди будущего композитора, человека своеобразного, не без причуд. «А Петя-то, Петя! Какой срам! Юриспруденцию на гудок променял!» — так откликнулся Петр Петрович на поступление племянника в консерваторию.

После того как П. И. Чайковский целиком посвятил себя музыке, ему еще не раз доводилось сталкиваться с правовыми вопросами и в повседневной жизни, и даже в творческой практике. Происходило это по разным поводам, порой самым неожиданным. Вот некоторые эпизоды из жизни композитора. В январе 1870 года в Московской консерватории, где преподавал П. И. Чайковский, произошел такой инцидент. Директор консерватории Н. Г. Рубинштейн вынужден был крикнуть: «Ступайте вон!» — одной ученице, которая вполне

этого заслуживала. История получила огласку, обиженная подала на Н. Г. Рубинштейна в суд. Мировой судья его оправдал, но мировой съезд приговорил к штрафу в сумме двадцати пяти рублей. Дело, само по себе не такое уже значительное, неожиданно приняло довольно серьезный оборот. В письме к брату П. И. Чайковский сообщал, что адвокат Н. Г. Рубинштейна собирается обжаловать решение мирового съезда и что если не воспоследует кассация этого решения, то Рубинштейн, а с ним и почти все профессора, в том числе и он (Чайковский), оставят консерваторию. К счастью, этого не произошло.

В мае 1878 года П. И. Чайковский написал музыку на духовный текст — Литургию святого Иоанна Златоуста. Придворная капелла, считавшая, что она обладает монополией на сочинение такого рода музыки, увидела в этом угрозу своим интересам. Директор капеллы Бахметьев возбудил судебное дело против издателя П. И. Юргенсона, который вел личные и авторские дела композитора, печатал его произведения. Весь тираж «противозаконного» сочинения П. И. Чайковского был конфискован. П. И. Юргенсон предъявил встречный иск, поручив защиту интересов композитора и издателя Д. В. Стасову. П. И. Чайковский, находившийся в отъезде, пишет в связи с этим П. И. Юргенсону: «...я почти уверен, что на нашей улице праздник будет». И действительно, претензии придворной капеллы с юридической точки зрения оказались несостоятельными. Опытный адвокат Д. В. Стасов тщательно разобрался в деле, изучил множество правовых актов, касающихся существа спора. П. И. Юргенсон сообщает П. И. Чайковскому, что, по мнению адвоката, «ни в каких законах, древних и новых, даже ни в указе 1816-го года, который цитируется Бахметьевым, нет следа о власти директора капеллы налагать veto или разрешать церковную музыку к печати. Стасов, впрочем, допускает, что есть указ или закон неопубликованный, и тогда Бахметьев прав. Сомнительно! Почему бы тогда Бахметьеву скрывать этот закон? Почему он цитирует Указ 1816 года в искаженном виде?»

Монопольное право, на которое претендовала капелла, так и не нашло законного подтверждения. Не последовало и «высочайшего повеления», которое, по опасениям осторожного адвоката, могло бы «откоррек-

тировать» законодательство в угоду интересам придворной капеллы. Таким образом, Д. В. Стасов выиграл этот нелегкий процесс. Он добился решения суда в пользу издателя произведений П. И. Чайковского. В июле 1879 года в газетах появилось такое объявление: «Вновь поступила в продажу конфискованная его превосходительством господином директором императорской капеллы Бахметьевым Литургия Иоанна Златоуста, переложенная на музыку П. Чайковским».

На протяжении всей своей творческой жизни П. И. Чайковский поддерживал тесные связи с alma mater и многими людьми, получившими образование в училище правоведения.

Училище стало своего рода семейным учебным заведением для Чайковских. Вслед за Петром Ильичом его окончили младшие братья Модест Ильич и Анатолий Ильич. Модест Ильич первое время служил следователем в Симбирске, а потом занимался литературным трудом. Он многое сделал для сбережения творческого наследия композитора, был одним из организаторов Дома-музея П. И. Чайковского в Клину.

Анатолий Ильич после окончания училища служил в министерстве юстиции, был товарищем прокурора, занимал крупные административные посты: был вице-губернатором Тифлиса, Ревеля, Нижнего Новгорода, затем стал сенатором. Большой любитель и знаток музыки, он сам хорошо играл на скрипке. В доме Анатолия Ильича собиралось интересное общество, в частности бывали В. В. Стасов, А. Ф. Кони.

Интерес к профессии правоведа проявляли (и, конечно, не случайно) также представители следующего поколения Чайковских: в 80-е годы в училище правоведения получили юридическое образование два племянника Петра Ильича Чайковского.

Долгая дружба и творческое содружество связывали П. И. Чайковского с выпускником училища А. Н. Апухтиным, на стихи которого композитор написал несколько романсов: «Ночи безумные», «День ли царит», «Забыть так скоро», «Ни отзвука, ни слова, ни привета» и другие. Долгой и сердечной была дружба П. И. Чайковского с товарищем по училищу В. Н. Герардом, который особенно прославился участием в громких политических процессах.

Став профессиональным музыкантом, получив широкое признание как композитор, П. И. Чайковский не порывал связей и с самим училищем правоведения. Так же как и во время учебы В. В. Стасова, музыка была в большом почете в этом учебном заведении. Там часто выступали известные музыканты, многие воспитанники увлекались хоровым пением, фортепьянной музыкой, играли в училищном оркестре. В феврале 1892 года П. И. Чайковский дирижировал в училище оркестром правоведов, исполнявшим его «Песню без слов» и вальс из «Спящей красавицы».

Композитор вместе с другими выпускниками училища правоведения принял активное участие в праздновании пятидесятилетия этого учебного заведения, которое отмечалось в 1885 году. Незадолго до юбилейных торжеств он сообщал в письме Н. Ф. фон Мекк, что написал для училищного юбилея не кантату, а просто хор, который на празднике должны петь воспитанники. Текст для этого хора пришлось также писать самому композитору. Вот с какими словами обратился П. И. Чайковский к будущим правоведам:

«Будь врагом ты всякой лжи,
И, стремясь ко благу смело,
Помни школьных дней завет,
Что стоять за правды дело,
Твердо должен правовед».

Конечно, в условиях царской России практически трудно было следовать этому благородному призыву. Но приведенные строки раскрывают существенные стороны мировоззрения Петра Ильича Чайковского, оказавшие заметное влияние на его творчество: гуманизм, стремление к правде, справедливости.

Кроме «Правоведческой песни» для смешанного хора, Петр Ильич написал в ноябре 1885 года «Правоведческий марш» для большого симфонического оркестра.

Связи П. И. Чайковского с училищем продолжались до конца его жизни. И очень символично, что, когда великий композитор скончался, одна из первых панихид, посвященных его памяти, была устроена по инициативе училища правоведения, а за гробом П. И. Чайковского первыми шли воспитанники этого учебного заведения.

ПЛОДЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ИЗУЧЕНИЙ

В. Д. Поленов (1844—1927) вошел в историю искусства как замечательный представитель русской реалистической школы живописи, сложившейся во второй половине XIX века. Он создал немало картин на исторические и морально-религиозные темы, был своеобразным мастером бытового жанра, интересным театральным художником, педагогом. Но особенно прославился В. Д. Поленов своими пейзажами, в которых выступил вдохновенным певцом родной природы. Истинная жемчужина — его небольшое полотно «Московский дворик» — занимает достойное место среди шедевров русской живописи, представленных в Третьяковской галерее. Картина проникнута тонким лиризмом, большой поэтичностью и задушевностью, высоким мастерством. Широко известны также «Заросший пруд», «Старая мельница», «Бабушкин сад» и другие пейзажи В. Д. Поленова.

Наиболее типичной фигурой среди русских художников второй половины XIX века являлся разночинец, выходец из средних или даже беднейших слоев населения. Этим людям был крайне затруднен, а то и вовсе закрыт доступ к «классическому» образованию (Академия художеств, художественные училища того времени ограничивали свои задачи главным образом

узкопрофессиональной подготовкой своих питомцев). В. Д. Поленов же принадлежал к числу немногих художников, которых в то время было принято называть «универсантами». Его отличала исключительно высокая образованность, разносторонние познания, большая общая культура. Отец художника — крупный ученый-археолог — дал своим детям блестящее образование. Интерес к изобразительному искусству, пробудившийся еще в детстве, привел В. Поленова в 1863 году, после окончания гимназии, в Академию художеств. Одновременно он поступает на юридический факультет Петербургского университета. Вспоминая об учебе В. Поленова в Академии, где будущий художник выделялся своими способностями, И. Е. Репин писал впоследствии: «Кроме того он еще был студентом по юридическому факультету в университете и не прекращал своих занятий там. Писал диссертации (!) и сдавал экзамены». Оба учебных заведения В. Д. Поленов успешно закончил: университет — со званием кандидата прав, Академию — с золотой медалью, дававшей право на заграничную «пенсионерскую» командировку.

Юридической практикой В. Д. Поленову заниматься не довелось. Однако учеба на факультете не пропала даром. Университетские занятия, несомненно, оказали влияние на формирование общественно-политических взглядов В. Д. Поленова, его гражданской позиции, на становление цельного мировоззрения художника. Примечательно следующее высказывание самого В. Д. Поленова, записанное его сыном: «Вот моя духовная родина, лучшее место на планете — Академия художеств и рядом с ней университет: два места, где я приобрел все мои знания».

Интерес к правоведению, к юридической деятельности сохранился у В. Д. Поленова и после того, как он окончательно выбрал путь профессионального художника. Во время заграничной командировки он вместе с И. Е. Репиным посетил Лондон. В письме к родным Василий Дмитриевич делится впечатлениями «о настоящих диковинках Лондона, которых иностранцы обыкновенно не видят». Вот его интересные, профессионально точные наблюдения, сдобренные изрядной дозой иронии: художник сообщает, что он и И. Е. Репин «были в судах разных категорий, с судьями в лиловых, черных, красных и синих мантиях, в париках — серых,

белых, длинных, коротких, с присяжными и без оных, с адвокатами о двух кисточках на парике и об одной... Оттуда отправились в Сити... Этот самый Сити есть государство в государстве, он имеет свои права, свою администрацию, свою полицию. Верховная власть принадлежит лорд-мэру, который вовсе не лорд, а просто сапожник или портной, но становится лордом, когда сидит на мэрском кресле Сити... Если королева нечаянно попадет в Сити, то сейчас запирают ворота, и она считается в плену, пока лорд-мэр не поднесет ей ключи. Он разбирает дела Сити без присяжных и без парика».

Одной из первых работ В. Д. Поленова на историко-бытовые темы была картина «Право господина» (1874 г.). Сам художник замысел этой работы связывал с путешествием по Германии, где ему довелось видеть много феодальных замков, познакомиться с крестьянским бытом. «Мне, было, представились,— писал В. Д. Поленов в своих воспоминаниях,— взаимные отношения баронов с вассалами, и я задумал написать картину, взяв за фабулу одно из феодальных прав барона, а именно право, по которому всякая девушка перед вступлением ее в замужество принадлежала барону. Право это называлось jus primae noctis (закон первой ночи)». Художник правдиво и ярко, используя убедительные художественные средства и массу выразительных деталей, раскрывает бесчеловечную сущность одного из гнуснейших институтов средневекового права. Самодовольный, не первой молодости барон в сопровождении породистых охотничьих псов деловито рассматривает приведенных к нему под вечер невест, еще совсем юных девушек. На лице у одной смиренная покорность, у другой — почти детское любопытство, третья выглядит довольно равнодушной. И. Е. Репин прямо указывал, что эта картина В. Д. Поленова «есть плод его юридических изучений». Полотно было приобретено П. М. Третьяковым и в настоящее время находится в Третьяковской галерее.

В известном смысле на юридическую тему выполнена В. Д. Поленовым во время заграничной командировки и другая его картина — «Арест гугенотки», за которую он был удостоен звания академика живописи. Сюжетом для нее послужил рассказ об аресте графини д'Этремон, жены адмирала Колиньи, которая во время

религиозных войн во Франции бежала от преследований католиков в свой савойский замок, но была схвачена и по указанию герцога Гиза брошена в тюрьму, где содержалась двадцать шесть лет, до конца своей жизни.

В творческие замыслы В. Д. Поленова входило написать картину из русской истории под названием «Пострижение негодной царевны». По свидетельству дочери художника — Е. В. Сахаровой, эта мысль была навеяна художнику изучением допетровских законов на юридическом факультете. К сожалению, задуманная картина написана не была. Были сделаны к ней лишь превосходные этюды московских соборов и монастырей, которые хранятся в Третьяковской галерее.

С интересующей нас темой перекликается и известная картина В. Д. Поленова «Христос и грешница» (1887 г., Русский музей в Ленинграде). Над этим полотном художник трудился много лет. Он тщательно изучал книги ученых, посвященные эпохе зарождения христианства, материалы археологических экспедиций, касающиеся этого времени. В. Д. Поленов совершил специальную поездку по странам Ближнего Востока, где сделал множество этюдов, в которых запечатлел характерные этнографические типы и особенности внешнего облика населения, костюмов, местности, где, по преданию, происходили события, отраженные в картине.

Сюжетом для нее послужило евангельское сказание о том, как Христос спас от жестокого наказания женщину, обвинявшуюся в прелюбодеянии.

...Разъяренная толпа влечет на суд к Христу блудницу. Молодая красивая женщина упирается, она вся в ужасе, ибо «закон Моисеев» не дает ей никаких шансов на спасение. Этот закон не допускает различных мнений при оценке «преступления». Все происходящее абсолютно ясно и с фактической, и с юридической стороны, на все вопросы семичленной формулы (что совершено, кем, и т. д.) есть исчерпывающие ответы. Осталось лишь выполнить формальности. Писатель В. Г. Короленко, который дал чрезвычайно интересную интерпретацию картины В. Д. Поленова в сравнении с работой В. И. Сурикова «Боярыня Морозова», говорил: «Моисей сказал, что блудницу надо побить камнями. На этом воспитывались поколения и воспитываются новые. Между фактом преступления и формулой закона

никогда не становилась критика. Поэтому слепая и неумолимая вражда вспыхивает со всей силой непосредственности, и даже в руки детей она вложила камни, а в глаза огоньки зверства».

И в тот момент, когда страсти достигли апогея, сын плотника (которым был, по преданию, Христос), посягнувший на старую веру, включая «закон Моисеев», произносит свои знаменитые слова: «Кто из вас без греха, пусть первый бросит в нее камень». Суд, а точнее, расправа не состоялась.

В мрачные годы реакции восьмидесятых годов гуманная идея картины прозвучала с особым смыслом и силой. Этическое содержание работы, защищавшей жертву ханжеской, фарисейской морали, не совпадало с официальными взглядами. И не случайно по требованию царской цензуры художник был вынужден отказаться от первоначального названия картины — «Кто без греха?», которое подчеркивало, что эта работа является отнюдь не простой иллюстрацией евангельского текста.

В. Д. Поленов постоянно стремился к тому, чтобы сделать искусство доступным народу, много занимался просветительской деятельностью. Хотя художник более известен как пейзажист, необходимо отметить, что социальные мотивы занимали в его творчестве видное место. А как гражданин и общественный деятель он был человеком передовых взглядов, неизменно проявлял большой интерес к общественно-политическим вопросам, актуальным событиям своего времени. Так, после «кровавого воскресенья» — 9 января 1905 года — В. Д. Поленов и В. А. Серов направили в Академию художеств письмо, в котором протестовали против этого преступления царизма, обвиняли в причастности к нему члена императорской фамилии великого князя Владимира, президента Академии, который «по совместительству» командовал войсками, стрелявшими в демонстрантов. «Мы, художники,— писали В. Д. Поленов и В. А. Серов,— глубоко скорбим, что лицо, имеющее высшее руководительство над этими войсками, пролившими братскую кровь, в то же время стоит во главе Академии художеств, назначение которой — вносить в жизнь идеи гуманности и высших идеалов». Вице-президент Академии побоялся дать ход этому письму и не огласил его на собрании академиков. Воз-

мущенный этим В. А. Серов высказался за отказ от звания академика (что впоследствии и сделал). Но В. Д. Поленов считал иначе. «Я бы с большим удовольствием вышел из теперешней Академии,— писал он,— но мне кажется, что наш гражданский долг теперь не позволяет нам уходить, надо стоять твердо, а если придется, так и нести последствия... Мы, наверное, доживем до лучших дней! А уйти теперь, выйдет, мне кажется, что-то вроде бегства...»

Заставляет вспомнить о юридическом образовании В. Д. Поленова один интересный эпизод его жизни, связанный с судьбой известного мецената и коллекционера произведений искусства, владельца частной оперы Саввы Ивановича Мамонтова. В. Д. Поленов принадлежал к Мамонтовскому кружку художников и любителей искусства, собиравшихся в подмосковной усадьбе С. И. Мамонтова Абрамцеве. В него входили И. Е. Репин, В. М. и А. М. Васнецовы, И. И. Левитан, М. М. Антокольский, В. А. Серов, М. А. Врубель, К. А. Коровин, М. В. Нестеров и другие. С. И. Мамонтов — человек очень одаренный, страстно увлеченный искусством, немало сделал для русской культуры. Он принимал деятельное участие в осуществлении творческих планов многих деятелей искусства, всячески оказывал им помощь, материально поддерживал нуждающихся. Будучи крупным промышленником, С. И. Мамонтов совершил противозаконную финансовую операцию — сделал превышающий установленные лимиты заем денег из кассы Ярославской железной дороги, рассчитывая покрыть его поступлением средств с одной из строек. Ему покровительствовал министр финансов Витте, против которого вел крупную интригу министр юстиции Муравьев. Министр юстиции решил воспользоваться незаконной сделкой Мамонтова для того, чтобы подтвердить ходившие слухи о взяточничестве в министерстве финансов и тем самым опорочить Витте. Против Мамонтова возбудили уголовное дело, он был арестован. Растрата денег из кассы дороги была обнаружена. Кредиторы стали требовать продажи дома Мамонтова на Спасско-Садовой улице Москвы со всеми находившимися там художественными ценностями. Многие видные деятели искусства встали на защиту Мамонтова. Особенно большую активность проявил в этом деле В. Д. Поленов. Он посещает прокурора, надзиравшего

за следствием, добивается свидания с арестованным Мамонтовым, обстоятельно мотивируя свою просьбу, ходатайствует об изменении ему меры пресечения. Обвиняемый был освобожден под домашний арест. В. Д. Поленов внимательно следил за ходом следствия и в одном из писем дал ему такую характеристику: «Обвинение, т. е. прокуратура и следственная власть, оказались на очень низком нравственном уровне; представители ее оказались корыстными: они вели себя грубо, пристрастно, несправедливо и даже жестоко; они обходили сильных и обрушивались на слабых...» Здесь же художник упоминает о «возмутительном по своему пристрастию» приговоре над Дрейфусом. Судя по всему, В. Д. Поленову была известна истинная подоплека дела С. И. Мамонтова. В том же письме, сообщая об оправдании С. И. Мамонтова, в действиях которого суд не установил корысти, В. Д. Поленов отмечает, что «до сути дела не добрались, и, кажется, умышленно, т. к. тут пришлось бы раскрыть такие стороны, которые в России должны быть тщательно закрыты и о которых говорить и судить не дозволено. По мнению многих, настоящая истина осталась совершенно в стороне... Суть дела гораздо шире и грандиознее, чем она появилась в обвинении».

После Великой Октябрьской социалистической революции В. Д. Поленов верно служил своему народу. Поздравляя художника с восьмидесятилетием, А. В. Луначарский писал: «Имя Василия Дмитриевича Поленова дорого новой России не только как имя одного из крупнейших представителей русской художественной культуры, но и как имя человека, весьма рано поставившего перед собой задачи распространения этой культуры в широких массах и разрешавшего их с блеском...»

В 1927 году В. Д. Поленов был удостоен высокого звания Народного художника республики.

АДВОКАТ — СУДЕБНЫЙ РЕПОРТЕР — ПИСАТЕЛЬ

Жизненный и творческий путь Л. Н. Андреева (1871—1919) был полон противоречий. Талантливый литератор и незадачливый философ, гуманист и мистик, автор высокохудожественных произведений, написанных в духе критического реализма, и декаденствующий литератор, безуспешно бьющийся над разгадкой тайны смерти и «проклятыми» вопросами бытия, писатель, озабоченный острыми проблемами социальной жизни, гневно протестующий против угнетения народа, и эстетствующий чудак, отрешенный от действительности,— таков был Леонид Андреев.

Л. Н. Андреев пережил взлеты и падения, познал шумную славу и горечь разочарований, хаживал во «властителях дум» чуть ли не целого поколения и предавался забвению.

И все же за Л. Н. Андреевым осталось одно из видных мест в истории русской литературы предреволюционной поры. И это не случайно. Не следует, в частности, забывать, что литературный талант Л. Н. Андреева высоко ценился А. М. Горьким, был признан Л. Н. Толстым, А. П. Чеховым, В. Г. Короленко, В. В. Вересаевым. В 1956 году в издательстве

«Художественная литература» вышли «Повести и рассказы» Л. Н. Андреева. Как сказано во вступительной статье к этому сборнику, «судьба писателя, реакционный характер его писаний последних лет жизни не могут заслонить от нас положительного значения ряда его произведений. Крупный талант Андреева, богатство его творческой фантазии, своеобразное отражение в его произведениях сложнейшего периода исторической жизни России дают ему право на внимание советского читателя». Соглашаясь с этой оценкой, хотелось бы подчеркнуть, что в большинстве произведений Л. Н. Андреева на тему правосудия и законности, преступления и наказания проявились как раз сильные стороны его творчества. Такие рассказы Л. Н. Андреева из судебной жизни, как «Первый гонорар», «Христиане», были написаны в ту пору, когда он дружил с А. М. Горьким, был близок к передовой литературе и в его творчестве преобладал реалистический подход к изображению жизни.

Интерес к юридическим темам проявился у Л. Н. Андреева не случайно: по профессии он был правоведом.

В 1891 году Леонид Андреев, сын землемера, заканчивает гимназию и поступает на юридический факультет Петербургского университета, в 1893 году переходит на этот же факультет в Московский университет. Годы учебы были нелегкими в его жизни. Семья Л. Андреева испытывала сильную нужду. В архивах сохранилось следующее прошение студента Л. Андреева, адресованное инспектору Московского университета: «Не имея никаких средств, имею честь покорнейше просить... ходатайствовать перед Советом университета об освобождении меня от платы за право учения в осеннем полугодии текущего 1893 года». К прошению приложено «свидетельство о бедности», выданное орловским полицейским управлением.

Успехи Л. Андреева в учебе были более чем скромные. В занятиях он делал большой перерыв и закончил университет только в 1897 году. Его знания получили невысокие оценки: по римскому, гражданскому праву, гражданскому процессу — «удовлетворительно», по полицейскому праву, уголовному процессу — «весьма удовлетворительно» и т. д.

С дипломом второй степени, который давал звание не кандидата прав, как это бывало с большинством вы-

пускников юридического факультета, а лишь «действительного студента», Л. Н. Андреев выбирает «свободную» профессию — становится помощником присяжного поверенного.

Уже став писателем, Л. Н. Андреев говорил о себе: «Практики юридической мне за недосугом приобрести не удалось». Здесь есть некоторое отступление от истины: как и во многих других случаях, Л. Н. Андреев несколько сгустил краски, придав своей мысли гротескный характер, что было так свойственно его натуре. В действительности он имел юридическую практику, вел как уголовные, так и гражданские дела, причем не без успеха. Так, один из его подзащитных — Барынин, обвинявшийся в убийстве из ревности, был оправдан, и в этом, несомненно, заслуга молодого адвоката. Л. Н. Андреев искусно построил защиту, дал развернутый психологический анализ действий подсудимого, мотивов его поведения и доказал, что у Барынина, который в состоянии запальчивости, сильного душевного волнения нанес потерпевшему два удара складным ножом, не было умысла на убийство.

С адвокатской практикой Л. Н. Андреева была непосредственно связана его журналистская работа. Попытки Л. Н. Андреева заняться литературным трудом относятся еще к студенческим годам, однако его рассказы, опубликованные тогда в «Орловском вестнике», остались незамеченными. Первая же серьезная «проба пера» состоялась на страницах московских газет, где Л. Н. Андреев, будучи адвокатом, выступил в роли судебного репортера.

Вот пример из журналистской практики Л. Н. Андреева. Судебный репортаж под названием «Хозяин и работник». Всего полторы книжных странички. Суть дела, о котором писал судебный репортер Л. Андреев, такова. Владелец столярной мастерской Пальмбах обсчитывал рабочих. Один из них — Игнатьев — потребовал с хозяина два рубля, недополученные им ранее. Возникла ссора. Пальмбах тисками ударил Игнатьева, отчего тот через несколько дней скончался. Суд признал Пальмбаха «виновным, но заслуживающим снисхождения» и приговорил его к заключению в исправительно-арестантское отделение на полтора года.

Л. Н. Андреев излагает обстоятельства дела в привычной манере газетного репортажа: лаконично, даже

суховато. Но за этим бесстрастным хроникерством, обыденным повествованием о рядовом судебном процессе нетрудно заметить напряженную мысль автора, его раздумья над серьезными проблемами социальной действительности того времени. Они и в названии репортажа, и в как бы ненароком брошенной фразе: «Хозяин был, как хозяин, рабочие как рабочие». И в том, что читателю сообщается такой факт: отец Игнатьева получил от Пальмбаха «за смерть сына 950 рублей, из коих 455 отдал жене и ребенку покойного, а остальные взял на нужды своей семьи». Явно выходят за рамки изложения конкретного случая из судебной практики и весьма убедительно звучат такие слова автора репортажа: «Кто хочет узнать неприглядные стороны нашей жизни, обыкновенно прикрываемые фиговым листком внешней культурности, пусть идет в суд».

Судебные очерки Л. Н. Андреева в газете «Курьер» обратили на себя внимание. В них уже проявилось несомненное дарование автора. О «судебных драмах» Л. Н. Андреев повествовал не только сухим, «телеграфным» языком, свойственным большинству его коллег — репортеров, но и хорошим литературным слогом. Он создавал яркие, запоминающиеся картины судебной жизни, много уделял внимания тому, на что зачастую не обращалось внимания: психологии подсудимых, свидетелей, исследованию мотивов их поведения.

Редакция «Курьера» высоко ценила своего сотрудника, поручая ему ответственные репортажи. Так, Л. Н. Андреев по заданию редакции дважды выезжал в Полтаву для освещения нашумевшего дела братьев Скитских, обвинявшихся в убийстве чиновника консистории Комарова. Это судебное дело получило большой общественный резонанс. К нему, в частности, проявили живой интерес Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко. Оно дало повод для серьезных раздумий и сомнений о провозглашавшемся «совершенстве» суда присяжных, его способности устанавливать истину, для основательной критики существующих судебных порядков, действий судебно-следственной власти. Процесс, длившийся с 1897 по 1900 год, завершился оправданием подсудимых, которые уже около трех лет содержались под стражей.

С «Курьером», где Л. Н. Андреев печатал свои судебные очерки, связан и его настоящий литературный

дебют. В 1898 году здесь был опубликован рассказ «Баргамот и Гараська», о котором одобрительно отозвался А. М. Горький и с которого, в сущности, начал свой писательский путь Л. Н. Андреев.

Творчество Л. Н. Андреева глубоко автобиографично, в нем немало страниц, обязанных своим рождением студенческой жизни писателя, его юридической практике, в целом удачно совмещавшейся с работой судебного репортера.

Большой социальной остротой и обличительной силой отмечен рассказ Л. Н. Андреева «Первый гонорар», в котором писатель в яркой художественной форме осмыслил свой житейский и профессиональный опыт, несомненно использовав наблюдения, полученные им в процессе адвокатской практики и работы в качестве судебного репортера.

Герой рассказа, молодой адвокат Толпенников, выиграл свой первый процесс. Он шел на него с высокими помыслами и стремлениями, он «казался себе рыцарем какого-то нового ордена, призванного блюсти правду на земле, защищать невинных и угнетенных». А после процесса, который внешне закончился победой молодого адвоката, «ему и по улице идти совестно, и хотелось бы спрятать портфель, чтобы никто не догадался о его звании защитника».

Этот крутой поворот в душе героя объясняется следующим образом: тут же, в зале суда, где судьи оправдали его клиентку, Толпенников убеждается, что он защищал не невинно обвиненных людей, а изворотливых жуликов. Удрученный адвокат ищет мужа подзащитной, чтобы вернуть ему гонорар. Но отставной генерал, только что сунувший молодому адвокату в руку две золотые монеты, уже ушел: он спешил поздравить свою оправданную супругу, которая даже не соизволила явиться в суд, рассматривавший ее дело.

Убитый тем, что его судебное красноречие послужило неправде, Толпенников ищет утешения у своего патрона — Алексея Семеновича, многоопытного адвоката. Анализируя ход дела, шеф отмечает некоторые изъяны в профессиональном поведении юного коллеги: «Не надо вот было денег в руки брать», тем более что клиент не рассчитался сполна; не стоило, пожалуй, патетически говорить о «седой голове» подзащитной, которая на самом деле рыжая, без седины в волосах.

Однако не эти промахи мучат Толпенникова, а то, что оправданная генеральша в действительности виновата в нарушении акцизных правил, которые вменялись ей в вину. Но у старого адвоката на этот счет припасены успокоительные пилюли. «В действительности! — нетерпеливо сказал Алексей Семенович.— Откуда мы можем знать, что происходит в действительности. Может быть, там черт знает, что в этой действительности. И нет никакой действительности, а есть очевидность».

Когда-то и умудренному опытом Алексею Семеновичу были не чужды иллюзии, владеющие ныне его юным помощником. Но за долгие годы работы старый адвокат смирился с лицемерием буржуазной юстиции, с тем, что перед неправым судом истину вполне может заменить ловко состряпанная «очевидность», под прикрытием которой состоятельный преступник может откупиться от «правосудия», избежать наказания с помощью денег, подлогов и лжесвидетельств. Лишь бы было чем платить подставным свидетелям и расторопному адвокату.

Знаменательна концовка рассказа. Как бы подводя черту под ненужными душевными муками Толпенникова, патрон деловито обещает ему взыскать с генерала полную сумму адвокатского гонорара и дает своему помощнику новое поручение...

Сходный мотив звучит и в другом рассказе Л. Н. Андреева из адвокатской жизни — «Защита. История одного дня». Герой этого произведения, помощник присяжного поверенного Колосов, так же как и Толпенников, мучится сознанием своей неспособности доказать правду. И опять на пути к истине встает пресловутая «очевидность», представленная суду более ловкими коллегами. Только цена ее в этот раз несравненно выше номинала двух золотых монет — десять лет каторги невиновному человеку. Когда несправедливо осужденная подзащитная Колосова, препровождаемая в тюрьму, проходит мимо своего адвоката, «он берет ее безжизненно опущенную руку, наклоняется и говорит: «Таня! Прости меня!» Это все, чем может помочь несчастной ее защитник. «Таня поднимает на него тусклые без выражения глаза и молча проходит дальше».

В лучших традициях русской литературы критического реализма написан Л. Н. Андреевым и такой рассказ на судебную тему, как «Христиане».

...Во втором уголовном отделении много публики: слушается «громкое» дело. Как хорошо отрегулированный механизм, работает судебная машина. Председатель суда выясняет у свидетелей их готовность принять присягу, «говорить правду, и только правду». Один свидетель охотно отвечает «да», другой, третий... И вдруг председатель с разбегу натыкается на неожиданность: в ответ на трафаретный вопрос «согласны ли вы принять присягу?» вместо привычного «да» он слышит вызывающее «нет». «Как человек, в темноте набежавший на дерево и сильно ударившийся лбом, председатель на миг потерял нить своих вопросов и остановился».

Да, свидетельница православного вероисповедания. Нет, она не принадлежит к секте, которая запрещает своим членам присягать в суде. «Член суда с левой стороны» осторожно предполагает: не беременна ли свидетельница? Нет, не похоже и на это. Так в чем же дело? Чем вызвано то, что «вместо плавного, отчетливого, стройного постукивания судебного аппарата» получилась, как считает председатель суда, «нелепая бестолковщина»?

А все дело в том, что свидетельница живет в публичном доме, торгует собой, и, по ее разумению, она недостойна приносить в суде церковную присягу, ибо вся ее жизнь — нарушение заповедей христианства. «Ну и так что же, что проститутка?» — с удивлением вопрошает председатель. Но она стоит на своем. Ни председательствующий, ни члены суда, ни даже священник не могут убедить свидетельницу в том, что ее образ жизни находится в полном согласии с нормами закона и христианской морали. Бессилен в своем изощренном словоблудии адвокат. Битыми оказались козыри товарища прокурора. На свидетельницу не действуют и туманные рассуждения о лике христовом, которые обрушивает на нее присяжный заседатель «необыкновенно интеллигентного, даже одухотворенного вида», явно склонный к мистицизму.

На помощь «правосудию» пытается прийти полиция. Частный пристав, оказавшийся в числе свидетелей, просит у председателя суда разрешить ему уеди-

ниться со свидетельницей. «Я в ихнем участке, где ихний дом... Я живо, ваше превосходительство... Она присягу сейчас примет». Но и угроза применения физической силы не сломила упрямую свидетельницу. В конце концов падшая женщина Караулова побеждает в этом морально-религиозном диспуте своих оппонентов — «христиан», одетых в судейские, прокурорские и полицейские мундиры, знающих, как попутно выясняется, о публичных домах не только понаслышке.

После «остроумных» упражнений сторон в богословии и юриспруденции, препирательств между членами суда скандал замят, рождается постановление: «допросить свидетельницу Караулову, ввиду ее нехристианских убеждений, без присяги». И застопорившая было машина «правосудия» движется дальше — «в образцовом порядке и тишине совершается суд».

Писатель энергичными мазками, очень убедительно разоблачает ханжество официальной морали и лживость продажной юстиции общества, в котором царит культ насилия и наживы, все продается и покупается, многие преступления узаконены, возведены в норму поведения.

С глубоким знанием дела, массой характерных деталей рисует Л. Н. Андреев картину судебного заседания, создает реалистические, как бы выхваченные из самой жизни образы судей, обвинителя, защитника, других участников процесса. И не случайно Л. Н. Толстой отмечал превосходное изображение Л. Андреевым сцены суда в «Христианах».

Есть основания полагать, что в рассказе «Христиане» Л. Н. Андреев использовал факты, с которыми он столкнулся в роли помощника присяжного поверенного. По свидетельству брата писателя — П. Н. Андреева, последний эпизод адвокатской практики Л. Н. Андреева относится к 1900-му году, когда он выступал по делу, которое «было сродни толстовскому «Воскресению». И можно думать, что Л. Н. Андреев как раз использовал материалы этого судебного процесса в работе над рассказом «Христиане».

Глубоким проникновением в психологию преступника отличается рассказ Л. Н. Андреева «Вор». Карманник-профессионал Федор Юрасов, трижды судимый за кражи, внешне выглядит довольно респектабельно. На нем пальто из настоящего английского сукна, мод-

ные ботинки, перстень с бриллиантом, правда фальшивым. Он следит за биржевыми операциями, знает курс ценных бумаг и умеет поговорить о коммерческих делах. Ездит Юрасов в вагоне второго класса и в подобающих случаях говорит «pardon». Короче говоря, он вполне сходит за того молодого порядочного немца-бухгалтера, которым ему так хотелось быть в мечтах. «Меня зовут Генрих Вальтер» — эти слова в устах Юрасова преисполнены глубочайшего, до конца одному ему известного смысла. То, что стоит за ними, не столько обычное воровское прикрытие, сколько отдохновение затравленной души от прозы воровской жизни, скрашиваемой лишь ресторанными кутежами и дебошами.

Юрасов собрался в гости к своей прежней любовнице, живущей под Москвой. «На вокзале он сидел в буфете первого класса, ел пирожки и пил пиво, и ему прислуживал человек во фраке». Иными словами, поначалу все выглядело так, как должно быть у добропорядочного «Генриха Вальтера». А потом Юрасов, «когда все двинулись к вагонам, вмешался в толпу и как-то нечаянно, подчиняясь общему возбуждению, вытащил кошелек у соседа, пожилого господина. Денег у Юрасова было достаточно, даже много, и эта случайная, необдуманная кража могла только повредить ему. Так оно и случилось». Обычная глухая тревога, с которой вор уже свыкся, к которой притерпелся, усугубляется под влиянием внешне незначительных поводов мучительным чувством раздвоенности бытия, острым осознанием несовместимости двух образов жизни: реального — воровского и выдуманного — благопристойного, честного. Мечущаяся душа вора Юрасова не находит себе покоя в солидном бухгалтерском обличьи Вальтера. Страх, в чем-то обоснованный, но еще больше навязчивый, овладевает всем существом Юрасова и в конце концов толкает его под колеса встречного поезда.

Таким трагическим аккордом завершается загородная прогулка «Генриха Вальтера», который исчез с лица земли вместе с тем, чье воспаленное воображение произвело его на свет, дабы восполнить зияющую пустоту и никчемность собственного реального бытия, попытаться как-то преодолеть глубокое, леденящее душу одиночество.

В 1908 году во время разгула реакции Л. Н. Андреев опубликовал «Рассказ о семи повешенных», в котором выразил свой резкий протест против жестокостей царизма, против массовых казней революционеров. В этом произведении, одном из самых сильных по художественной выразительности и таланту во всем творчестве писателя, получили отражение самые различные стороны современной Л. Н. Андрееву правовой действительности. Писатель рассказывает о подготовке покушения на министра, о полицейской слежке за революционерами, их аресте, скором и неправом суде над ними. Сцены прощания одного из осужденных с родителями, ожидания приведения приговора в исполнение, подготовки и самой казни написаны рукой большого художника слова, тонкого психолога. Они никого не могут оставить равнодушным, глубоко потрясают читателя.

Юридическая тема затрагивалась и в некоторых других произведениях писателя позднего периода его творчества. В них также немало ярких образов, сильно написанных страниц, интересных наблюдений и глубоких размышлений. Но здесь уже сказались и слабые стороны мировоззрения Л. Н. Андреева, свойственный ему идейный сумбур, его метания и далеко не всегда плодотворные искания.

ПОДЗАЩИТНЫЙ — ИСКУССТВО

И. Э. Грабарь (1871—1960) — известный советский художник. Он внес большой вклад в живописную ленинниану, был крупным мастером портрета, выдающимся пейзажистом — певцом русской зимней природы. Его «Февральская лазурь», «Мартовский снег», «Морозное утро», «Сентябрьский снег», «Сказка инея и восходящего солнца» и многие другие работы вошли в золотой фонд русской живописи. Один из авторов и редактор знаменитой «Истории русского искусства», И. Э. Грабарь стоял у истоков советского искусствоведения. Многое сделано им и в области научной реставрации произведений искусства.

Менее известна работа И. Э. Грабаря по организации музейного дела и охране памятников культуры. А именно эта сторона многогранной деятельности народного художника СССР, академика И. Э. Грабаря заставляет вспомнить о его юридическом образовании.

Профессия правоведа была семейной традицией у Грабарей. Отец художника, по происхождению из угрорусов, закончил юридический факультет Пештского университета, занимался адвокатской практикой в Пеште, избирался членом венгерского парламента. Он отдал много сил борьбе против насильственной мадьяризации русского населения Угорщины, входившей в состав

Австро-Венгрии, и в 1880 году был вынужден эмигрировать в Россию. Поселилась семья Э. И. Грабаря в Москве, где будущий художник поступил в лицей. Выходные дни он обычно проводил у старшего брата — В. Э. Грабаря, студента юридического факультета Московского университета (впоследствии известного профессора международного права). На квартире В. Э. Грабаря собирались его друзья, в основном студенты-юристы. Общение с демократически настроенной молодежью было, несомненно, важным звеном в формировании мировоззрения будущего художника, ученого и общественного деятеля. В компании студентов-юристов формировались и художественные воззрения И. Э. Грабаря. Здесь часто бывал Д. А. Щербиновский, студент-юрист, тесно связанный с училищем живописи, ваяния и зодчества. Впоследствии он стал художником, написал интересную картину из судебной жизни «Комната присяжных поверенных в перерыве судебного заседания». Через Щербиновского И. Грабарь познакомился с художниками А. Е. Архиповым, С. В. Ивановым, В. Д. Поленовым, а затем и с К. А. Коровиным, В. А. Серовым, которые оказали сильное влияние на все творчество Игоря Эммануиловича.

Несмотря на художественные наклонности, проявившиеся еще в детстве, интерес к искусству, успешные занятия рисунком и живописью в лицейские годы, Игорь Грабарь в 1889 году поступает на юридический факультет. На это решение повлияли не только семейные традиции и та атмосфера, в которой жил юноша в лицейские годы. Несомненно, сказалась и разносторонняя одаренность И. Грабаря, широта его интересов.

Юридический факультет Петербургского университета, где учился И. Э. Грабарь, пользовался в те годы репутацией учебного заведения, дающего фундаментальные правовые знания, считался одним из ведущих в университете. Через много лет И. Э. Грабарь вспоминал, что у юристов, особенно популярных, аудитории были полны до отказа, хотя это были самые большие помещения в университете. Лекции профессоров-юристов посещали также студенты других факультетов.

С большим уважением отзывался Игорь Эммануилович о профессоре гражданского права Н. Л. Дювернуа; о В. И. Сергеевиче, читавшем курс истории рус-

ского права; о Ф. Ф. Мартенсе, который был не только крупным ученым в области международного права, но и разрешал в качестве арбитра серьезные международные конфликты. Пытливость, стремление глубоко и всесторонне познать предмет, серьезное отношение к занятиям были неотъемлемыми качествами студента И. Грабаря. Описывая студенческие годы в книге «Моя жизнь», художник говорит, что он «меньше всего был студентом-лодырем, ибо аккуратно и неукоснительно посещал лекции, записывая их в тетради и читая в университетской библиотеке те книги, которые рекомендовались профессорами в дополнение к лекциям».

В 1893 году И. Э. Грабарь успешно закончил университет. А применить свои знания на практике он смог еще во время учебы, когда стал личным секретарем бывшего профессора-юриста, сенатора Ф. М. Дмитриева, автора замечательной, по свидетельству И. Э. Грабаря, диссертации «История судебных инстанций». В обязанности молодого правоведа входили изучение и подготовка для доклада Ф. М. Дмитриеву дел по первому департаменту Сената. В современном понимании они относились в основном к вопросам административной юстиции. И. Э. Грабарь вспоминал, что дела обычно начинались с жалобы какого-нибудь купца на неправильное взыскание налогов, или чиновника на незаконное превышение власти начальством, или еврея-фармацевта на выселение в черту оседлости. На эти жалобы писали свои объяснения исправники, но на них снова подавались обиженными жалобы, на которые уже следовали ответы губернаторов, и т. д., пока наконец дело не доходило до Сената. Интересно и профессионально точно следующее высказывание И. Э. Грабаря о «технологии» его работы у сенатора: «...я усвоил технику чтения, или вернее извлечения из массы лишних и постоянно повторяющихся фактов и аргументов самого главного материала, нужного для суждения и решения дела».

Ф. М. Дмитриев был незаурядной личностью, разносторонне образованным человеком. И для И. Э. Грабаря многое значили не только деловые контакты с маститым правоведом, но и задушевные беседы с ним. По вечерам у камина Грабарь и его шеф обсуждали различные вопросы общественно-политической жизни, литературы, читали статьи Герцена, Лассаля, письма

Бакунина. Как отмечают исследователи жизненного и творческого пути Игоря Эммануиловича, его сотрудничество с Дмитриевым давало не только громадную юридическую практику, но и расширяло кругозор будущего художника в плане социально-политическом.

После окончания Академии художеств, куда И. Э. Грабарь поступил в 1894 году, он долгие годы плодотворно трудился в искусстве. Много времени и сил Игорь Эммануилович отдал организации музейного дела, охране памятников искусства.

В 1913 году И. Э. Грабарь был избран попечителем Третьяковской галереи, и прежде всего его стараниями эта частная коллекция была превращена в национальный музей русского искусства. И. Э. Грабарь уделял много внимания пополнению собраний картин галереи, приобретению для нее новых работ, созданию надлежащих условий для хранения произведений искусства, организации их учета. И во всей этой организаторской работе ему, несомненно, пригодились юридические познания. Эта деятельность художника и ученого с еще большим размахом развернулась и наполнилась новым содержанием после Великой Октябрьской социалистической революции. И. Э. Грабарь работает в Наркомпросе, в отделе по делам музеев, а с 1918 по 1925 год он — директор Третьяковской галереи. Он принимает непосредственное и активное участие в организации музейного дела на принципиально новых началах, в подготовке законов, декретов, постановлений, которые определяли правовой режим художественных ценностей, ставших общенародным достоянием, порядок государственного хранения и обработки архивных материалов. О том, какое громадное значение придавало этому делу молодое Советское государство, свидетельствуют такие характерные эпизоды. В Совет Народных Комиссаров в декабре 1917 года поступил запрос Острогожского Совета: как быть с ценностями, конфискованными у помещиков? Ответная телеграмма, подписанная В. И. Лениным, гласила: «Составить точную опись ценностей, сберечь их в сохранном месте, вы отвечаете за сохранность. Имения — достояние народа. За грабеж привлекайте к суду. Сообщайте приговоры суда нам» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 17). В другом случае В. И. Ленин писал Крымскому ревкому: «Примите решительные меры к действительной

охране художественных ценностей, картин, фарфора, бронзы, мрамора и т. д., находящихся в ялтинских дворцах и частных зданиях, ныне отводимых под санатории...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 309).

А вот как вспоминает И. Э. Грабарь о сохранении художественных ценностей в книге «Моя жизнь»: «Одним из первых больших дел отдела была разработка декретов о национализации крупнейших частных художественных собраний, об учете и охране произведений искусства, о национализации Троице-Сергиевской лавры. Инициатива всех этих декретов исходила от В. И. Ленина. Они шли от нас к нему на утверждение, и некоторые из них, как декреты о национализации частных собраний и лавры, он лично исправил, значительно усилив ответственность заведующих за их сохранность».

И. Э. Грабарь участвует в разработке таких важных документов, как декрет Совнаркома «О запрещении вывоза и продажи за границу предметов искусства и старины», воззвание к населению об обеспечении сохранности памятников искусства. Вместе с другими видными деятелями культуры он активно проводит в жизнь полезные начинания Московского Совета по охране памятников искусства и музеев. При непосредственном участии И. Э. Грабаря были обнаружены и спасены фрески Феофана Грека в Новгороде, росписи Мирожского монастыря в Пскове (XII век), всемирно известные иконы Оранты, Дмитрия Солунского, а также многие другие произведения древнерусского искусства.

Несомненно, что во всей этой работе И. Э. Грабаря большую роль играли не только его художественный талант, творческая энергия, но и недюжинные организаторские способности, широкая образованность, умение давать правильную социально-политическую и юридическую оценку тем или иным явлениям, а также разносторонние познания, в том числе и правовые. Характерны следующие факты, относящиеся к двадцатым годам. В одном из декретов о национализации не было своевременно оговорено право отдела по делам музеев выбирать для пополнения музеев ценности, имеющие художественное значение. И существовала опасность, что при изъятии имущества могли попасть в лом произведения, имеющие высокую художественную цен-

ность. И. Э. Грабарь обратился с этим вопросом к А. В. Луначарскому, который попросил М. И. Калинина принять художника. И вопрос был решен с учетом интересов музейного дела: последовало дополнение к декрету, запрещавшее изъятие ценностей в отсутствие представителя отдела по делам музеев.

Показателен и такой случай, о котором рассказал И. Э. Грабарь в своей «Автомонографии». Художник М., старый товарищ И. Э. Грабаря по Академии художеств, делая альбомные портретные зарисовки в Кремле, добился постановления Малого Совнаркома, предоставлявшего ему право изъятия из всех музеев республики его картин и вывоза их за границу для персональной выставки. Когда М. явился в Третьяковскую галерею и потребовал выдачи его картин, И. Э. Грабарь категорически ему в этом отказал.

— Так ведь есть же постановление Малого Совнаркома,— настаивал М., показывая копию документа.

— Оно было принято без представителя заинтересованной стороны — отдела по делам музеев, который его немедленно обжалует,— ответил И. Э. Грабарь.

Постановлением ВЦИК декрет был отменен, и М. в его просьбе отказано. Как показали дальнейшие события, это было правильное и своевременное решение: выехав за границу, М. вел себя недружественно по отношению к нашей стране.

Сохранились многочисленные документальные свидетельства глубоко патриотичной, благородной и исключительно полезной деятельности И. Э. Грабаря по охране и сбережению памятников культуры. Одно из них — брошюра «Для чего надо охранять и собирать сокровища искусства и старины», написанная И. Э. Грабарем и изданная в 1919 году Комитетом по охране художественных сокровищ при Совете Всероссийских кооперативных съездов. Всего три десятка страниц, но сколько на них глубоких мыслей и дельных советов! «В основе всякого разумного строительства,— писал в своей книге художник, ученый и общественный деятель И. Э. Грабарь,— лежит преемственность культуры. Самые решительные нововведения, наиболее глубокие изменения государственного строя и коренная ломка всей жизни достигают цели и долговечны только в том случае, если приняты во внимание все особенности, отличающие культуру данной страны от культур дру-

гих стран. Отсюда вытекает необходимость изучать культурное наследие своей страны и всячески его охранять и собирать...» Все очень ясно, доходчиво и, казалось бы, просто. Но только с позиций сегодняшнего дня! Необходимо учесть, что в то время культурному наследию, памятникам искусства, предметам старины опасность могла угрожать с самых разных сторон. Кто-то был не прочь погреть руки, обогатиться за счет того, что потеряло прежних хозяев. Многие честные люди недопонимали значения всей остроты проблемы сохранности произведений искусства и предметов культуры. Заботы о защите новой власти, о куске хлеба, другие насущные вопросы не оставляли им времени для этого дела, с которым, казалось, можно и подождать. У некоторых переоценка ценностей зашла столь далеко, что рождались такие «ультрареволюционные» призывы:

Мы во власти мятежного страстного хмеля.
Пусть кричат нам: «Вы палачи красоты!»
Во имя нашего завтра сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.

И мы, кого чаруют бессмертные творения человеческого гения, собранные в залах Третьяковской галереи или Эрмитажа, кто любуется подмосковными усадьбами или Петродворцом, должны быть бесконечно благодарны тем, кто в тяжелые для страны времена говорил подобно академику И. Э. Грабарю: «...в эпоху полного переустройства всего государственного и жизненного уклада вопрос об охране памятников искусства и старины становится неотложной задачей государственного значения».

Разъяснив в брошюре суть дела, всю его важность для национальной культуры, И. Э. Грабарь далее подробно рассказывает о формах, методах и приемах охраны произведений искусства и предметов старины. Он дает целый свод систематизированных, четких, конкретных правил, выполнение которых необходимо для решения данной задачи. Эта брошюра напоминает инструкцию и невольно заставляет вспомнить о юридическом образовании автора. В подтверждение сказанного достаточно воспроизвести деловитые и лаконичные заголовки разделов брошюры. Вот они: «Что надлежит охранять?», «Как надлежит охранять?», «Что надлежит собирать?», «Как надлежит собирать?», «Что такое

регистрация?», «Как укладывать и перевозить вещи?», «Как складывать и размещать вещи?», «Что такое инвентаризация?»

Правовыми вопросами охраны художественных ценностей И. Э. Грабарю довелось заниматься и много лет спустя, во время Великой Отечественной войны, когда он работал в комиссии по учету и охране памятников культуры и искусства, пострадавших от фашистских захватчиков. Материалы этой комиссии были широко использованы при расследовании и судебном разбирательстве дел о злодеяниях, совершенных нацистами, которые в двадцатом веке возвели разбой, вандализм и другие преступления в ранг государственной политики. Фашисты разрушили и уничтожили на временно оккупированных территориях около трех тысяч архитектурных памятников, вывезли более ста тысяч ценнейших художественных и научных экспонатов. Из девятисот девяноста двух музеев, имевшихся в СССР, они разграбили четыреста двадцать семь.

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны вышла книга «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР». Один из ее авторов и научный редактор, И. Э. Грабарь в кратком введении писал: «Пусть настоящая скорбная книга, отмечающая лишь малую часть погибших художественных сокровищ, поведает всему миру о злодейских делах нацистов и напомнит о великолепии, бывшем до их прихода».

С научной глубиной и обстоятельностью, юридической строгостью к фактам и выводам рассказывается в этой книге о руинах храма Спаса-Нередицы, оставшихся после фашистов, об искалеченном Софийском соборе, о побитых древних фресках в Новгороде, о циничных надписях, сделанных фашистской солдатней на стенах всемирно известных архитектурных памятников, о разрушенном Снетогорском монастыре, о взорванных врагом Поганкиных палатах в Пскове, о развалинах Петродворца и Нового Иерусалима, обнаруженных после того, как оттуда были изгнаны злобные упыри со свастикой на рукавах.

В 1948 году академики И. Э. Грабарь и А. М. Панкратова выступили со статьей «Вернуться к ленинской системе охраны памятников». Отмечая несовершенство действующего законодательства, которое не предусмат-

ривало единого хозяина этого важного дела, распыляло ответственность за сохранность памятников между многими организациями, они предлагали ряд мер правового характера, способствующих всесторонне обоснованному решению вопроса с учетом долговременных интересов сбережения культурного наследия. Одним из конкретных практических результатов выступления И. Э. Грабаря и А. М. Панкратовой было создание Методического совета по охране памятников искусства при Президиуме Академии наук СССР.

Плодотворные научные идеи И. Э. Грабаря, отдавшего десятки лет делу сбережения культурного наследия, его многочисленные предложения, касающиеся самых различных аспектов этой работы, нашли отражение в принятом Верховным Советом СССР в октябре 1976 года Законе «Об охране и использовании памятников истории и культуры».

РЕЧИТАТИВЫ И КАЗУИСТИКА

«...Стоит только накопиться трудной и неприятной работе по адвокатуре, как я уже начинаю мечтать о том, что, пожалуй, сцена мое единственное призвание... С рвением бросаюсь я тогда к оперным клавирам, и вот здесь какой-нибудь трудный речитатив или плохо удающаяся нота, часто случайное отсутствие дыхания или голоса начинают возбуждать во мне сомнение в моих способностях быть хорошим артистом. Случись к этому выиграть дело, преодолеть пугавшую юридическую трудность, и опять берет верх сознание, что в адвокатуре я, пожалуй, больше на месте. Потом, конечно, все улаживается — и речитативы и казуистика, но невольная эквилибристика все-таки оставляет свой неприятный след, а вопрос так и остается открытым».

Эти слова принадлежат великому русскому певцу, знаменитому тенору, выдающемуся мастеру бельканто Леониду Витальевичу Собинову (1872—1934). Так писал он в 1897 году, когда после успешного дебюта в Большом театре (партия Синодала в опере А. Рубинштейна «Демон») был принят в состав оперной труппы. Немногие профессиональные певцы удостаивались такой чести. Равно как далеко не всем молодым правоведам довелось делать первые шаги на юридическом поприще под руководством известного судебного ора-

тора Ф. Н. Плевако. (Как известно, Ф. Н. Плевако по ряду вопросов современной ему политической жизни занимал реакционную позицию. Однако рассмотрение политических взглядов этого судебного деятеля лежит за рамками данной работы.)

Л. В. Собинов основательно готовился стать правоведом. Для выходца из семьи мещанина это был верный путь «выбиться в люди», занять положение в обществе. Так считал его отец. Еще во время учебы в гимназии Леонид Собинов познакомился со студентами старейшего юридического учебного заведения — Демидовского лицея. И после окончания гимназии он без сомнений и колебаний подает прошение на юридический факультет Московского университета, куда и зачисляется в 1890 году. Здесь, как и в гимназии, Собинов учился превосходно, к занятиям относился со всей серьезностью, несмотря на то что у него уже пробудился интерес к вокальному искусству и он одновременно с учебой на юридическом факультете занимается в филармоническом училище.

Будущий цивилист усердно изучает гражданское право и процесс, историю римского права. Лекции по философии, логике, психологии, русской и всеобщей истории, истории литературы также влекли студента Собинова с его разносторонними интересами, постоянной тягой к знаниям. В то же время пытливый юноша критически относится к некоторым учебным дисциплинам или к тем, кто их преподает. Делясь своими впечатлениями об университетских занятиях, он в письме к М. Ф. Большаковой сообщает: «Остракизму подверглись Дроздовский с его историей русского права и поп Сергиевский с его богословием... Дроздовский говорит ужасно монотонно, скучно, сонно, вяло, предлагает слушателям конспект истории борьбы удельных князей, почти без всякого отношения к праву, а Сергиевский не слушается потому, что читает богословие».

По окончании университета в 1894 году Л. В. Собинов был удостоен «диплома первой степени со всеми вытекающими правами и преимуществами». Этот диплом многое значил для сына ярославского приказчика.

Л. В. Собинова привлекала адвокатская практика. Еще в студенческие годы он говорил: «Я решил идти по адвокатской части. Это дело кажется мне более простым и интересным». Дела у молодого помощ-

ника присяжного поверенного ладились. Правда, он не вел громких сенсационных процессов, которые «делали имя» в глазах широкой публики. В таких процессах участвовал, как правило, сам «патрон» — Плевако, слава которого в то время достигла зенита. Его же помощникам доставались дела «рядовые». «Мне пришлось много работать, — вспоминал об этих годах своей жизни Леонид Витальевич,— и, кажется, не было дня, чтобы я не выступал в окружном суде, у мирового или в коммерческом суде... Вел множество раскольничьих дел».

Л. В. Собинова — адвоката больше привлекала гражданско-правовая практика. Его клиентами в основном были городская беднота, рабочие, крестьяне с их повседневными нуждами и заботами. Они искали содействия в делах по возмещению убытков, связанных с увечьями, полученными на производстве, с назначением пенсий, пособий... Одним из процессов, который вел Л. В. Собинов, было дело по иску крестьянок Лутченковой и Павловой к Московско-Брестской железной дороге в связи с гибелью их мужей — извозчиков, раздавленных при разгрузке вагонов. Дело было не из простых, оно требовало хороших знаний гражданского права и процесса, юридической практики. Молодой адвокат успешно потрудился и выиграл этот процесс.

Дела такого рода отвечали демократическому, гражданственному настрою Л. В. Собинова. В них он находил, насколько это было возможно в условиях того времени, удовлетворение от сознания исполненного долга.

Переход Л. В. Собинова от юриспруденции к профессиональному занятию пением представлял собой сложный психологический процесс, который сопровождался напряженным внутренним диалогом. Лирический тенор с будущим мировым именем всерьез стоял перед дилеммой, выраженной в этих шутливых словах: «Кем быть? Лучшим певцом среди адвокатов или лучшим адвокатом среди певцов?» Не случайно молодой артист, заключая контракт с Большим театром, оговорил за собой право совмещать сценическую деятельность с исполнением адвокатских обязанностей.

Активная и успешная работа на двух столь далеких друг от друга поприщах требовала напряжения сил,

исключительного трудолюбия и строгой самодисциплины, увлеченности тем и другим делом, большой организованности. Всего этого Л. В. Собинову было, как говорится, не занимать. Случались на перекрестке двух дорог и курьезы. «...В каком-то концерте я получил первый (лавровый) венок в моей жизни, — вспоминал Л. В. Собинов.— Я повесил его у себя на стене. Как-то один из моих клиентов-крестьян в то время, когда я писал ему какое-то прошение, подошел и стал внимательно рассматривать этот венок с красными лентами.— Это что же...— спросил он у меня грустно,— после покойничка остался?»

Прежде чем был сделан окончательный выбор, прошло целых два года. «...Днем шляюсь по судам и канцеляриям...» «...Сейчас время готовиться к уголовному делу в Александрове...» Это строки из писем Собинова — не только адвоката, но и профессионального певца, уже получившего признание.

Окончательному решению полностью перейти на работу в театр способствовал случай, связанный с адвокатской практикой Л. В. Собинова.

...В Коммерческом суде разбиралось очередное дело с его участием. «Ну, соловей, посмотрим, что вы нам споете»,— улыбаясь, сказал молодому адвокату председательствующий, наслышанный о его артистических успехах. Это была просто шутка, но она побудила Л. В. Собинова еще раз всерьез задуматься над своим будущим и сделать окончательный выбор...

Небезынтересно отметить, что в целом адвокатская практика Л. В. Собинова с самого ее начала немало содействовала становлению его в качестве певца. В частности, именно в среде юристов молодой адвокат познакомился с А. М. Керзиным, присяжным поверенным. А. М. Керзин и его жена были основателями кружка любителей русской музыки. Собинов стал активным участником этого кружка, много и с успехом пел в нем. Шеф Л. В. Собинова — Ф. Н. Плевако был большим любителем музыки, устраивал у себя музыкальные вечера, благотворительные концерты, где часто выступал Леонид Витальевич. Обратив внимание на вокальные способности молодого коллеги, Плевако не раз советовал ему подумать о сцене.

Но важнее другое. Приведенные страницы биографии великого певца свидетельствуют о большой серьез-

ности, вдумчивости и глубоком чувстве ответственности, с которыми Л. В. Собинов подходил к своему жизненному призванию. Они, как представляется, также помогают уяснить этапы становления Л. В. Собинова как гражданина и общественного деятеля. А певец Собинов неотделим от Собинова-гражданина. Вспоминая свою молодость, Леонид Витальевич однажды заметил, что его душа всегда стремилась «к общественности, к справедливости и защите обиженного».

Не только получением высшего образования, приобретением профессиональных познаний, необходимых для юридической деятельности, определяется значение университетского периода в жизни Л. В. Собинова. В это время он сделал первые шаги как общественный деятель. Именно в студенческие годы у него сформировалось умение всесторонне и глубоко оценивать явления общественной жизни, безошибочно распознавать правду и кривду в ней, развились демократические настроения и взгляды. Способствовала этому и его адвокатская практика. Чувство долга и гражданской ответственности, живое участие в общественных делах, высокая культура и широкая образованность, демократические взгляды, стремление служить людям, приносить им радость — эти и многие другие великолепные качества Л. В. Собинова, снискавшие ему всеобщую любовь и уважение, уходят своими истоками в годы его учебы и первый период самостоятельной жизни.

Некоторые из тех, кто хорошо знал Л. В. Собинова, утверждали, что если бы он остался юристом, то достиг бы выдающихся успехов в области правоведения, ибо и здесь у него проявлялись блестящие способности. Но дилемма, вставшая перед молодым адвокатом после успешного дебюта на сцене, была достаточно серьезной. Как ни щедро одарила этого человека природа, какой-то талант надо было все же «зарыть в землю». Л. В. Собинов, скорее по зову сердца, чем по велению разума, отказался от одного привлекавшего его дела в пользу другого. И в своем выборе был, конечно, тысячекратно прав. Ведь художественный гений — явление уникальное, незаменимое. Возможно, что из Леонардо да Винчи, если бы он продолжал дело своего отца, получился бы очень квалифицированный нотариус и труды его были бы по достоинству вознаграждены флорентийскими купцами. Но тогда

могла остаться неизвестной для нас и других поколений людей улыбка Моны Лизы! Так и талант Собинова мог остаться неизвестным.

В 1934 году, навсегда прощаясь с Л. В. Собиновым у его гроба, другой великий артист — Василий Иванович Качалов — сказал: «Прости и — спасибо тебе за то, что ты жил с нами... работал с нами, пел нам. Пропел нам свою чудесную песню — чудесную, как и твоя жизнь,— и прожил с нами жизнь, прекрасную, как и твоя песня. Прими наш земной поклон за ту радость, которую подарил ты своей песней и своей жизнью».

Да, голос Л. В. Собинова, его певческий дар и творческий подвиг не знают себе равных, они воистину неповторимы. И можно только бесконечно благодарить судьбу за то, что главным в его жизни стала эта чарующая песня, которая осталась на радость людям в веках.

Но вот что еще достойно восхищения в биографии Л. В. Собинова. Сделав окончательный выбор жизненного пути, он отнюдь не перечеркнул, как это нередко встречалось в сходных ситуациях, своего прошлого, не отбросил всего того, что приобрел в предшествующие годы на поприще, столь далеком от театральных подмостков. И в этом еще раз проявились исключительная широта и многогранность личности Л. В. Собинова, цельность его натуры и щедрая одаренность. Удивительно редкий случай, но факт остается фактом: в артистической деятельности, в непосредственном служении искусству Л. В. Собинов неоднократно и с большой пользой для дела применял свои правовые познания и даже навыки практикующего юриста. И. Д. Ремизов, знавший Л. В. Собинова со студенческих лет, вспоминал: «Когда готовилась новая постановка, Леонид Витальевич весь отдавался изучению партии, на столе грудой лежали книги на разных языках, чертежи, рисунки и альбомы». Л. В. Собинов принес с собой в театр науку, усвоенную им от его знаменитого учителя — адвоката Плевако: создавая образ, он изучал материал по первоисточникам, связанным с ролью.

В 1907—1908 годах Л. В. Собинову, в то время уже знаменитому певцу, довелось выступить в роли... ответчика по судебному делу. 6 января 1907 года он должен был петь в опере Массне «Вертер». Заболел

дирижер, и дирекция театра заменила его другим, который успел провести наспех всего лишь одну репетицию с труппой. Столь легкомысленное отношение к серьезному делу претило Л. В. Собинову. Он всегда очень тщательно, с большим чувством ответственности готовился к каждому выступлению и требовал этого от других. Артист отказался петь в недостаточно подготовленном спектакле. Владелец частной оперы Зимин предъявил к нему иск о взыскании убытков.

Во время рассмотрения дела Л. В. Собинов гастролировал за границей. Его интересы в суде представлял адвокат Малянтович. Л. В. Собинов внимательно следил за ходом процесса, с профессиональной глубиной вникал в тонкости судоговорения и высказывал обоснованные соображения о том, как лучше защищать права ответчика. Не довольствуясь газетными отчетами о рассмотрении дела, он просит прислать ему копии свидетельских показаний, различных процессуальных документов. Л. В. Собинов обстоятельно анализирует действия адвоката и находит, что он, оттого что не знаком с музыкой и некоторыми деталями театральной жизни, то есть с фактической стороной юридического «казуса», упускает очень много важных вопросов, не ставиг их перед свидетелями. С юридической точки зрения дело было не из простых, и по нему проводилась экспергиза, к которой Л. В. Собинов проявлял особый интерес. Е. М. Садовская сообщила Л. В. Собинову, что экспертами было признано, что он имел право уйти и отказаться от неподготовленного спектакля из чувства артистического достоинства, не желая выступать перед московской публикой в новой партии кое-как.

Процесс завершился в Московской судебной палате только в 1908 году. Газеты сообщали, что Л. В. Собинов, не преследуя в этом деле никаких материальных интересов, предложил пожертвовать 3674 рубля, взыскания которых добивался истец, в пользу студентов и голодающих. Со своей стороны Зимин признал, что Собинов имел основание «в интересах художественных особенно бережно отнестись к первой с его участием постановке оперы «Вертер» перед московской публикой, а вследствие этого мог предъявить к репетиции 5 января более строгие требования, чем те, которым эта репетиция отвечала. Считаясь с этим, Зимин отказался от взыскания убытков, происшедших от отказа Соби-

нова участвовать в «Вертере». Такой исход процесса имел чрезвычайно важное, принципиальное значение, выходящее за рамки конкретного факта. Дело получило большой общественный резонанс. И не только потому, что в нем участвовала знаменитость, всемирно известный певец. Действия Л. В. Собинова нисколько не были похожи на капризы театральных звезд, случавшиеся в сходных ситуациях. Это была принципиальная позиция артиста — гражданина, взыскательного художника, который со всей серьезностью относился к своему делу, не знал в нем мелочей и не позволял принести высокие художественные интересы в жертву меркантильным, деляческим соображениям. Если учесть всю сложность правового положения артистов того времени, нельзя не восхититься преданностью Л. В. Собинова лучшим традициям и идеалам артистической профессии и его гражданским мужеством.

И здесь уместно вспомнить, что высокая гражданственность, забота об общественном благе пронизывали не только профессиональную деятельность, но и всю жизнь этого человека. Л. В. Собинову всегда было чуждо «искусство для искусства». Он никогда не замыкался в сфере узкопрофессиональных интересов. Судьба родной страны, людские горести и страдания в годы царизма, будущее своего народа, его культуры — все это постоянно находило живой отклик в чуткой душе Л. В. Собинова. В 1917 году он говорил, что искусство и свобода — это «два лучших дара человеческого духа». А задолго до этого, в 1905 году, когда очень немногие люди его круга сумели понять истинное значение революционных событий, он писал: «Я могу только желать горячо и крепко, чтобы действительно наступило царство свободы».

Л. В. Собинов неизменно придерживался прогрессивных, демократических взглядов. И в дореволюционные годы он не только словом, но и конкретным делом помогал освободительному движению. К. И. Чуковский вспоминал: когда генерал Трепов в 1905 году обратился к войскам со знаменитым приказом о расстреле восставших рабочих: «Патронов не жалеть!»,— в одном из тогдашних журналов, который назывался «Сигнал», первые две буквы приказа были чуть-чуть затушеваны и получилось: «Тронов не жалеть!» Журнал очень скоро закрыли, редактора посадили в тюрьму, но следо-

ватель, занимавшийся этим делом, так и не узнал одной тайны: «Сигнал» издавался в значительной мере на средства Л. В. Собинова.

Громадную материальную помощь оказывал Л. В. Собинов в дореволюционные годы демократически настроенному студенчеству. Он ежегодно давал концерты, сборы от которых поступали в кассы обществ студенческой взаимопомощи. Одно только Общество вспомоществования студентам Московского университета, почетным членом которого Л. В. Собинов был избран в 1905 году, получило от него за десять лет около сорока пяти тысяч рублей. Характерная деталь: по контракту с театральной дирекцией артист имел право дать в пользу студентов не более одного концерта за сезон. Л. В. Собинов не мог нарушать условий контракта, но нашел способ обходить их. Певец устраивал концерты в виде музыкальных вечеров в частных домах с приглашением гостей. Это не противоречило букве контракта, а поступления в студенческую кассу заметно увеличивались.

В 1917 году Л. В. Собинов полностью на стороне трудящихся. Он безоговорочно принимает революцию. Продолжая много выступать на сцене, в концертах, артист включается в активную общественную, организаторскую работу. Биографы Л. В. Собинова, касаясь этого периода жизни великого певца, ознаменованного деятельным участием в строительстве социалистической культуры, отмечают, что ему были присущи «высокое чувство долга и сознание ответственности перед коллективом, большой такт и умение разбираться в самых сложных вопросах правовых отношений».

В период, когда у власти стояло Временное правительство, Л. В. Собинов исполнял обязанности комиссара Большого театра. После Великой Октябрьской социалистической революции он занимает последовательно ряд административных постов в различных учреждениях культуры: председателя Всеукраинского музыкального комитета в Киеве, заведующего подотделом искусств наробраза в Севастополе, затем директора Большого театра и заместителя директора по художественной части в оперной студии имени К. С. Станиславского. Множество новых забот — больших и малых — вошло в жизнь артиста. Представление о них дают его письма, относящиеся к 1918, 1919 и двадца-

тым годам. В них Л. В. Собинов сообщает о своих повседневных делах, бесчисленных вопросах, которые ему довелось решать как администратору. Например, о выдаче охранных грамот на театральное имущество, о хлопотах по поводу задержки зарплаты служащим, о подготовке к чествованию юбиляров, о формировании оперного репертуара, об устройстве концертов в заводских клубах, о заключении договоров с артистами, о распределении ролей между артистами, о рецензировании спектаклей, о реорганизации труппы, об эстетическом воспитании в трудовой школе, о создании Народной консерватории, о работе Художественного совета, о преподавании изобразительного искусства учащимся начальных классов...

Человек исключительного обаяния, всегда жизнерадостный, оптимистично настроенный, общительный, остроумный, Л. В. Собинов неизменно вносил во все свои дела своеобразный художественный, артистический элемент. Так, однажды директора академических театров А. И. Южин, К. С. Станиславский, В. И. Немирович-Данченко и Л. В. Собинов пришли в Кремль, чтобы обсудить с наркомом А. В. Луначарским больной вопрос о длительной задержке выдачи жалованья. В приемной Л. В. Собинов предложил коллегам разыграть маленькую мизансцену — войти в кабинет наркома с вывороченными карманами. Так и сделали.

Общественная, организаторская работа Л. В. Собинова в области культуры, проходившая параллельно с активной сценической деятельностью, многочисленными концертными поездками, получила всеобщее признание. Одним из первых (вслед за Ф. И. Шаляпиным и М. Н. Ермоловой) он был удостоен в 1923 году высокого звания народного артиста республики. В 1933 году, когда торжественно отмечалось тридцатипятилетие творческой деятельности Л. В. Собинова, он был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

«Я убеждена,— писала А. В. Нежданова, хорошо знавшая артиста, выступавшая с ним во многих спектаклях,— что Собинов войдет в историю русского искусства не только как выдающийся артист-вокалист, но и как культурный деятель, много сделавший для родного искусства». Самый объективный судья — время подтвердило всю правоту этих слов.

РАЗНООБРАЗИЕ В ЕДИНСТВЕ

Столетие со дня рождения Николая Константиновича Рериха (1874—1947) отмечалось в 1974 году во всем мире. И это было признанием его неоценимого вклада в мировую культуру. Еще раньше Дж. Неру, хорошо знавший и самого Н. К. Рериха, и его творчество, говорил: «Когда я думаю о Николае Рерихе, я поражаюсь размаху и богатству его деятельности и творческого гения. Великий художник, великий ученый и писатель, археолог и путешественник, он касался и освещал так много аспектов человеческих устремлений».

С юных лет у Н. Рериха проявился устойчивый пытливый интерес к искусству, истории, археологии. После окончания гимназии он мечтает поступить на исторический факультет университета и в Академию художеств. Но отец Н. К. Рериха — юрист, преуспевающий владелец крупной нотариальной конторы в Петербурге — рассудил иначе: он собирался передать Н. Рериху свое дело и настаивал на том, чтобы сын стал правоведом. Слушая возражения сына, петербургский нотариус был непреклонен. Он заявил, что сходный случай из жизни флорентийского нотариуса — отца Леонардо да Винчи для него не является достаточно убедительным прецедентом. «Россия,— любил повторять К. Ф. Рерих,— нуждается в общественных деятелях, а не рисовальщиках». Но сын настаивал на

своем. В конце концов принимается компромиссное решение: Н. Рерих согласился поступить на юридический факультет при условии, что ему будет позволено одновременно сдавать вступительные экзамены в Академию художеств. Так был развязан довольно сложный семейный «гордиев узел».

После занятий в мастерских Академии Н. Рерих спешит в аудитории юридического факультета да еще успевает посещать лекции на историческом. Юноша попрежнему проявляет интерес к археологии, много читает из того, что не относится ни к академическому, ни к университетскому курсу. И, конечно, не является случайным тот факт, что дипломное сочинение, написанное Н. Рерихом при завершении юридического образования, было посвящено теме, «пограничной» между юриспруденцией, историей и искусством. Оно называлось «Правовое положение художников древней Руси». Приступая к этому исследованию, студент юридического факультета Н. Рерих определяет свою задачу так: «Русское живописное дело — положение художников, их быт, жалованье, права, обязанности». И обоснованно добавляет: «Вопрос совсем неисследованный».

Работая над дипломом, Н. Рерих штудирует известный памятник права — «Русскую правду», документы археологических экспедиций, старинные указы и уставы, изучает летописи, описания монастырей, различные грамоты и акты, материалы живописи, памятники культуры. Внимание Н. Рериха привлекает «Стоглав» — законодательный сборник середины XVI века, регулировавший как светскую, так и церковную жизнь на основе «старых обычаев». В конце XVII века этот свод правил был признан «еретическим» и долгое время находился под запретом, но сохранил свое влияние на разные стороны жизни.

«Стоглав» предписывает почитать «живописателей паче простых человек». Он подробно регламентирует правила поведения художников: «...Да мятутся люди страстями телесными, ты же (иконописец.— *А. А.*), духовно ревнуя ко славе честного художника, подвизайся кистью и словом добрым»; «подобает быть живописцу смиренну, кротку... благовейну, не празднословцу, не смехотворцу, не сварливу, не завистливу, не пьянице, не грабежнику, не убийце, но и пачежь хранити чистоту душевную и телесную со всяким опасением...»

Много внимания уделил Н. Рерих изучению быта, а также принципов и методов обучения художников, артельных начал в их жизни, взаимоотношений маститых иконников и начинающих живописцев. Материалы, собранные при подготовке дипломного сочинения, были использованы им впоследствии для работы «Иконный терем», написанной уже после окончания университета.

В студенческие годы Н. Рерих делает первые самостоятельные шаги в живописи и графике. Его картины появляются на выставках, рисунки публикуются в журналах. Как художник он известен не только в Академии, но и в университете. В 1896 году выходит очередной «Литературный сборник произведений студентов Императорского Санкт-Петербургского университета». Среди его редакторов А. Н. Майков и Я. П. Полонский (напомним, что оба поэта были по образованию юристами), а большинство иллюстраций выполнены студентом юридического факультета Н. Рерихом.

В 1898 году Н. Рерих успешно завершает университетский курс и получает диплом правоведа. Но он так и не унаследовал нотариальную контору отца. Означает ли это, что был абсолютно прав университетский профессор римского права Ефимов, который, зная об интересах и увлечениях Н. Рериха, его первых успехах в искусстве, недоуменно спросил студента-выпускника во время государственного экзамена: «На что вам римское право, наверно, к нему больше не вернетесь?» Действительно, Н. К. Рериху не пришлось заниматься юридической практикой и блистать латинскими изречениями в судебных речах. Но, как свидетельствуют искусствоведы, учеба на юридическом факультете, изучение римского права и «Русской правды», не говоря уже о лекциях историков, помогли Н. К. Рериху ощутить единство современной для него России и древней Руси, прошлого и настоящего всей жизни человечества. А это было очень важно для художника, который многое сделал именно как исторический живописец.

Много лет спустя в «Листах дневника» Н. К. Рерих с удовлетворением вспоминал о лекциях таких известных ученых-юристов, как Сергеевич и Фойницкий, и сделал следующие записи: «История русского права и римское право остались любимыми... университет остался полезным эпизодом. Куинджи (в мастерской которого Н. К. Рерих учился в Академии.—*А. А.*)

очень заботился, чтобы университетские занятия не слишком страдали...»

Университетское образование несомненно способствовало успешной организаторской деятельности Н. К. Рериха в области культуры и искусства. В 1898 году он становится помощником редактора журнала «Искусство и художественная промышленность», а затем секретарем Общества поощрения художеств. Секретарь Общества ведал всем делопроизводством и имел решающий голос в текущих делах Общества, в ведении которого находились Художественно-промышленная школа, Художественно-промышленный музей, постоянная художественная выставка, аукционный зал. В 1906 году Н. К. Рерих утверждается директором школы Общества поощрения художеств. На всех этих должностях он проявил себя умелым организатором, опытным администратором. Особенно плодотворной была деятельность Н. К. Рериха в школе Общества поощрения художеств, где готовились специалисты для художественной промышленности. Н. К. Рерих коренным образом перестроил весь учебный процесс в школе, добился ее превращения в образцовое учебное заведение. Через четыре года после того, как Н. К. Рерих стал директором школы, А. Н. Бенуа писал: «Самое закоснелое из российских художественных учреждений оказывается вдруг способным на обновление и жизненность. Это чудо произошло благодаря энергии одного человека, одного художника — Рериха».

Знания, полученные на юридическом факультете, оказали определенное влияние и на творческую деятельность Н. К. Рериха, особенно на первых ее этапах, когда художник уделял много внимания истории славянства и древней Руси, становлению российской государственности. Уже в самом выборе этой темы, в которой отнюдь не все было ясно и понятно, сказалась широкая эрудиция молодого художника, его разносторонние познания, в том числе в области истории государства и права. Среди различных аспектов жизни славянских племен внимание Н. К. Рериха привлекают вопросы общественного самоуправления. Об этом свидетельствует, например, картина «Сходятся старцы». В цикле «Славяне», к сожалению полностью не осуществленном, Н. К. Рерих предусматривал работы на такие темы: «Сходка наспех. В городке спешная ноч-

ная сходка. Столкновение старого и молодого элементов»; «Вече. Собрание у священного дуба. Представители лучших славянских родов. Сознание необходимости выхода из настоящего положения»; «Князь на полюдье. Князь из варягов творит суд на полюдье и собирает дань».

Совмещая живопись и научные изыскания, археологические экспедиции и административную деятельность, Н. К. Рерих находит для себя еще одно дело, которому он позже посвятил много времени и отдал немало сил. Это сбережение и охрана культурных ценностей.

Только в 1903—1904 годах Н. К. Рерих посетил более сорока русских городов. Его привлекали места, где чувствовалось дыхание истории, ход времени от «старины глубокой» до современности: Ярославль, Владимир, Суздаль, Кострома, Ростов Великий, Смоленск, Казань, Новгород, Псков... Впечатлений от поездок много, они приносят не только научные открытия в области археологии, новые темы для художественного творчества, но и дают пищу для грустных размышлений о бесхозяйственном, преступно небрежном отношении к памятникам истории и культуры. С горечью вспоминает Н. К. Рерих о возмутительном факте, когда был назначен в продажу с торгов за двадцать восемь тысяч рублей для слома чудный ростовский кремль. Только отсутствие покупателя спасло от гибели этот памятник архитектуры. С тревогой пишет художник, ученый и общественный деятель о том, что «пришел в совершенное разрушение» знаменитый Гедеминовский замок, зарастают кустами, ветшают когда-то грозные стены и башни Новгорода и Пскова, и вообще «не перечесть всего погибающего» в старинных русских городах.

Член совета Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины, председатель комиссии по учреждению музея допетровского искусства и быта, член-учредитель Общества возрождения художественных ремесел, Н. К. Рерих принимает деятельное участие в работе по сбережению культурного наследия, делает все возможное для того, чтобы улучшить, насколько это позволяли тогдашние условия, организацию учета и охраны исторических памятников.

После свержения царизма, в период Временного правительства, учреждается Особое совещание по делам искусств во главе с М. Горьким. Товарищами (заместителями) председателя Совещания были А. Н. Бенуа и Н. К. Рерих, который, кроме того, состоял членом трех секций, в том числе законодательной.

Яркие страницы в жизни Н. К. Рериха — его активное участие в разработке международно-правовых норм по охране культурных ценностей. В этом благородном, исключительно гуманном деле он сотрудничал с видными юристами, сам работал над проектами соответствующих международно-правовых соглашений, многое сделал для того, чтобы они были приняты. Данная сторона многогранной деятельности Н. К. Рериха, свидетельствующая о том, что юридическое образование не оказалось для него напрасным, имеет свою историю. Идея разработки международно-правовых норм об охране памятников культуры рождается у Н. К. Рериха еще в годы русско-японской войны. В 1914 году он создает плакат «Враг рода человеческого», в котором гневно протестует против разрушения таких всемирно известных памятников культуры, как Реймский собор, библиотека Лувена.

В двадцатые годы Н. К. Рерих вплотную занялся разработкой международно-правового статуса памятников искусства, культуры и научных учреждений. По его просьбе доктор международного права Парижского университета Шклявер и член международного суда в Гааге профессор Жоффр де ла Прадель подготовили проект международно-правового соглашения по данному вопросу. Этот документ вошел в историю права и культуры под названием «Пакт Рериха». Обосновывая настоятельную необходимость принятия международно-правового соглашения об охране культурных ценностей в случае вооруженных конфликтов, Н. К. Рерих писал: «...пушки хотя бы одного из избранных броненосцев могут так же уничтожить величайшее сокровище искусства и науки, как и целый флот».

Великий художник, ученый и гуманист вновь напомнил людям о разрушении Реймского собора и других памятников культуры во время первой мировой

войны и призвал их «принять немедленные меры против заблуждений невежества».

Основная идея Пакта состояла в том, что образовательные художественные и научные учреждения, художественные и научные миссии, персонал, коллекции и другое имущество этих учреждений в случае войны признаются нейтральными и находятся под покровительством особого флага; как таковые, они «будут уважаемы воюющими». В документе предусматривался порядок регистрации памятников культуры, международно-правовая процедура рассмотрения дел о посягательствах на них и т. д. По опыту Красного Креста, эмблема которого получила признание во всем мире, Н. К. Рерих предложил особый отличительный знак для произведений искусства, музеев, картинных галерей, старинных зданий и других памятников культуры, подлежащих международно-правовой охране. «Никто не будет отрицать,— писал Н. К. Рерих,— что флаг Красного Креста оказал неоценимые услуги и напомнил миру о человечности и сострадании. С этой целью проект Международного Мирного Договора, охраняющего все сокровища искусства и науки... предусматривает особый флаг, который будет почитаем как международная нейтральная территория».

Отличительный знак «Знамени Мира» (или «Знамени Рериха», как справедливо его называли), который должен был воспроизводиться на охраняемых международным правом памятниках культуры, представлял собой белое полотнище с красной окружностью и тремя вписанными в нее красными кружками. По одной из распространенных интерпретаций этот символ расшифровывался так: замкнутая окружность означала вечность, проявляющуюся в преемственности прошлого, настоящего и будущего.

Идея «Пакта Рериха» получила широкое признание во всем мире. Создаются постоянные комитеты Пакта и «Знамени Мира», проводятся специальные международные конференции, организуются выставки фотографий памятников культуры, подлежащих международно-правовой охране. Благородное начинание Н. К. Рериха поддерживают А. Эйнштейн, Р. Роллан, Т. Манн, Б. Шоу, Г. Уэллс и многие другие выдающиеся деятели культуры и науки. Например, Рабиндранат

Тагор писал Рериху: «Я зорко следил за Вашими замечательными достижениями в области искусства и за Вашею великою гуманитарною работою во благо всех народов, для которых Ваш Пакт Мира, с его знаменем для защиты всех культурных сокровищ, будет исключительно действенным символом. Я чувствую глубоко, что он будет иметь огромные последствия на культурную гармонию народов».

В 1930 году «Пакт Рериха» получает уже официальное признание — он одобряется Комитетом по делам музеев при Лиге Наций и передается на дальнейшее рассмотрение Международной комиссии интеллектуального сотрудничества.

Вторая мировая война приостановила реализацию предложений Н. К. Рериха. Уже после его кончины, в 1950 году, Комитет Пакта Рериха направил директору ЮНЕСКО копию Пакта со всей документацией по истории движения, начиная с 1930 года. Эти материалы были использованы при разработке Международной конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженных конфликтов. В 1954 году конвенция была принята специальной конференцией, созванной ООН в Гааге. Советский Союз и другие социалистические страны ратифицировали это международно-правовое соглашение. Таким образом, по словам С. Т. Коненкова, «нравственные принципы Рериха в отношении культурного наследия народов Земли стали нормами международного права».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Жить — значит бороться

Радищев А. Н. Избранные философские и общественно-политические произведения.— М.: Госполитиздат, 1952.

Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву.— Л.: Худож. лит., 1974.

Кулакова Л. И., Салита Е. Г., Западов В. А. Радищев в Петербурге.— Л.: Лениздат, 1976.

Бабкин Д. С. Процесс Радищева. — М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

Остроумов С. С. Советская судебная статистика.— М.: Изд-во МГУ, 1976.

Покровский С. А. Государственно-правовые взгляды Радищева.— М: Госюриздат, 1956.

Старцев А. И. Университетские годы Радищева.— М.: Сов. писатель, 1956.

Все в нем было необыкновенно привлекательно

Грибоедов А. С. Горе от ума.— Л.: Дет. лит., 1972.

Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 г.— Полн. собр. соч.: В 10 т.— М.: Наука, 1964, т. 6.

Каратыгин П. А. С. Грибоедов (из моих записок).— СПБ, 1872.

Попова О. И. Грибоедов — дипломат.— М.: Междунар. отношения, 1964.

Святому братству верен я

Пушкин А. С. История Петра I. Заметки о Камчатке.— Полн. собр. соч.: В 10 т.— М.: Наука, 1965, т. 9.

Руденская М. П., Руденская С. Д. Они учились с Пушкиным.— Л.: Лениздат, 1976.

Грот К. Я. Пушкинский лицей (1811—1817): Бумаги 1-го курса, собранные академиком Я. К. Гротом.— СПБ, 1911.

Пушкин, его лицейские товарищи и наставники (несколько статей Я. Грота с присоединением и других материалов).— СПБ, 1887.

Приговор неправому суду

А. Н. Островский в воспоминаниях современников. — М.: Худож. лит., 1966.

Лакшин В. Я. А. Н. Островский. М.: Искусство, 1976.

А. Н. Островский в русской критике: Сб. статей.— 2-е изд., доп./Вступ. статья и примеч. Г. И. Владыкина.— М.: Гослитиздат, 1953.

Служение истине и красоте

Стасов В. В. Избранные сочинения.: В 3 т.— М.: Искусство, 1952, т. 2.

Маркевич А. П. В. В. Стасов. Гражданин. Критик. Демократ.— Киев, Изд-во Киев. ун-та, 1969.

Горина Т. Н., Прытков В. А., Соколова Н. И. История русского искусства. — М.: Искусство, 1960, т. 2.

Лебедев А. К., Солодовников А. В. В. В. Стасов: Жизнь и творчество. — М.: Искусство, 1976.

Салита Е. Г., Суворова Е. И. Стасов в Петербурге. — Л.: Лениздат, 1971.

Искание правды

Ленин В. И. Лев Толстой как зеркало русской революции.— Полн. собр. соч., т. 17, с. 206—213.

Ленин В. И. Л. Н. Толстой.— Полн. собр. соч., т. 20, с. 19—24.

Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 12 т., М., Худож. лит., т. 1, 1972; т. 3, 1973; т. 11, 1975.

Апостолов Н. Н. Живой Толстой: Жизнь Л. Н. Толстого в воспоминаниях и переписке.— М.: Изд. Толстовского музея, 1928.

Великой памяти Л. Н. Толстого.— Казань, Казан. ун-т, 1928.

Гусев Н. Н. Л. Н. Толстой: Материалы к биографии с 1828 по 1855 г.—М.: Изд-во АН СССР, 1954.

Гусев Н. Н. Л. Н. Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 г.— М.: Изд-во АН СССР, 1957.

Гусев Н. Н. Л. Н. Толстой: Материалы к биографии с 1870 по 1881 г.— М.: Изд-во АН СССР, 1963.

Гусев Н. Н. Л. Н. Толстой: Материалы к биографии с 1881 по 1885 г.— М.: Наука, 1970.

Голяков И. Т. Суд и законность в художественной литературе.— М.: Госюриздат, 1959.

Давыдов Н. В. Л. Н. Толстой и суд.— М., 1913.

Давыдов Н. В. и др. Сборник воспоминаний о Л. Н. Толстом.— М.: Златоцвет, 1911.

Кони А. Ф. Собр. соч. — М., Юрид. лит., 1968, 6,8 т.

Ломунов К. Н. Драматургия Л. Н. Толстого.— М.: Искусство, 1956.

Маклаков В. А. Л. Н. Толстой как общественный деятель.— М., 1912.

Будь врагом ты всякой лжи

Чайковский П. И. Полн. собр. соч., т. т. 5, 6, 7 (письма).— М.: Музгиз, 1959—1971.

Чайковский П. И. Переписка с П. Ю. Юргенсоном, 1, 2 т.— М.: Музгиз, 1938.

Альшванг А. П. И. Чайковский. — 3-е изд. — М.-Музгиз, 1959.

Конисская Л. М. Чайковский в Петербурге.—Л.: Лениздат, 1974.

Паустовский К. Г. Память о Чайковском.— В кн.: Паустовский К. Рассказы. Очерки и публицистика. Статьи выступления по вопросам литературы и искусства. — М.: Худож. лит., 1972, с. 434—436.

Гершовский Е. Г. Чайковский в департаменте юстиции.— Сов. музыка, 1959, № 1, с. 83—88.

Плоды юридических изучений

Сахарова Е. В. Поленов В. Д. Е. Д. Поленова. Хроника семьи художника.— М.: Искусство, 1964.

Поленов В. Д. Раздобреева И. В. Вступ. ст. — В кн. Поленов В. Д. Альбом.—М.: Изогиз, 1958.

Короленко В. Г. Две картины.— Собр. соч. В 10 т.— М., Гослитиздат, 1955, т. 8.

Адвокат — судебный репортер — писатель

Андреев Л. Н. Рассказы.— М., Гослитиздат, 1956.

Андреев Л. Н. Повести и рассказы. — М.: Гослитиздат, 1957.

Андреев Л. Н. Полн. собр. соч. — СПБ.: Изд-во т-ва А. Ф. Маркс, 1913, т. 6.

Фатов Н. Н. Молодые годы Леонида Андреева.— М.: ЗиФ, 1924.

Чуковский К. И. Леонид Андреев. — В кн.: Из воспоминаний. — М.: Сов. писатель, 1959.

Подзащитный — искусство

Грабарь И. Э. Моя жизнь. Автомонография.— М.— Л.: Искусство, 1937.

Грабарь И. Э. О древнерусском искусстве.— М.: Наука, 1966.

Грабарь И. Э. Для чего надо охранять и собирать сокровища искусства и старины.— М., 1919.

Нестерова Н. Н. И. Э. Грабарь.— М.: Изд-во АН СССР, 1951.

Победова О. И. Грабарь И. Э.— М.: Сов. художник, 1964.
Стешенко Л. А., Тепферов В. Д. О памятниках истории и культуры.— М.: Юрид. лит., 1977.

Речитативы и казуистика

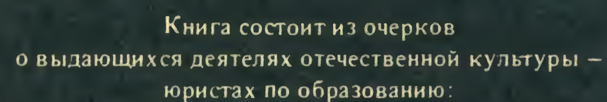
Собинов Л. В. Письма. М.: Искусство, 1970, т. 1.
Собинов Л. В. Статьи, речи, высказывания. Письма к Л. В. Собинову.
Воспоминания о Л. В. Собинове.— М.: Искусство, 1970.
Владыкина-Бачинская Н. М. Л. В. Собинов.— М.: Музыка, 1972.

Разнообразие в единстве

Рерих Н. К. Собр. соч.— М.: Изд-во Сытина, 1914, кн. 1.
Рерих Н. К. Зажигайте сердца/Сост. Богданова-Рерих И. М.— М.: Мол. гвардия, 1975.
Беликов П. Ф., Князева В. П. Рерих.— М.: Мол. гвардия, 1972.
Князева В. П. Рерих Н. К.— Л.— М.: Искусство, 1963.
Полякова Е. И. Николай Рерих. — М.: Искусство, 1973.

СОДЕРЖАНИЕ

25 коп.

Книга состоит из очерков
о выдающихся деятелях отечественной культуры —
юристах по образованию:
А. Н. Радищеве, А. С. Грибоедове, А. С. Пушкине, А. Н. Островском,
В. В. Стасове, Л. Н. Толстом, П. И. Чайковском, В. Д. Поленове,
Л. Н. Андрееве, И. Э. Грабаре, Л. В. Собинове, Н. К. Рерихе.
Читатель узнает много нового
о хорошо известных ему людях.
Особое внимание уделяется раскрытию того,
как юридическое образование
повлияло на мировоззрение,
общественно-политические и этические взгляды
деятелей культуры,
какой отклик получили юридические познания
в их творчестве.

·ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА·

